

Патриотизм —
религия
бешеных

Оскар Уайльд

Екатерина
РЫСЬ

РЕЛИГИЯ БЕШЕНЫХ

**РЕВОЛЮЦИЯ
ИЛИ СМЕРТЬ**

Полный курс выживания
на чужой необъявленной
ВОЙНЕ

Екатерина Рысь

Религия бешеных

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

Рысь Е.

Религия бешеных / Е. Рысь — «Центрполиграф», 2018

ISBN 978-5-227-07860-5

2004 год. Молодая журналистка, член Русского национального единства, приезжает в Москву с единственной целью – казнить одного знаменитого национал-большевика, члена партии Эдуарда Лимонова. Таким неудачным оказалось их знакомство за полгода до этого, сразу после освобождения нацбола из тюрьмы, в штабе Национал-большевистской партии – Бункере. За приставленный к горлу нож с человека требовалось спросить... Но вместо убийства журналистка влюбляется в нацбола. И становится его тенью...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-227-07860-5

© Рысь Е., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Вместо предисловия	7
Поролоновый топор, или от журналистской всеядности – до политической голодовки	7
На тропе «провокации»	7
Секта, рвущаяся к власти	9
На революцию приглашения не требуется	9
Остров свободы	10
Вечный кайф	11
Ересь	12
Топор из поролонa	14
Заранее обреченные на полный провал	14
Как погреться на пожаре	15
Формула любви	15
Перезагрузка	16
Фикция	17
Часть первая	22
Глава 1	22
Тонко, изящно и жестоко	22
Цель	23
Глава 2	25
lasciate ogni speranza	25
Прогулки по краю	26
Хаос	26
Мы убили в себе государство	27
Романтики с большой дороги	28
Холокост наоборот	28
Бархатный терроризм	29
Сводки с фронтов	30
Фронт – там	31
Глава 3	33
«Братцы, черви...»	33
Мой фюрер	34
Всадники Апокалипсиса	35
Первый ангел	36
Смешное слово	38
Тебя пока еще не режут...	39
Чисто	40
Запах крови	40
За вождя	41
Так говорил Заратустра	42
Королева помойки	43
Сидеть – не мешки ворочать!	44
Ее высочество	44
Золото партии	45
Покажите мне героя...	46
Ничего человеческого	47

Вторая Россия	49
Глава 4	50
Арбат	50
Чугунный	50
Адреналин	51
Загробный вой	52
С.С.	53
Любовь и война	53
Заповеди маньяка	54
Глава 5	55
А где тут у вас Минюст?	55
А где тут у вас избирком?	56
А где тут у вас «Россия»?	57
А где тут у вас морг?	58
А где тут у вас Бахур?	58
А где тут у вас Бункер?	59
А где тут у вас шоссе Энтузиастов?	60
Только те, кто верит	60
Побег	61
Глава 6	62
Дети кукурузы	62
Стена плача	64
Часть вторая	67
Глава 1	67
На свободе	67
Тридцатилетний полковник	68
Ледокол	68
А завтра – все, что осталось	69
Глава 2	71
Господа нацболы	71
Пацаны	72
Вот оно	73
Женя, патентуй диван	77
Предложение, от которого она не сможет отказаться...	78
Аншлюс	80
Ничего	81
Глава 3	84
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Екатерина Рысь

Религия бешеных

Героям моего романа:

Эдуарду Лимонову

Алексею Голубовичу

Сергею Соловью

Анатолию Тишину

Максиму Громову

Юрию Староверову

Кириллу Ананьеву

Патриотизм – религия бешеных.

Оскар Уайльд

Россия – страна самураев,

Путь каждого русского – смерть.

Сергей Соловей

Честь – это не звание, не погоны и не регалии. ЧЕСТЬ, согласно толковому словарю, есть внутреннее достоинство человека.

Максим Громов

Пройду как рысь от Альп и до Онеги

Тропой партизанских автострад.

Александр Башлачев

Всё – реклама, кроме некролога.

Народное изречение

Нам нужна одна большая грязная провокация...

Сид Вишес

Что с тобой случилось? Почему ты стала такой?

Х/ф «Девушка с татуировкой дракона»

Я использую людей для своих книг. Пусть мир будет бдительнее.

Х/ф «Основной инстинкт»

Писать надо так, чтобы за это посадили либо убили.

Сергей Соловей

Читай и плачь.

Х/ф «Девушка с татуировкой дракона»

© Рысь Е., 2018

© «Центрполиграф», 2018

Вместо предисловия

Поролоновый топор, или от журналистской всеядности – до политической голодовки

На тропе «провокации»

«Все, что вы видите вокруг, совсем не то, чем кажется»... Фильм «Рекрут» с этой фразой Роберта Де Ниро я посмотрела уже под конец своей долгой журналистской аферы, целиком прошедшей именно под таким лозунгом. Совсем не тем, кем казалась, была я для людей, чья жизнь на несколько лет стала и моей жизнью. Не единомышленником...

Вот вы не знаете, а ведь над провинциальной коммунистической прессой можно плакать. Летом 2005 года я окончательно вернулась из Москвы в Саров – кажется, специально для того, чтобы прочитать о себе в местной КП-газете. В июльском номере под рубрикой «У кого нам учиться» вышла статья «Саровская рысь выходит на тропу революции». Ну все, вот она, слава... Спалили. Оказалось, из газеты «Завтра» (№ 22, июнь) автору стало известно, что в голодовке за освобождение политзаключенных, организованной в мае в штабе НБП в Москве, умудрилась поучаствовать... саровская журналистка. Я...

«Кто бы мог подумать, что с виду вполне лояльные... журналистки... способны на протестную политическую голодовку!»

Тихонько всхлипывая и утирая слезу, я чувствовала себя чудовищем, отнявшим у ребенка конфету. Создал же Господь придурка! Как жестоко автор купился на мою страшную «провокацию», коей и было мое долгое погружение в чужую политическую борьбу. А участие в громкой «акции» стало необходимым финальным восклицательным знаком, логично завершающим историю моего внедрения. Мне же надо о чем-то писать... (Заметьте, через сколько лет я наконец-то «что-то написала». Хочется ведь иногда впасть в ностальгию по безвозвратно ушедшему недавнему прошлому. «Срок годности» тех событий давно благополучно истек. Теперь это просто красивая страшная сказка... Ага, исторический роман. «Три мушкетера»...)

А конец аферы вышел достойным.

1 мая 2005 года в штабе Национал-большевистской партии Лимонова началась голодовка в защиту политзаключенных. Были выдвинуты требования прекратить уголовные дела против всех сорока семи нацболов, находящихся в тюрьмах и лагерях РФ, а также признать для НБ-узников статус политических заключенных. Такое количество эка образовалось в партии после двух громких акций протеста. 2 августа 2004 года был захвачен Минздрав. Протестовали против отмены льгот. Сели семь человек. На 2,5–3 года...

14 декабря 2004 года нацболы вторглись в приемную администрации президента. И озвучили свои претензии к существующему порядку вещей. Сели сорок человек. Суд над ними начался только в июле 2005 года. Судьба их представлялась незавидной...

12 мая к голодовке в защиту «политических» присоединилась я...

Я давно знакома с нацболами. Но вряд ли когда-нибудь до конца их пойму. Вряд ли даже этого захочу. Их культ неистовой революции с глубинным разрушением системы и всех жизненных устоев... Мне такая «матрица» непонятна. Может быть, я просто не знаю чего-то такого, что знают они. Может быть, уже давно пора на баррикады... Они бьются с режимом. Я же цепляюсь к таким мелочам, как... идеологические разногласия. Точно, значит, еще не

припекло... И я не представляю себя швыряющей в кого-то майонез или штурмующей здание. Даже просто кричащей на улице лозунги – не представляю. Не мой стиль. Как же тогда я оказалась участником их голодовки?

О причинах войны помнят до первого выстрела. А дальше – только защищают своих близких. В причинах моей войны не было ни грана политики. Просто у меня в Бутырке сидел друг. Какой же черт понес его 14 декабря в приемную администрации президента? И если зимой нацбольская борьба была еще довольно абстрактна: они просто «озвучили свои претензии к существующему порядку вещей», – то уже весной... Весной их борьба конкретизировалась. Теперь они бились за свободу тех своих людей, кого сами же посадили чуть раньше... Кого-то отправляют на смерть. Кого-то сажают... Кстати, очень удобно. Всегда есть повод для нового витка борьбы и новых акций протеста.

Вот и я боролась – за одного этого конкретного человека. А как иначе? Он-то мне помогал...

Секта, рвущаяся к власти

Террор – не средство. Цель – сам террор!..

На революцию приглашения не требуется

Вторая моя любимая фраза: «Кто-нибудь еще хочет спросить, почему я НЕ вступаю в НБП?...»

...Люди идут на войну. А я отправилась на... революцию. Свое появление в Бункере на 2-й Фрунзенской – святая святых скандальной Национал-большевистской партии Лимонова – я приурочила к самому разгару предвыборной кампании в Госдуму. Выборы должны были состояться 7 декабря 2003 года.

Я приехала инкогнито: покрутиться, посмотреть, – в те недели туда стекалось множество персонажей. И в их исполнении кампания сразу превращалась в антивыборную. Их задача была «фарс лжевыборов» сорвать. И вот нацболы вкалывали как проклятые на ниве экстремизма...

Справка

Нацболы давно сеяли ветер. И уже начали пожинать бурю. Их урожай: в 2007 году партию вообще запретили. До этого лихие сюжеты о НБП часто мелькали на телеэкранах. То политиков забрасывают яйцами и майонезом: и Вешнякова, и Касьянова, и Грызлова. Всех уже не упомнишь! То приковываются наручниками в выставочном зале аж самого Кремля, то к воротам на Красной площади, то на балконе германского торгпредства или на крыше российского Министерства юстиции. По-альпинистски свеситься с антиправительственным плакатом из окна гостиницы «Россия» – сам Бог велел... То запираются на смотровых площадках башен – в Севастополе и Риге. Пытаются заступиться за притесняемых русских. И огребают за «терроризм» большие сроки...

Не успевают пенсионеры осознать, что их кинули с льготами, а нацболы уже обрушивают свой гнев на Минздрав и попросту захватывают кабинет Зурабова в августе 2004 года. А потом в декабре вторгаются в приемную администрации президента и «просят» его как-то смягчить, что ли, участь вверенного ему народа...

Их-то собственную участь, похоже, никто не смягчит. Потому что дальше любителям новостей телевизор рассказывает о бесконечных судебных заседаниях и присужденных тюремных сроках.

Вспомнили? Это не те русские экстремисты, которые убивают в подворотнях. Это те, которые пытаются защитить нищих стариков от бесчеловечных экспериментов властей. Чувствуете разницу? Во время всех «ужасных» нацбольских беспорядков не лилась кровь. Разве что их собственная. А их ведь уже убивают...

В логово вот этих радикалов я однажды без зазрения совести и просочилась. На революцию приглашения не требуется. Пришла – и осталась. В те дни перед выборами в бункер съезжался народ со всей страны. Многие из тех, с кем мы варились тогда в одном котле, благополучно сели. НЕ сесть – было сложнее. Но у меня была другая задача: посмотреть – и вернуться...

Посмотрела... Я честно жила в сюрреалистичном бункере-подвале, вскакивала в пять утра – и отправлялась вместе с тремя десятками оборванцев на мороз клеить запрещенные листовки: «Гражданин! Не ходи на выборы!» Муравей революции... Меня арестовывали,

закрывали в ментовке. «Бункер-ские бомжи» ржали: Рысь в милицию ходит, как на работу! Ну да, каждый день...

Свидетелем захвата Минюста в начале декабря 2003 года я оказалась случайно. Куда идем, не объяснялось. Подходим – а наши уже на крыше особняка за забором развернули транспаранты и скандируют лозунги. «Мы вас научим конституцию любить!» Далеко слышать. Класс... Это уже были солдаты революции. С крыши их всех снимали. Устроив погоню и свалку, кубарем прокатившись по мостовой, похватали и людей, глазающих вниз. Я смотрела остолбенев. На моих глазах «конкретное винтилово» происходило впервые. Это зрелище отрезвляет. Где-то в свалке растоптали мои розовые очки. Как будто это не их растоптали в 93-м... Почему меня не повязали, я не знаю. Ну да, я не висла на заборе... Десять арестованных хохотали в камерах: «Гражданин начальник, еще одной не хватает!»

Я честно шла одним с ними «поприщем». Ломало меня при этом страшно. «Мыши плакали, но жрали кактус...» Я честно огребала НЕ ЗА СВОЕ!

Я отказывалась понимать, куда они идут...

Остров свободы

Бункер... Совершенно перевернутый мир... Подвал, провозгласивший себя вершиной мира... Единственное, что облагораживает человека, – стремление к идеалу. Здесь же – территория, свободная от такой «ерунды». Здесь, наоборот, пытаются нивелировать весь остальной мир до своего уровня. Который очень невысок... На мир смотрят с усмешкой: мы его не устраиваем? А мы тогда его разрушим... Здесь живут по принципу: не можешь вписаться в эту жизнь – начерти свою систему координат. А себя сделай точкой отсчета. Тебе велик костюм мироздания? Перекрой его под себя, смело по-обрезав все лишнее. Тогда автоматически сможешь весь остальной мир заклеить последними словами, а себя провозгласить пупом земли. Да хоть самим Богом...

Все равно Его нет. Ты отменил Его, сидя в подвале на кухне и хлебая быстрорастворимые макароны из бомжпакета. «Слава партии!» Это выдыхают вместо обязательной молитвы. Хором – и поодиночке. Каждый – в сердце своем... Твой старший товарищ знает только один тост: «За вождя...» У тебя мудрые руководители, это те же люди, что в свое время создавали сверхъестественно успешные секты... Здесь партия – твой бог, а «Слава партии!» – твоя священная молитва. За твоей спиной – кирпичная стена с намалеванной на ней квинтэссенцией нацбolsкого стиля: «Все заслуги перед партией аннулируются в полночь!» Ты – кирпич в этой стене...

И ты встаешь задолго до рассвета – и в цепочке других таких же черных муравьев опять крадешься во враждебный внешний мир, чтобы попытаться подточить его устои. Где-то под ногтем чудовищного монстра – государства – снова трепыхнется молчаливое и упрямое жалкое «дитя подземелья». Вспыхнет как спичка. Сгорит за секунду. В пожаре революции... Жертвенность здесь катастрофическая. Противоестественная. От тебя давно уже никто не слышит философских рассуждений о революции. Ты просто встаешь – и идешь. На мороз, в темень, в ежесекундную удушающую опасность. На запрограммированный провал. Вообще ничего не требуя взамен. Ах да. Бомжпакет. Ты съедаешь его молча. Те, кто философствует, не встают в пять утра. Ты же – просто кирпич в стене...

Это не моя фраза. Одного старого нацбола...

Зимой 2004 года события приняли трагичный оборот, и Бункер начал осаждать ОМОН. Запершиеся внутри нацболы вдруг поняли, глядя на зарешеченные подвальные окна, в которые щедрыми клубами вплывал с улицы слезоточивый газ: «Весь остальной мир – уже за решеткой. Здесь – последний островок свободы». 5 марта 2004 года Остров свободы на 2-й Фрунзенской неизбежно пал...

Надо ли говорить, что я успела выскользнуть из этой мышеловки буквально накануне начала осады?..

Вечный кайф

Все уже усвоили: национал-большевик – уличный боец, непримиримый борец с режимом, с системой, с репрессивной и антинародной политикой властей. Занятый революционным творчеством. То есть не сидящий дома с книгами про Че Гевару, а творящий революцию на гребне событий по велению момента и души. «Да здравствует НБП творческая, борющаяся, находящаяся в конфликте с властью. Участвующая с народом в его волнениях и страданиях». На этом фоне полсотни нацбольских эзков преподносились руководством партии не как трагедия, что логично для нормальных людей, а как достижение, а это уже одержимость на грани невменяемости: «НБП совершила больше подвигов, чем какая-либо другая партия. Недаром у нас 47 человек сидят в тюрьмах».

«А конфронтация с властью желательна, ибо за пять лет Кремль доказал, что не хочет делиться с народом ни свободами, ни богатствами страны. Нужен последний и решительный бой, его-то мы и добиваемся». Эдуард Лимонов в 2005 году делал ставку на коалицию со всеми оппозиционными партиями против Кремля...

Национал-большевизм изначально – попытка скрестить ужа и ежа. Традицию и революцию. Селекцией еще в Гражданскую войну занялся некто Устрялов – «примиритель, смирившийся с тем, что революция произошла, и занявшийся обоснованием ее легитимности». Он пытался примирить и породнить большевизм с Россией и всей ее предыдущей жизнью, втащить в оголтелую революцию багаж русских традиций. Двубортную «Традицию и революцию» предложил один современный философ Эдуарду Лимонову в качестве оболочки для нового партийного движения. «Левые», социальные, идеи прочно увязали с «правыми», национальными, родословную партии можно было проследить из любой точки в русской истории. Революция произрастала из традиции... Широкая получилась идеология, игрушка-трансформер. Трактуй как хочешь. Как будто и вовсе нет ее... Исповедуй что хочешь. И сам будь кем хочешь, от коммуниста до фашиста. Контингент – слишком яркая творческая молодежь, которой тесно в обыденности и страшно одиноко в холоде реальности. И просто страшно. Это даже не Ноев ковчег, где каждой твари по паре, а Вавилон...

Программа партии... Эдуард Лимонов открытым текстом писал, что сочиняли ее для отмазки. Что программа – это газета «Лимонка» за все десять лет существования. То есть ее просто нет? А под какие тогда знамена к ним приходят люди, если никто и не собирался им рассказывать об истинных устремлениях партии? Уму непостижимо...

В книгах Лимонова про «другую Россию» – торжество юношеского максимализма с полным отрицанием уклада жизни предыдущих поколений. Точнее, это он, сидя в тюрьме, придумал, что понятный подросткам юношеский максимализм должен выглядеть как-то так... И то сказать, «подросток Савенко» на брюхе прополз через самые мрачные задворки жизни, сумел дожить до возраста зрелости – и на досуге развил на бумаге свою давнюю мечту об уничтожении этих самых задворков. Это должно было быть глубинное разрушение Системы, выкорчевывание корней старого косного мира: это и чиновничий беспредел, и протухшая религия, и удушающая семья... А как же традиция? Революционная риторика в устах моих новых приятелей – опять с обязательным сокрушением существующей системы, – мне она оказалась набором звуков, которые отказывались складываться в удобоваримые слова. Их культ неистовой революции с разрушением всех жизненных устоев... Мне в такой «матрице» непонятно. Может быть, я просто не знаю чего-то такого, что знают они. Может быть, уже давно пора на баррикады... Они бьются с режимом. Я же цепляюсь к таким мелочам, как идеологические разногласия. Точно, значит, еще не припекло...

В сознании жителя ядерного центра разрушение – дело одного нажатия на кнопку. «Нулевое чтение», подготовительный этап. Я все надеялась услышать главное: а что взамен? Строить-то что будем? В своих книгах Лимонов рисовал фантастично-абстрактную формацию, где вся власть отдана молодым. Такая же заведомая пропагандистская ложь, как «квартира каждой советской семье». Здесь: «квартира каждому подростку». Превозносился тип человека с шилами во всех местах – антисистемного героя. Разрушение. Вот его он и будет созидать. Революция должна была стать перманентной, как в глупом анекдоте про «вечный кайф». «Террор – не средство. Цель – сам террор!» Короче, бред, рассчитанный на привлечение в партию буйных подростков, для которых мир возник из небытия 15 лет назад. В людях сознательно обрубили даже зачатки корней, уводили прочь от традиции. Главное – непрестанно расшатывать Систему.

Самообман. Они повязаны с этой властью. Они никогда не свергнут власть, потому что дальше им свергать станет некого...

Тактика партии приводила меня в ужас. Громкие акции с забрасыванием неугодных политических деятелей майонезом, с захватом госучреждений... Их участники всеми силами напрашивались на то, чтобы их схватили, избили, посадили. В этом – высший героизм. Такие жертвы – ради чего? А, ну да, партии нужна реклама. Партия демонстративно протестует против социальной несправедливости. Партия рвется во власть...

Ересь

Любая власть – от Бога. Кроме той, которая с Богом борется. Разрушение противно нормальной человеческой природе...

Я смотрела на это все и понимала: изобретение в России каких-то новых мертворожденных идеологий и «схем движения» – преступление. Потому что у нас уже все есть. А всякие новые придумки – это попытки сбить людей с пути, увести в сторону от настоящей русской традиции. От Бога... «Русь – подножие Престола Господня...» Ложь запутана и многословна. Правда – проста. Эта партия – прибежище для тех несчастных, кто не знает единственного нужного слова: «Бог».

Рыба точно гниет с головы. Это Лимонов отменил Бога: «А какой смысл совершать революцию, если ее цель – только захватить министерские посты, вульгарные кабинеты. Мы должны будем сменить все. И придумать себе Нового Бога, возможно, какой-нибудь тунгусский метеорит или железную планету в холоде Космоса. Нашим Богом будет тот, кто даровал нам смерть. Может, нашим Богом будет Смерть...» («Другая Россия») Они к православному лезут с этой ересью? И правительства, и Бога свергают единственно с целью занять их место... Эй, а традиция?!

И ведь многие меня, наверное, даже не поймут. «О чем ты? Революция в опасности!»

Идея о «божественном» предназначении России – всего лишь одна из возможных жизненных схем. Не лучше и не хуже других. Но лично меня эта схема наполняет радостью и дает силы. А знали бы вы, сколько отчаяния и тоски наблюдала я у нацболов. Их жизнь – обреченная на провал борьба. Их бог – Смерть. Их участь – пустота еще при жизни. Есть отчего впасть в отчаяние...

Мы съели вместе немалое количество соли. Именно здесь я узнала значение слова «товарищ». Лишения и опасность отшлифовали человеческие отношения в Бункере до кристальной чистоты. Но не вся эта публика так прекрасна. С двумя «старыми» нацболами у меня дошло до поножовщины. Не сошлись во взглядах. У господ большевиков женщина оказалась приравнена к животному. Мне так и сказали. Они не учли, что я-то – не их бункерская нацболка. И напоролась на... Русского Человека. А как общаться с *людьми, созданными по образу и подобию*, они не знают. Другой опыт. Они слишком долго варились в котле НБП...

– В чем идеология НБП? – спросила я одного «старика», буквально из первой десятки основателей.

– Идеологии никакой. Это секта, рвущаяся к власти любыми путями. Только движется она какими-то дикими, необъяснимыми скачками, которые не ведут никуда...

Но таких посвященных – единицы. Для своих собственных рядовых членов НБП – революционная антисистемная партия, бьющаяся за социальную справедливость. Эти ребята на полном серьезе самоотверженно жертвовали собой ради нашего с вами благополучия. Вы это поймите. В тюрьмах гнили дети, которые – единственные! – попытались заступиться за наших стариков, когда у них отобрали льготы. Ребята – герои. Их жалко...

Топор из поролона

Фикция вместо функции...

Заранее обреченные на полный провал

«Семь сорок». В начале 2005 года эта фраза считалась в Бункере-2 на Вернадского верхом остроумия. Ровно столько нацболов сидело в Москве по тюрьмам. С каждым месяцем их заключения все сложнее было думать, что сидят они не за политику. Само по себе их вторжение в офис не стоило бы брошенного яйца. Если бы не требование отставки президента. А так это расценивалось уже как попытка захвата власти... Вообще же эти акции как будто преследовали единственную цель: как можно бестолковой посадить как можно больше народа. Ни за что. За «политику»...

В апреле 2005 года невероятная сила нацболовского притяжения снова приволокла меня в Москву, в Бункер. Оказалось, «семеро» и кое-кто из «сорока» зачем-то объявили в Бутырке голодовку. И если на бумаге они требовали соблюдения Конституции и прав человека на территории РФ, прекращения репрессий по политическим мотивам, закрытия лагеря смерти «Белый Лебедь» в Соликамске, всеобщей амнистии, присвоения им самим статуса политзаключенных, то на деле могли добиться разве что улучшения условий содержания. Накануне этапирования? Бессмысленно. И голодовка быстро захлебнулась. Ее ловко и технично загасили...

Но на воле ее решили поддержать, потребовать «свободу политзаключенным»... Интересная технология. Те, кто теперь сидел, на своих акциях выдвигали еще весьма абстрактные требования, они просто озвучили свои претензии существующему порядку. Теперь же они бились за свободу тех людей, кого сами же посадили тогда... Кстати, очень удобно. Всегда есть повод для нового витка борьбы и новых акций протеста...

«Будешь участвовать в голодовке?» – чуть не с порога спросили меня. Я на такие провокации реагирую четко: «А вы?» «Нет» звучало с интонацией: «Нет, конечно!» А я тут при чем? У вас в партии 18 тысяч человек. И вы тащите на свое сугубо корпоративное мероприятие какую-то левую тетку? Знаете, что это значит? Весь свой дееспособный контингент вы уже пересажали. Остальные не подходят даже на роль овощей...

Хотя изначальных людей-художников в партии уже давно заменили на людей-винтиков. «У нас не принято отказываться...» – в упор косились на такую несознательную меня. Вышедшие в тираж «старики» злобно развивали по углам теорию про одержимых и невменяемых, наполняющих теперь ряды партии. Человек, которому я верю, как-то обмолвился, что в партию приходят люди и говорят: пошлите меня на дело, за которое меня посадят... Кто-нибудь еще хочет спросить, почему я не вступаю в НБП?.. «Что они здесь ищут? – ужасался он уже руководящему звену. – Мразь – она же хитрая. Для чего им партия? Лимонов – тот, может быть, отхватит себе местечко в комитете «Выборы-2008». А эти-то что себе урвут?..»

Четверых «смертников» все же нашли. Три парня и девочка. Все не москвичи... Первого мая голодающие окопались в Бункере. Мне на это было плевать. Я в тот момент уже ничего не видела вокруг...

Слишком дорогой мне человек, конечно, из партии, с которым так тяжело расстались полгода назад... Его в апреле в Москве сбила машина. Я в ужасе примчалась к нему в больницу – и так там и осталась. Он стал еще неизмеримо дороже... Его мучения выматывали душу. Но в настоящее отчаяние вгоняло то, что я знала: он выходит из больницы – и мы опять расстаемся. И после этой катастрофы я себя уже не соберу. Мне необходимо переломать свои бессмысленные чувства – и успеть уйти первой.

И я, кажется, знаю, как выжечь память о нем. Знаю, куда можно уйти, устроить себе добровольное заключение. Соскочить...

Голодовка, похоже, была изначально обречена. Об этом полупшепотом поведал мне один из видных НБ-деятелей, куратор акции, бывший патологоанатом Анатолий. Руководство партии не обеспечило акции необходимый общественный резонанс, не забрасывало высокие инстанции яростными ультиматумами. У руководства вообще был медовый месяц с актрисой из «КГБ в смокинге». КПД от медленного самосожжения ребят равнялся нулю...

Как погреться на пожаре

Но я вдруг поняла, как можно погреться на этом пожаре. Заключением этим не поможешь. Но можно помочь себе...

Я выдвину свой ультиматум. Одному-единственному человеку. Да, *ему*... Я упаду на эту чертову голодовку – и только он один сможет меня остановить. Обездвиженному калеке без сиделки плохо. Буду нужна – позовет. А нет...

А если нет, то очень скоро мне станет вообще не до него. И невыносимая память о нем растает в мутном тяжелом мареве полуобморока. Господи, неужели возможно такое счастье? Все, решено...

А уж как здоровье поправлю. Голод – единственное, что дает мне ощущение полета. Первый раз, что ли?

И еще. Господа большевики почему-то решили, что могут так запросто потребовать от меня на блюде мою жизнь. Хорошо, они получают идеально упакованный... кукиш. Мне-то они сделают рекламу. А что мне остается, мне же надо хоть в чем-то поучаствовать, чтобы было о чем написать... Это будет восхитительно грязная самореклама. И я честно заработаю свое право писать про них «гадости»: «Я тут за вас, помнится, жизнью рисковала...»

Формула любви

А еще... Можешь – значит, должен.

...Я не собиралась участвовать в первомайской демонстрации в Москве. Просто подошла посмотреть на построение колонны. Мне было по пути. Я бежала в больницу. Только там и надо проводить Светлое Христово Воскресение – два праздника вот так нехорошо совпали в 2005 году. Даже храм отступает. Здесь ты можешь обратиться к Нему напрямую, дотронуться до руки, подать воды. «Я был болен, и вы посетили Меня... Так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали Мне». Мой «Бог» очень осязаемо материализовался тогда в безумца с переломанной ногой, первую неделю после аварии проводшего в диком бреде. Мое место было рядом с ним...

Тугая колонна полыхнула десятками флагов, начали раздавать портреты полсотни политэзков, чтобы пронести по городу это буквальное олицетворение своей политической борьбы. И когда самый первый портрет поплыл над головами... мое сердце рухнуло на камни. Мой приятель Юрий Викторович из Нижнего Новгорода спокойно и просто смотрел на меня сверху с портрета, вдребезги ломая своим немыслимым появлением здесь матрицу моего недавнего равнодушия. Откуда он здесь?! Один только раз после декабрьского захвата приемной у меня кольнуло сердце – и я кинулась штудировать списки заключенных. Нет, друзей в нем вроде бы не было. И вдруг – Юра. Боже мой... Столько времени общаться с человеком – и не знать его фамилии! Потом глянула в списки еще раз. Методом исключения получился «Юрий Викторович С...». Вот и познакомились...

Нижегородский гений, исключительно достойный парень, умница-студент, музыкант. Он ведь не состоял в партии. Но партия черным роем вилась вокруг него... Раз в несколько меся-

цев я почти без предупреждения безапелляционно обрушивалась на практически постороннего человека, появляясь на пороге его квартиры. В гости приезжала. И попадала домой. Где уже обитали дикие орды таких же НБ-проходимцев. Свой последний на тот момент день рождения я отмечала в жутком одиночестве на хате у того же Юры. Жестоко отгрызая куски от здорового леща, хамски добытого в хозяйском холодильнике... Юрий Викторович... Как же так? Как беззаботно все начиналось – и как стремительно и жестоко оборвалось...

День летел за днем, а у меня все не шел из головы взгляд моего друга, обращенный на меня сквозь флаги над толпой. И я поняла, что больше так не могу. Неужели я просто развернусь и уйду – и оставлю этот взгляд без ответа? Да не бывать этому. Я могу позволить себе роскошь хоть немного побыть человеком. Плевать, по каким причинам этот парень сел. О причинах войны помнят до первого выстрела. А дальше – просто защищают своих близких... Я заступлюсь за друга. Сделаю, что могу. Можешь – значит, должен... И когда мы встретимся с Юрой снова, мне будет не стыдно посмотреть ему в глаза. И нагло дожрать жирного леща из опустошенного нацболами холодильника. Что-то уж очень золотой оказалась для нас эта рыбка...

Странно, но накануне того, как это все завертелось, я почему-то вспомнила графа Калиостро с его «Формулой любви»: «В любви главное – возможность не раздумывая отдать свою жизнь за другого. Интересно попробовать...»

Перезагрузка

12 мая я объявила сухую голодовку. Чтоб наверняка.

«Наверняка» настало незамедлительно. Полуобморок. И невыносимо холодно. И ни единой мысли о НЕМ! Как отрезало. Получилось. Вот она, пошла перезагрузка...

Я четыре дня не пила ни глотка. «Только он один сможет меня остановить...» Потом ночью стащила у «сокамерников» семь литров «Ессентуков» – и еще три сухих дня. Патанатом Анатолий уже подступал ко мне с лопатой: «Ты что! Еще чуть-чуть – и кома!» Его паника передалась и мне. Дикие эксперименты я соблаговолила прекратить. Тут-то Анатолий Сергеевич и рассказал:

– Руководство сегодня заявило: надо, чтобы на голодовке кто-нибудь обязательно склеил ласты. А я говорю: не следите вы за тем, что происходит в Бункере. Я только вчера кандидата в покойники реанимировал!

Я только сглотнула. Ни хрена себе разнарядочки! «Организуйте мне полсотни эков, один труп. Для успешной PR-кампании...»

Ту первую неделю я в мучительном забытии уплывала в какие-то мутные призрачные дали. Меня уже почти не было. Была одна темнота. «Рысь, подай мне признак жизни...» Шевелиться было пыткой. «Отче наш...» Это единственное, чем я спасалась, просыпаясь среди ночи от колотящего озноба. Стоило начать читать молитву – и меня обдавало жаркой волной. И наконец-то отступал могильный холод...

Потом я стала нормально пить воду – и превратилась в чертика из табакерки. Мгновенно последовала вспышка энергии. Обновленный организм ликовал. Кровь стремительно понеслась по жилам, сердце готово было выскочить из груди. Обычно у меня низкое давление. Было. Больше этого нет. Это я себе поправила. На халяву. На момент окончания голодовки я весила 44 килограмма. Чувствовала себя вдвое моложе своих надвигающихся тридцати. Я никогда в жизни не была такой восхитительно молодой. Блеск...

И я вдруг поняла, что начала по-другому смотреть на все. Просто только теперь стала видеть. И замечать то, что раньше было скрыто от глаз. Я вся превратилась в зрение, я чувствовала мир вокруг даже кожей. Я как будто алчно заглянула жизни за подкладку. И обнаружила там массу прорех. И не преминула этим воспользоваться. Мы каждый день гуляли под при-

смотром «товарищей». Стащить на прогулке с прилавка книжку, а потом по мелочи «обнести» весь рынок у метро – я проделывала это вдохновенно и виртуозно. Лаки для ногтей, кремы, носки, белье, очки, косынки... Я победно притаскивала в Бункер с прогулки ворох трофеев. Заставляя «сокамерников» тихо обалдевать. Обычно на волне голодного прозрения я пишу стихи. А тут вдруг разыгралась чудовищная kleптомания. Охотничий инстинкт...

Когда наша бригада «коматозников» выползала на свет Божий, люди от нас шарахались, принимая за сектантов. Вид был уже совершенно потусторонний. Я придумала нам название и лозунг:

«Добровольно-принудительная суицидально-оздоровительная организованная преступная группировка «ГЛАД – ВТОРОЙ ВСАДНИК АПОКАЛИПСИСА». Лечим булимию анорексией...»

Не так уж весело там было. Под конец мне уже казалось, что по углам нашей комнаты сгущается мрак и висят черные лохмотья кошмара...

Фикция

Голодовка тем временем зашла в тупик. Эффекта – ноль. «Надо спасти положение. Нужно провести громкую акцию, например, приковаться к воротам на Красной площади...» – подсунул мне записку один «невменяемый». Вслух такое не обсуждалось. Был вежливо послан: «В посадочных акциях не участвую». Как Вицин в фильме: «Статья 213, «хулиганство», от двух до пяти... Не пойдет!» Я нажаловалась охраннику руководства. Тот – руководству. Оказалось, эта идея была – абсолютная самостоятельность. Наверху ее не одобрили. Но черные тучи раздумий, как же спасти провальную голодовку, сгущались над нашими головами. Я понимала: надо валить отсюда, пока меня не посадили рядом с теми, кого мы пытаемся вызволить из тюрьмы. Только это они и умеют. Сажать...

Кровь разогналась – и сосуды не выдержали. На двенадцатый день голодовки меня шарахнул гипертонический криз. Голова раскалывалась от страшной боли, я была в беспамятстве, наконец-то вызвали «скорую». Все как заказывали, почти труп. Но совесть моя была кристально чиста, все внутри ликовало от удачно завершенной аферы. С голодовки я технично соскочила. Но в нее снова включилась тюрьма. На этот раз женская, Печатники... Потом был еще митинг возле Музея революции, куда я конечно же нагло вперлась:

– Это не кого-то там закрыли. Это нас с вами закрыли. Это не ребята сидят в тюрьме. Это мы все сидим. Пока у нас вот таким нелепым образом сажают людей, никто из нас не сможет быть свободным. Пока между нами и нашими близкими тюремная решетка, мы все за этой решеткой...

А ведь к воротам на Красной площади мои голодные подельники тогда, в конце мая, все-таки приковались. «Свободу политзаключенным!» Ничего, не сели... Голодовка длилась месяц. Мне до сих пор неловко спросить о ее результатах.

Активисты антифашистского движения «Наши» – наши-сты – к тому времени уже всю отлавливали нацболов на улицах и даже нападали на Бункер. Кого-то избили, парня из Арзамаса пырнули ножом... Через сутки после моего выхода из голодовки Анатолий – я уважала его ровно до этого момента – вдруг наконец сообразил, что надо мне «хоть розочку подарить». Я про себя фразу продолжила: раз уж я, отработанный материал, жива осталась... Я сказала: не возьму. Он все равно пошел за цветами – и вернулся с проломленной головой. Я же говорила: не надо...

Один нацбол-оппозиционер, пытавшийся бороться с генеральной линией партии, сказал мне в самом конце этой моей эпопеи:

– Я понял, что такое постмодернизм. Это фикция вместо функции. Топор из поролона. Так вот НБП и все ее акции с захватами, приковываниями – это фикция. Поролоновый топор...

– А как надо?

– Я не знаю...

Ничего. Есть те, кто знает...

В середине июня у НБП опять отобрали помещение. Пока шел штурм, парни, наши парни, залили все внутри своей кровью... Я опять успела исчезнуть из Бункера раньше. Я неизменно ходила в этом их – нашем! – перевернутом мире, как по дну расступившегося океана, и волны с грохотом смыкались за моей спиной...

В конце июня партию запретили. (В 2007 году запретили окончательно. «Всё – реклама, кроме некролога». – Е. Р. 2013 г.) Нацболы обещали ужесточить борьбу. Революция в опасности...

Любую политическую партию допускают до власти. Кроме той, которая с властью борется... Они мечутся как в потемках. Но мой друг, сидя в тюрьме, наверняка говорил себе: «Я сделал что мог». И по-своему он прав.

«Задача действия в мире трагическая, – писал идеолог ев-разийства Петр Савицкий, – ибо «мир во зле лежит»... Никакая цель не оправдывает средства. И грех всегда остается грехом. Но, действуя в мире, нельзя его утрашить. И бывают случаи, когда нужно брать на себя его бремя, ибо бездейственная «святость» была бы большим грехом...»

Вот этот грех за собой признаю... На самом деле здесь нельзя доверять ни одному моему слову. Потому что я честно говорю: в тот момент я так и не поняла, свидетелем чего оказалась. И почему я любила этих людей... Ясность наступила гораздо позже...

Екатерина Рысь

* * *

«Родился, посадили, расстреляли...» О любом из нас скоро напишут примерно так. И даже если родное государство проявит халатность и кто-то останется не охвачен всевидящим оком – конец все равно один. Труба. Так стоит ли в промежутке между ним и появлением на свет создавать обстоятельства, способные круто повлиять на длину и качество этого промежутка? Всю жизнь мы работаем на свой некролог. И так получается, что История гораздо больше любит тех, чей путь отмечен печатями совсем иного свойства, нежели виза в паспорте при поездке на отдых...

Но казенной хронологии я – пока – предпочту обратную сторону медали. То, что не вписывается в те три основных этапа.

Люди для меня важнее событий. Любой мировой катаклизм я всегда буду пытаться преломить через призму судьбы отдельного человека. Внешним проявлениям этой судьбы я предпочту внутреннюю логику поступков... *Какие бы исторические события ни послужили фоном, на переднем плане все равно окажется любовный роман.* Так больнее – и вернее. Люди не должны жить ради событий и идей. Человек важнее. Людьми нельзя жертвовать во имя идей и событий.

Но История начинается только там, где ей под ноги ложится человек. Идеи – это то, что делает человека Человеком. А еще бывают люди, которые сами впрягаются в оглобли Истории. Теперь я точно знаю, что бывают.

...Почему самых живых находишь в опасной близости от смерти? И почему, если хочешь проследить путь ЖИВОГО, надо отправиться с ним на Голгофу? И что это за крест такой по жизни – идти в тени чужого креста? И кем чувствовать себя, однажды осознав, что пора

сворачивать с этого – не твоего – пути? А потом только стоять в одиночестве и смотреть, как удаляются спины тех, кто был рядом с тобой *и кого ты любил*. И, опуская глаза, зная, что там, впереди, их пожрет Минотавр, имя которому...

Одно из имен – революция. Теперь для меня это очень тяжелое слово...

...И что делать с собой, если однажды ты плюнешь на все – и рванешь за удаляющимися спинами? Только бы успеть! И предпочтешь свою глупую любовь здравому смыслу...

Москва, май 2005 г.

Руководству НБП

Заявление

Я, ... Екатерина Александровна, 1975 г. р., присоединяюсь к голодовке в защиту заключенных национал-большевиков. Поддерживаю все выдвигаемые требования.

С 23.00 11.05.2005 года я начинаю сухую голодовку.

11.05.2005 Подпись (неразборчиво).

...Знал ли кто-нибудь, что в ту ночь дикое заявление на смерть за столом в полутемном Бункере писала лютая воля к жизни? «...*Начинаю сухую голодовку...*» Древний инстинкт, первобытный ящер, живущий внутри, принял единственно правильное решение откусить себе мозг. Рептилия отрубала от себя человека, как будто отбрасывала хвост. Дух казнил это тело, чтобы оно не мешало дышать. Тело подписывало себе приговор...

Это был ультиматум. Одному человеку. Ему...

* * *

Москва, декабрь 2003 года

– ТОВАРИЩИ НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИКИ!!!

Голос грохочущим товарняком обрушивается в обморочный сон и оглушительно взрывается в мозгу. Комок сердца в ужасе шарахается к горлу, эхо искрящимся рикошетом мечется по черепной коробке.

О не-ет...

– ПЯТЬ ЧАСОВ. ПРОСЫПАЙТЕСЬ. ПОДНИМАЙТЕСЬ КЛЕИТЬ ЛИСТОВКИ.

.....ть!!!

Я знаю, что страшнее второго пришествия. Это День сурка. День сурка по рецепту ортодоксального национал-большевизма. Еженощный предутренний кошмар, сокрушительное де-жавю с появлением в слепящем дверном проеме неистово-черного силуэта Романа Попкова, главного в Москве по левым экстремистам. «*Первый Ангел вострубил...*» Думаю, в те недели перед выборами в Госдуму в декабре 2003-го поднятые среди ночи *товарищи нацболы* могли бы дать примерно одинаковые ответы на вопрос, как выглядит национал-большевистская Смерть... Как жуткий высоченный черный силуэт в слепящем дверном проеме...

...*Господа проходимцы, займемся проходимством...* Я просыпаюсь мгновенно, так же мгновенно вспоминая в темноте, где я. И кто. Ха-ха. Лазутчик, блин... Тонкая игла восторга от опасности сладко поддевает нервы. Адреналин – замена счастью... Кругом черный мрак, я неосязаемой тенью соскальзываю с низкого топчана, в Бункере берцы с незавязанными шнурками автоматически превращаются в домашние тапки. Зацепив в крошечной тьме чей-то брошенный сапог, прохожу строго наугад и осторожно прикрываю за собой разодранную желез-

ную дверь. Где-то там, в душной подвальной темноте, люди еще спят. Это больше похоже на обморок. *«Але, реанимация? Вася еще жив? – Еще нет...»* Первое осознанное, что я сделала в Бункере, – смазала маслом оружие петли в «сто первой» и получила бесценную возможность передвигаться бесшумно. Лазутчик жизни – это тот, кто смог проникнуть в стан врага – и вернуться... Половина лампочек в коридоре непривычно не горит – ночной режим. Коридор каземата с трубами по стенам кажется поэтому особенно длинным. Яркий свет только там, далеко, в приемной. За столом под часами никого нет...

Мутная лампочка в нише над раковиной, за стеной в туалете грохочет вода, мужским движением вверх до локтя – черный рукав. Пригоршня холодной воды – на лицо. Взгляд в обшарпанное зеркало – жестко, в упор. Без становящегося привычным тоскливого утреннего страха «женщины под тридцать». Взгляд проваливается в собственные глаза. Два сквозных отверстия в обглоданном черепе, два пролома в черноту... Я каждый раз вздрагиваю, выхватив взглядом свое отражение в зеркале. Противоестественно длинное и тонкое, затянутое в черный шелк и кожу. Помада. Просто потому, что *леди я или не леди?* С таким лицом не надо краситься. Возраст скатился уже до отметки «19». Я догнала себя до восхитительно невесомого состояния плети: черную кожаную жилу почти не видно, один свист. Вашу Машу... Спортивно-оздоровительная база отдыха «Освенцим», арбайт махт фрай...

...Сопение за спиной. *О нет!* Вчерашний «хомячок-тюфячок», глазки на щечках, как я ненавижу эту сытую породу. Он еще, похоже, не ложился, приехал в Бункер потусоваться. Гложет глазками мою спину. А мне сейчас – на мороз. Революция – тяжелая рутинная работа. Я таких хомячков еще в детстве отлюбила.

...*Да что ты будешь...* И в зеркале вместо моего собственного лица – его рожа. Взгляд такой, что лучше удавиться самой. *Твою мать! Может женщина хотя бы минуту побыть одн...*

– Рысь, ты что, бреешься?

Сразу убить?..

– Мужчина... – в воздухе раздается отчетливое клацанье зубов. – МОЖНО Я УМОЮСЬ?!

Щечки дергаются вместе с глазками.

– За «мужчину» ответишь...

Пять часов утра. Зима. До выборов – неделя. Листовок – море. Люди уже фактически мертвы. Тишина. Темнота. Мир висит на волоске.

И мой дикий хохот.

В черном зеркале из-за моего плеча озадаченно выплывает размытое мертвенно-белое лицо «НБ-Смерти» – Романа.

– Рысь, я с тебя тащусь... ты «истинный ариец»...

В этот момент Штирлиц как никогда был близок к провалу...

* * *

Весна 2004 года

...*Найду – и убью.*

Это просто.

Это гораздо проще, чем можно себе представить. Надо только найти. А в остальном... Я уже срослась с его смертью, она пропитала меня насквозь, она почти заменила мне кровь. Она тяжело оттягивает мне руки. Она прольется с моих пальцев, как скопившаяся на листьях дождевая вода. Его смерть илифует меня, как нож. Его смерть войдет в него, как уже вошла в меня...

Такая мелочь, как честь... Не тебе, гнида, поднимать на нее руку. Я пригвозжусь тебя к твоей смерти, я подарю себе это наслаждение. Никогда в жизни я ничего так не желала. Ты даже не поймешь за что. И меня меньше всего заботит, чтобы ты что-то понял. Наказывать тебя, что-то объяснять? Зачем? Просто найду – и убью. Как бешеную собаку.

Ты даже не поймешь. Кто бы сомневался. В этом-то все и дело. Мы не сошлись во взглядах на такую мелочь, как человеческая честь и жизнь. Так вот я утверждаю, что честь – дороже жизни. Особенно твоей. Для тебя норма – то, что пытался сделать со мной ты? Не обессудь. Для меня норма – то, что сделаю с тобой я.

Найду – и убью.

Кто-нибудь еще хочет спросить, почему я не вступаю в НБП?

Часть первая

Тропой партизанских автострад

*Мы хльнем в бездонную ночь городов свежим ядом,
Мы – новая боль раз за разом терзаемых стен,
Наш смех раздробит стекла сна обжигаящим
градом,
Любовь прoderет до костей тромбы каменных
вен...*

Глава 1

Основной инстинкт мертвеца

*Основной инстинкт – это инстинкт убийцы. Самое сильное, самое
восхитительное чувство...*

Тонко, изящно и жестоко

Что вы сделаете, когда вас убьют?
Я – вступила в РНЕ...

...Я не собиралась ничего писать. Я просто уже не умела. Были блистательные времена, когда я цинично буквально не делала шага, если он не *подпадал под статью*. Газетную публикацию, которую я могла продать. Души препарировались отточенными движениями скальпеля, вместо шариковой ручки тонко, изящно и жестоко сжатого в пальцах.

Я остро чувствую чужую патологию. Работа такая – ни на что не вестись, с ходу разоблачать любые попытки утащить меня в сторону, навязать свою картину мира.

Это сначала учишься подвергать все сомнению. Следующая стадия – ты перестаешь сомневаться. Все неправильное отмечаешь сразу. К чистому – припадаешь и пьешь. И знаешь все помимо слов. Любые слова сыплются мимо. Нет, я могу очень внимательно впитывать всякую ересь. Лучше от этого никому не станет. Я кормлюсь тем, что выискиваю такие болячки – и расковыриваю их. Норма сама по себе – глубоко клинический случай, а отклонения от нормы – да журналисту только о них и приходится писать...

...А потом как выйдешь «в чисто поле», как взвоешь: Господи, дай мне нормальных! Нормальных людей дай! Да потому, что нельзя постоянно метаться в навозе, лавируя по минным грядкам. Нельзя круглосуточно работать Штирлицем и только высматривать, не смея засветиться. Нельзя бродить последним носителем земного разума среди инопланетян. Хочется к своим. Своих людей хочется! И плевать, что, наверное, все равно сомнительная получается картина. Мол, там, где меня перестают раздражать несоответствия и все кажется «ровным», просто заканчивается чужое безумие – и начинается мое. Черта с два. Себе я верю абсолютно. На том стою.

...Я совершенно точно знала, чем я занимаюсь по жизни. Я продавала чужие души. «Я про тебя уже написала...» Это звучало как приговор.

Крайняя степень удивления. Вот какое чувство вызвал у меня фильм «Основной инстинкт». Когда я однажды наконец-то его посмотрела.

Нет сомнений, он тянет на диссертацию по судебной психиатрии. Тем пикантнее, что во всех своих программных заявлениях героиня – писательница-убийца – изъяснялась *моими* словами! Она обожала монстров в человеческом обличье и писала только об убийцах. Она выманивала из человека зверя, заставляя притаившуюся внутри черноту с треском проламываться наружу. Вот и задумаешься, так ли полезно «свободное течение духа»... У не ограниченных препонами инстинктов хриплое зловонное дыхание и звериный оскал. Своему-то зверю она давно позволила торжествовать в полной свободе.

Основной инстинкт – это инстинкт убийцы. Самое сильное, самое восхитительное чувство. Сколько свободы, сколько власти в том, кто принял себя, принял зверя внутри себя – и полюбил его. Это жизнь уже совершенно иного качества, жизнь избранного. Ради нее кому-то из неизбранных... да, придется умереть.

...Мне уже было знакомо фантастическое чувство, что жизнь непоправимо вторична по отношению к тому, как ты преобразуешь ее на бумаге, что настоящая жизнь – только та, что выходит из-под твоего пера. И если твоя история требует какую-то деталь, ты пойдешь и создашь эту деталь. Чтобы потом ее описать...

Цель

Вся моя жизнь была расчерчена.

Впрочем, эту жизнь мне давно сломали...

Когда летом 2003-го меня *слегка убили* (да что там, любовник прирезал, надо же хоть раз назвать вещи своими именами), я кое-как выползла, и стало ясно: это действительно рубеж. Внутри – пустота, впереди – пустота. Мир рухнул в одночасье. Все, что я знала о нем, *аннулировалось в полночь*. В предраассветный час июньской ночи. Прекрасное время для того, чтобы тебя убили...

Мне нужна новая причина жить. Чтобы двигаться дальше, мне надо ходить новыми путями.

Только цель даст смысл – и право на действия. Значит, мне нужна цель, способная заслонить собой все.

Я и прежде не пыталась сделать вид, что...

Я и прежде не пыталась сделать вид, что нарисовалась в этой жизни просто так.

Всегда казалось, мне нужна слишком веская причина, чтобы оправдать свое присутствие здесь. Первое детское ощущение: я не понимала тех, кто пользовался жизнью по праву. За собой я не чувствовала вообще никакого права. «Незаконнорожденная». Я родилась с чувством, что я в этой жизни – вне закона...

Может быть, я просто умудрилась дойти до последней инстанции в элементарных поисках отца?

«Отче наш...» Значение этих слов стало огромно. Просто это был единственный «отче»... И это стала единственная реальность. Мир вокруг отделился, образовалась прослойка холодного безмолвия между мной и им...

...Странная все-таки получается молитва. Только прошепчешь: «Ничего ведь не прошу. Дай исполнить Твою волю. Но... помоги...» И уже не отведешь взгляд от лица...

А дальше – ощущение, что вцепилась в солнце на небе – и с силой тянешь к себе его луч. И тогда как будто спица вонзается в позвоночник – и понимаешь: все, понеслось.

Дрожь, озноб – по плечам, по спине...

И вот теперь, *убитая*, обездвиженная, в полубреду, я как заклинание упрямо гоняла в мозгу слова молитвы. Чувство, будто уперлась лбом в кирпичную стену и стараюсь ее сдвинуть. А я просто пыталась ввинтиться обратно внутрь плоской декорации под названием жизнь...

...Это похоже на погружение в черную воду: все глубже, все дальше... И это похоже на холод. Это и есть холод. Холод – и стрела из льда, устремленная строго вверх.

Состояние охотника. Состояние зверя. Состояние, в котором непостижимым образом знаешь о жизни уже абсолютно все. В этом состоянии лучше всего убивать.

Я не знаю ничего страшнее молитвы. Я не знаю ничего страшнее человека, лишенного сомнений...

«Только цель даст смысл – и право на действия. Значит, мне нужна цель, способная заслонить собой все...»

Никто и не думал искать цель среди людей. Не люди придумывают такие цели... Они только способны увидеть такую цель и пойти путями, неумолимо ведущими в небо. Желание лютой веры – вот что гнало сквозь жизнь.

Мне надо к СВОИМ. Кто-то здесь не мог не увидеть того же, что и я. Мне нужны единоверцы. А целью все равно останется Цель...

...Вот так опасно надолго оставлять человека одного. Наедине с самим собой, со своими мыслями, со своим бредом – и со своей молитвой...

Это мне только казалось, что я пробивалась к живым. Вокруг меня теперь был мир мертвых. И мне был нужен мой индеец Никто, мой проводник по миру мертвых – прямо как в фильме «Мертвец».

Он и увел меня в свой мир.

Надо быть осторожнее в своих желаниях.

Глава 2

На революцию приглашения Не требуется

Кто-то думал, что просто живет, там, где ты искал смерти...

lasciate ogni speranza

...Что-то слишком много вокруг безмятежно простреливаемого пространства...

Морозная сухая осень в Москве – счастье, которое в эти дни всегда с тобой. Терпкий острый воздух – это и вкус, и вдох, и заново обретаемое ощущение режущего, горького счастья. Длинные ряды лип романтического тихого сквера были бы чудесны в любой другой ситуации.

Только не в нашей.

На левой стороне прозрачного сквера – здоровый банк, камеры наблюдения наверняка нацелены точно на дом с адресом «2-я Фрунзенская, 7». Палево, что я могу сказать. За спиной – Комсомольский проспект, впереди, в конце короткой улицы – уже набережная и река. В середине улицы справа – забор и огромный куб балетной школы, мертвый, как саркофаг. Но если в центре Москвы на здании висит именно такая табличка, значит, содержание соответствует названию, и какая-то захудалая жизнь на этом Марсе все-таки есть. Но наружу она не прорывается ни одной живой душой. Учреждение очень закрытого типа...

Но в нашей ситуации нас интересует только то, что по периметру, – забор. Какие-то дворы на коротком промежутке от проспекта до набережной все-таки есть, но влево-вправо от 2-й Фрунзенской уходить – все равно что прятаться в водопроводной трубе. Что я могу сказать, путей отхода никаких. Всех, кто посыплется из подвала, просто стой и расстреливай под липами, как в чистом поле.

Но это уже лирическое отступление...

А где же обещанный подвал?

Повернув за угол, я недоуменно пошарила глазами по стене, а мой приятель-проводник Женя уже со знанием дела направился к... Нам сюда, что ли? Похоже, здесь меня заставят-таки забыть о подиуме и научат внимательно рассматривать землю у себя под ногами...

Да уж, воистину: «...не суйся в нашу щелочку и странное отверстие...» Непосвященные люди наверняка всегда норовили проскочить мимо, никак не ассоциируя эту неприметную лазейку со входом в обиталище людей. Казалось, она больше всего годится для того, чтобы, нечаянно попав ногой в провал в асфальте у стены, ненароком оступиться, загрохотать вниз – и там застрять...

Узкий лаз к полуподвальной двери длиной в восемь крутых ступенек больше подошел бы для собаки. Взрослому человеку, зажатому между стеной и парапетом, здесь было уже не развернуться... Случись что, какая здесь будет давка... А многим было бы и вовсе запаadlo даже пытаться развернуться. Эта лисья нора никак не котировалась в качестве входа в офис.

Разве что в офис № 4...

Железная дверь открывалась неудобно, погрохотав в нее, надо было опять подняться на пару ступенек, чтобы тебя не прищемили.

В сочетании с маленькими зарешеченными окнами по обе стороны угла дома – в углублениях, обычно обрамляющих полуподвальные окошки, ненавязчиво просматривались странные, намертво спрессованные, компактные нагромождения строительных материалов – все эти

неудобства попадания внутрь распознавались как элементы укрепления. Войти в помещение было непросто. Выйти – мелькнуло у меня нехорошее подозрение и мгновенно трансформировалось в уверенность – тоже...

Все по Библии: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»...

Мы таки нашли... Но на мой настороженный взгляд, библейская трактовка, что есть хорошо, что – плохо, в данной ситуации странным образом теряла свою силу. Здесь больше подошли бы радостные излияния одного моего знакомого: «Мы не пойдем широкой дорогой правды, мы будем красться узкой, извилистой тропинкой лжи!»

Ну что же, будем красться...

Стрельнув глазами через левое плечо на липы (по Кастанеде, именно за левым плечом у человека стоит смерть), я только пробормотала про себя: «Оставь надежду, всяк сюда входящий...»

И шагнула на ступеньку...

Прогулки по краю

...ЕГО, своего индейца Никто, я вырвала из гнилого контекста местной околопатриотической тусовки мгновенно. Живописный парень с Че Геварой на футболке сразил меня хитросплетением радикальной логики: «Уборка мусора на пляже не имеет политической окраски и потому бессмысленна!» Вместо этого они приволокли однажды на коммунистический пикет на площади мертвую свиную голову и сожгли американский флаг. Это все, видимо, имело глубокий смысл.

– А вот этот мужик – точно только недавно в город приехал.

У меня, наверное, в этот момент был взгляд охотника. Саров – заповедник. И я всегда отличу дикого, а главное, ЖИВОГО зверя от никакого.

Евгений Александрович Лыгин, *неизвестный солдат Партии*. Именно национал-большевиком оказался почти единственный во всем городе человек, в которого захотелось нырнуть, как в омут. Он нес в себе отголосок каких-то больших страстей и событий, он оказался причастен к чему-то лютому, происходившему во внешнем мире.

От ЖИВОГО ощутило разило смертью...

Я-то знаю, я уже натренировалась это различать. Именно на краю жизнь вдруг начинает фонить неимоверно. На краю жизнь пробуждается ото сна – и вспыхивает по-настоящему ярко. По закону схождения крайностей в экстремальной ситуации вдруг оказывается, что они очень прочно переплелись, постоянно перетекая друг в друга. Жизнь и смерть. И потому, когда ты ходишь по самому краю, взглянув в глаза судьбе, ты уже не можешь сказать наверняка, перед чьим лицом стоишь: смерти или жизни...

От него однозначно веяло... прогулками по краю...

Хаос

Оказалось, именно он приволок тогда на пикет свиную башку. Для меня это было очень серьезное предупреждение. Как будто из-за знамен коммунизма выглянуло рыло сатанизма и решило, что его тут никто не заметит. Я заметила.

Абсолютная убежденность новообращенного в его глазах была бы хороша, если бы не распространялась на какие-то странные вещи.

– А тебе никогда не хотелось дать в морду какому-нибудь буржую?! – Женя, всегда исключительно спокойный, с очень большим пафосом произнес это тогда.

– Н-нет... – озадаченно проговорила я. «Дать в морду...» – это не цель. И это говорит боксер. Но меня не интересуют промежуточные полустанки...

Его идеология умещалась в одну фразу: «Разрушение существующей системы».

Я внимательно смотрела и ждала. Но он уже поставил точку. Я поняла, что попала не туда.

Он говорил на каком-то чужом языке. Его мифически-мистическое РАЗРУШЕНИЕ было для него всем. А для меня... Да ничем оно не было. Делом одного нажатия на кнопку. И Хиросиму, и 11 сентября мы уже наблюдали. РАЗРУШЕНИЕ – это не ЦЕЛЬ. Как насчет того, чтобы что-то... СТРОИТЬ?

– Ну-у... Чтобы строить новое, надо сначала разрушить старое! – нашелся он. А строить, видимо, будет кто-то... да никто уже не будет.

«Черт... И с этими дикими раскладами на руках он чувствует себя как рыба в воде. Он произносит: «разрушение как самоцель», и его при этом не коробит, не ломает. А это ведь сущность абсолютно сатанинская...» Меня от этого его РАЗРУШЕНИЯ очень быстро начало ломать...

Левый поворот у моего руля, видимо, заклинило прочно. Я аплодировала одному нашему местному коммунисту, с ходу предавшему меня анафеме: он-то меня, контру, срисовал мгновенно!.. А я не контра. Я хуже. Я православная...

Женя сыпал словами: «большевизм», «революция», а я слышала лишь: «хаос, хаос». Хаоса не хотелось. Более того: на периферии сознания поплыло подозрение, что возникновение хаоса лично я не должна допустить...

Передо мной сидел шикарный мужик. Ненавязчивая офицерская выправка, так же ненавязчиво сногшибательная улыбка. Этот человек мог привлечь к себе и обогреть десятки людей.

Но то, что он говорил, рушило весь эффект. Вдруг обостренно, с привкусом тоски, захотелось строгости, чистоты и порядка. Этот парень потянул меня в свою сторону – и меня мгновенно качнуло в другую. У меня болезненная страсть к порядку...

И вот теперь я слушала Женю – и все его слова сыпались мимо. Я точно знала: мне не сюда, я не отступаю, я выберусь к своим. Но пока мне – явно с какой-то целью – открывалась совсем другая дверь. Это была очередная «минная грядка», непаханое минное поле. Эх, как там можно развернуться! И я не преминула в эту дверь войти. Где-то за ней будет и нужная мне...

Мы убили в себе государство

Мой музыкальный проект «РЫСЬ» – ровесник 11 сентября 2001 года. Всего неделя прошла, как мы с моим «подельником» засели сочинять первую песню. А Америке уже пришел кирдык... В конце февраля мы вылезли на городское радио в неформатную передачу.

Я сама расписала ведущему, какие вопросы мне задавать. И очень подробно принялась рассказывать, что долгое время просто жила песнями Летова. Что впервые услышала их в октябре 93-го на баррикадах у Моссовета. Вообще не знала, кто автор. Просто парни пели тогда что-то очень яростное и злое. А мне в этом слышалась боль, невероятная боль за свою страну. Что немыслимые слова: «Мы убили в себе государство» – это и есть боль, замешанная на любви к Родине. И на невозможности этой любви...

После этого на пейджер передачи пришел вопрос, который ведущий озвучил с исключительно ехидной интонацией:

– Рысь, уж не патриотка ли ты?!

Я недоуменно пожала плечами: о чем, собственно, базар?

– Я патриотка.

Через ведущего пропустили ток.

– Ой, ну, там, наверное, имелся в виду какой-то иной подтекст...

А вот этого не надо. У меня профессия – работать со словами, я разбираюсь в их значениях и тайных смыслах. И белое вы никогда не заставите меня назвать черным. Я взвилась:

– А почему?! Почему у нас в этом слове вдруг появился «какой-то иной подтекст»?! Почему уважение к себе, к своему народу и к своей стране у нас вдруг стало преступлением?!

После этого пейджер уже не молчал. *«Как ты относишься к Баркашову?»* А как можно относиться к человеку, о котором знаешь только то, что ничего не знаешь?

– Я с ним не знакома, – ответила я тогда. А про себя подумала: *«А ведь в конкурсе на лучший заданный мне сегодня вопрос победил именно этот...»*

Я уже измучилась одна. Москва и тот октябрь 93-го напрочь разломали для меня матрицу окружающей действительности. Это просто плоская, дурно намалеванная декорация. А за ней – все очень гнило. Но как заговорить об этом с теми, кто рядом? Как объяснить человеку, что он живет в матрице, пока он сам этого не увидел? Но должны же где-то быть нормальные люди, у которых есть глаза и мозги и которые нутром чувствуют, какими путями ходить ПРАВИЛЬНО. И если сейчас мои слова оказались созвучны с чьими-то еще, значит... Значит, мне туда.

Я долго добиралась...

Романтики с большой дороги

Ладно, со мной кое-как разобрались. Выяснили, где ноги теряют свое гордое имя...

В родном Иванове Женя закончил технический институт. А до этого его выперли из военного училища. По зрению. Зря. Был бы правильный офицер, «отец солдатам». А так, несправедливо выброшенный на обочину и предоставленный сам себе, достойный, умный и сильный мужик нашел схожую «профессию, сопряженную с риском». Пошел по пути с естественной для него экстремальной военной спецификой. И реализовал подсознательное стремление к служению и, видимо, стремление отомстить за себя. Стал революционером. Не был бы таким правильным и честным – стал бы бандитом. Просто работать по специальности, электриком, его было бы тяжело заставить. Кто там сказал, что все, что делается, – к лучшему?

...«КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ» выдавали его с головой. *«А по твоей прозрачно-злой одежде струится теплая малиновая кровь. Последней умирает не надежда, последней умирает любовь!»* Каждая песня этой группы – квинтэссенция трагической революционной романтики, и если именно эти песни он больше всего любил... А между прочим, он уже мог себе позволить потряхнуть молодостью с ее неуспокоенностью и романтизмом – и «развлечься». По-взрослому развлечься, конкретно. С такой же основательностью, с какой он к тому времени успел построить свою жизнь. И теперь оставалось два пути: или жизнь благополучно завершится в 25 лет, или все только теперь начнется...

Холокост наоборот

– Да они делают все, чтобы их не регистрировали никогда! – бросив единственный взгляд в сторону НБП, вопил мой подельник, композитор и «продюсер», мой ненаглядный мелкий пакостный негодяй, мой личный Терминатор, волосатая контра, мое проклятие, «НАШЕ ВСЕ», моя единственная надежда и опора, малолетний алкоголик с трясущимися руками, токсикоман и вонючая гнида с напрочь выжженными мозгами... Но прежде всего – мое личное

проклятье. Только этого человека, прекрасного яростного музыканта, я смогла запрячь делать мой проект. И все было бы ничего, но...

В ответ на предложение помыться я получала от этого идейного бомжа полномасштабную священную войну. На полсуток он гарантированно впадал в истерику, с исключительным талантом оратора с ног на голову переворачивая все мыслимые понятия. Меня поражала правильность, которую этот гной строил из себя:

– Когда ты говоришь, что я воняю, ты сама воняешь гораздо сильнее меня!

Передо мной, брызжа слюной и оглушая децибелами визжащей циркулярной пилы, стоял гениальнейший оратор! *Твою мать... неужели ученым удалось клонировать ЕГО?* История уже знала одного такого же чудовищного демагога. Тот очень далеко пошел... Я смотрела на это безобразие и понимала: это судьба. Не знаю, как я это вынесу, как наступлю на горло себе, давя рвотный рефлекс... но я не имею никакого права отпускать этого человека от себя.

Умру – но это стенобитное орудие, этот мелкий пакостный вонючий «гитлер»... БУДЕТ РАБОТАТЬ НА МЕНЯ!!!

...Я знаю, как выглядит «холокост наоборот». Я чувствовала себя тоненьким растерзанным подростком-скином, которого добивают ногами здоровенные бомжары. Он действительно жил в каком-то своем мире, где нечеловеческая грязь была единственным возможным образом жизни. Я в этой системе координат, естественно, оказалась монстром с другой планеты...

Я разговоров-то долгих не выношу, а здесь – его несмолкающий, оглушительный крик. У меня плавилась мозги. Не знаю, на что он рассчитывал. Но он упрямо продолжал доводить меня до того блаженного состояния, когда во мне переключается невидимый тумблер. И я превращаюсь в машину, не реагирующую на окрики и боль... Несколько раз я его чуть не убила. Но... мне нужен мой проект.

Я... Я кидала его ежесекундно, я его предавала, я с верхом отмеряла ему унижений за каждый звук поднятого на меня голоса. Не ему меня судить. Или я остервенело держу себя в состоянии сжатого кулака – или я рассыплюсь. А он умышленно планомерно меня разрушал.

Во мне не осталось ничего человеческого?.. Но это же прекрасно. «Человеческое, слишком человеческое» в устах классика для меня всегда звучало как *слабое, недостойное*... Я наслаждалась каждым мгновением своей *правильной, выверенной* жизни, чувствуя себя *скальпелем*. Меня не интересовала та якобы «жизнь», которая не находит в себе места для таких понятий, как *безжалостность* и *безупречность*...

Можно я отстрелю себе пальцы?

Так безошибочна белая кость под твою безупречность...

Бархатный терроризм

А в остальном вопил он все верно: «Да они делают все, чтобы их не регистрировали никогда!» НБП яростно и безуспешно добивалась регистрации. И при этом всем своим существованием шла строго наперерез «официальной доктрине», партия требовала признать ее, становясь не послушнее, а все неудобоваримее и злее. От такой установки всерьез разило зоной, почти мистическим страхом хоть в чем-то проявить слабость. Уступи один раз, «отдай палец» – и все, ты пропал, ты себя потеряешь, тебя «намотает на ось» целиком. Пойдя по пути официального признания, партия действительно потеряла бы себя. Так что во всех ее алогичных действиях был свой, очень большой, резон. Или все будет так, как хотят они, – или никак...

«Бархатный терроризм» – вот чем были их действия. Много шума, большой резонанс, но боже упаси от жертв. Майонез на пиджак – это не больно, зато какой удар по имиджу! А главное, как легко, оказывается, швырнуть в него этот майонез. Все это показывало и народу,

и власти, что власть – такие же смертные и уязвимые люди, а значит, власти надо почтительнее обращаться с простыми смертными. Ведь это только пока вместо бомбы в не угодившего народу политика полетел всего лишь майонез...

Сводки с фронтов

Вот чем жила партия, когда я начала с ней знакомиться.

Это было во всех новостях. Полтора десятка нацболов захватили поезд.

14 сентября 2003 года группой национал-большевиков был осуществлен мирный захват вагона № 2 в поезде Москва – Калининград на белорусско-литовской границе. 16 нацболов забаррикадировались, а затем приковались в вагоне и потребовали от литовских властей отмены визового режима для граждан России при транзитном проезде в Калининград через Литву. «Из России в Россию едем – визы нам не нужны!» Национал-большевики демонстративно порвали литовские визы и распространили обращение к гражданам России: «Акция направлена на то, чтобы привлечь внимание российской и литовской общественности к данной проблеме и добиться для граждан России права безвизового проезда в Калининград и область через Литву. Если не остановить этот беспредел, в будущем россиянам для проезда в Калининград через Литву будут необходимы уже не облегченные, а самые настоящие визы».

Нацболов осудили на 40 суток. Статья «Нарушение общественного порядка» предусматривает наказание от денежного штрафа до двух лет лишения свободы...

В сентябре 2003 года партия жила воспоминаниями о прошлогоднем «Антикапитализме». В середине сентября 2002 года в Москве прошло мощное шествие, завершившееся свалкой... Хотя – именно шествие тогда в последний момент запретили. Толпу демонстрантов попытались удержать на одном месте.

Массу народа на площади Маяковского оцепили металлическими заграждениями. Когда в этом столпотворении взорвалась шумовая граната, площадь пришла в движение, самые активные, не желая оставаться в загоне, пошли на прорыв оцепления. После того как часть демонстрантов прорвалась на Садовое кольцо, на площади воцарился полный ментовской беспредел. Винтили всех подряд, не разбираясь... Два участника прорыва, Алексей Голубович и Евгений Николаев, были осуждены на три года – вроде как за драку с милицией. Есть шикарные фотографии с «Антикапитализма-2002», есть видеозапись. Это действительно побоище. Только били не милиционеров, а подростков...

24 сентября 2003-го виднейший деятель партии Владимир Абель-Линдерман исчез в Москве. У себя в Латвии он уже почти год как был объявлен в международный розыск. Формальным поводом послужило якобы обнаружение тайника на окраине Риги, из которого было извлечено около пяти килограммов тротила и упаковка листовок... И вот в сентябре 2003-го в Москве он, как всегда, вышел из Бункера купить свежих газет. Больше его никто не видел. Товарищи искали его по больницам, по моргам. Через неделю стало известно: Абель похищен и тайно содержится в СИЗО ФСБ «Лефортово». Его намеревались выдать Латвии. Выпустили через две недели...

26 сентября 2003 года суд в Белгороде признал секретаря белгородского отделения Национал-большевистской партии Анну Петренко, кандидата социологических наук, преподавателя Белгородского университета потребительской кооперации, виновной в совершении преступления по статье 213 части 3 УК РФ «хулиганство», совершенного с применением предмета, используемого в качестве оружия. Суд приговорил Петренко к трем годам лишения свободы

с отбыванием срока в колонии общего режима. Решение о судьбе больного семилетнего сына Анны должен был принять отдел по защите прав несовершеннолетних.

Анну Петренко обвиняли в том, что в ночь с 18 на 19 мая 2003 года она подложила муляж взрывного устройства на ступеньки администрации Белгородской области. Муляж представлял собой коробку из-под торта с будильником и фотографией губернатора внутри. Суд не учел, что статья, по которой обвинили Анну, предполагает действительное использование предмета в качестве оружия. Коробка под это определение не попадает. По мнению суда, муляж взрывного устройства был подложен с целью заявить о НБП. При этом на коробку были приклеены буквы НРА, а на портрете губернатора написано «Жириновский – наш губернатор!» Об НБП – ни слова. Но женщину, что-то имевшую против губернатора, все равно посадили...

На 7 ноября мы съездили в Нижний на демонстрацию. Нижегородский руководитель Дмитрий Елькин на шествие не попал. Какие-то люди просто не выпустили его из подъезда, продержали часа два. И отпустили, только когда им сообщили: «Они уже пошли...» Они – это колонна демонстрантов.

Илья Шамазов говорил мне тогда:

– Мы единственные по-настоящему боремся за улучшение социального положения, за сохранение наших границ и за русских людей, оказавшихся на территории чужих государств. Больше ведь за них не заступается никто. Вообще никто...

Да, это – да. У нас же никто даже голоса не подаст. А они – кричали...

Фронт – там

Во всей новой информации и впечатлениях, посыпавшихся на меня, абсолютно ясно мне было только одно. Эти люди поджигали себя заживо, а значит... БЫЛИ ЖИВЫ. Где-то там, на своих собственных костях они чертили линию фронта, а значит, именно на этой линии юркой маркитанткой крутилась и жизнь. Я не была жива. И мне надо было обязательно пробиться к этой жизни...

Я шла по наитию, мне просто надо было вцепиться жизни в загривок, поймать волну, вдохнуть жизнь с воздухом, впитывать кожей. Сдирая кожу, запускать сразу в кровь. Мне надо. Просто быть там. Без задней мысли, без надежд, без сомнений, без задания, без цели. Рядовым, пешкой, муравьем, последним из последних. Никаких вопросов, никаких ответов. Просто кануть в этот котел то ли с живой, то ли с мертвой водой – и в нем вариться... Я могу что-то сделать для себя?

Самоуважение можно вернуть за час. Почувствовать легкое подобие вкуса к жизни – за день.

За неделю можно унести прочь от земли.

Именно такими темпами я рвалась обратно в жизнь, наугад распахнув новую дверь, из которой на меня хлынули и солнце, и ливень, и ветер... Очень часто себя надо начать по-настоящему убивать, чтобы наконец-то ожить. *Убитая* всего три месяца назад, я теперь таскала железо как проклятая, я превратилась в очень тренированный скелет. Энергию я черпала уже буквально из воздуха. Ее там много... Нервы оголены, все – сразу в кровь, невероятная новизна и свежесть. Я разгоняла себя до космических скоростей, как серфингист поймав гребень новой волны.

Милый и абсолютно стальной нацбол Женя со своими ясными очами, дикими идеями и «Красными звездами», орущими у него в общаге, которыми – всеми перечисленными! – я упивалась до одури, вздохнул, совершили невозможное. Я снова начала писать песни. Бешеная энергетика смертельной романтики, полет над пропастью, вся жизнь – во имя смерти, жгучая

ярость баррикадной любви... Я выплескивала песни про эту открывшуюся мне чистейшую тоску и ярость. Для песен это самая лучшая тема. Не пуская ничего в себя, я упивалась новой эстетикой головокружительной тоски, в голове крутились строчки: «Мы сквозь такие мчались беды, что отрывались от земли».

– Не знаю, по-моему, никакой тоски, все нормально... – недоверчиво блестел на меня очками Женя. И от него отделялась такая плотная волна нового подтверждения того, что мир висит на волоске и все закончится неминуемой скорой трагедией, что хотелось тоненько завывать...

Всего через два месяца после нашего знакомства Женя совершил, как утверждали, единственный в практике города поступок. Молодой специалист, попавший по распределению в Федеральный ядерный центр и обеспечивший себе безбедную жизнь, уволился на фиг из благополучного Сарова и свалил в никуда. Заниматься экстремизмом... «Первый Ангел вострубил» уже тогда. Мороз по коже побежал от таких поступков: **«Кто-то думал, что просто живет, там, где ты искал смерти...»**

– Евгений... – В этот самый момент я и оседлала тигра. – Я тоже хочу в Москву... На революцию приглашения не требуется.

Глава 3

Партия «политических»

Все заслуги перед партией аннулируются в полночь!

«Братцы, черви...»

– Оставь надежду, всяк сюда входящий... – стрельнула я взглядом через плечо на чудесную липовую аллею 2-й Фрунзенской.

И шагнула на ступеньку офиса номер 4 дома номер 7...

...Большая, некогда выбеленная, обшарпанная приемная с черным вытертым полом. Любимое пристанище морозных уличных сквозняков. Совершенно нежилой офис в худшем его смысле. Транзит, ничего человеческого, безостановочный конвейер, гонящий через себя десятки людей. Перекачивающий их заклинившим в положении «открыто» шлюзом, стремительно перемалывающий их в боевые отряды. Не обжитый, а как-то прямо-таки разоренный шинелями, винтовками, вещмешками, сапогами военкомат, откуда эшелоны гонят сразу на войну...

Отсюда в недели перед выборами в Госдуму в ноябре 2003 года отправлялись бригады распространителей агитационной литературы и расклейщиков запрещенных листовок «Гражданин, не ходи на выборы!» со стопками «вещдоков» и бутылками с клеем. Расклейщики кавалерийскими наскоками налетали на пустые утренние вагоны, на стены домов, чтобы стремительно наклеить листовку и смыться.

А табор распространителей основательно выгружался со всем скарбом на платформе метро, чтобы потом распределиться по району. Горячими степными ветрами мимо проносились завывающие составы, обдавая грохотом и жаром большое стойбище племени диких кочевников. Людей, еды, воды, жилья, дорог, самих себя и солнечного света эти лютые бродяги не видели уже лет сорок. Или четыреста. Они стояли здесь вечно...

На стене в приемной висел здоровый плакат: Фантомас с револьвером. Женя рассеянно остановился под плакатом. Я попросила его больше так не делать. Одно лицо...

Душа Бункера была не там. Узкий коридор расширился и отвоевывал у «горной породы» подземелья дома, населенного – как привидениями! – пенсионерами КГБ, немного пространства. Как раз хватило для стола и двух длинных лавок за деревянной «барной» стойкой-загородкой. Нелюдимая официозность белой штукатурки сменилась темным, аутентичнейшим, нащептывающим о винных погребках в королевских замках, буро-красным кирпичом. Небольшая стена, но она была «кирпичная» донельзя. Как еще передать это чувство? На стене черной краской было начертано: «ВСЕ ЗАСЛУГИ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ АННУЛИРУЮТСЯ В ПОЛНОЧЬ!» Венец творенья... Дальше в углу за дверью приглушенно и упорно грохотала вода.

Повернув за угол, я каждый раз пугалась: из конца коридора на меня шла спрессованная в плоть черная тень. Особенно неприятно было, когда при почти выключенном ночном свете перемещался лишь силуэт. Фу-ты, всего лишь зеркало.

Налево – коридор с трубами под потолком, здоровый белый зал собраний и анфилада из двух захламленных комнат с кучей посадочных мест. Комнаты вроде как лучшие здесь. Но там точно воняло как-то прямо даже бомжово, и хоть о чем-нибудь здесь, к чему подошло бы определение «лучший», говорить не приходилось.

«Сто первой» большая «людская» для рядовых была названа с каким-то глубоким смыслом и вроде бы с отсылкой к Кафке, но я красоты замысла оценить не смогла. Петли этой рас-

куроченной железной двери справа от зеркала скрипели чудовищно, правда недолго. Столовая ложка растительного масла – и вот оно, звериное наслаждение передвигаться бесшумно.

Бесшумность – закон приличия, когда все вокруг спят, разве что сняв и разбросав по полу ботинки, и в полной темноте, пахнущей подвалом, светятся лишь раскуроченные дыры в двери. Их даже сложно сосчитать, этих всех. Слева на узком топчане у окна неизменно спит «пожилой» усатый Миша Соков. Справа – Эдуард Сырников, роскошно-патлатая человеческая глыба бесповоротно за тридцать со скульптурно-неотразимым неуловимо азиатским лицом, горящими глазами, непомерным для азиата ростом – и крайне сомнительным прошлым, настоящим и будущим. Дальше – Шмель (Шмуть, Шмаль) в полосатом коричнево-желтом свитере, 18-летний пацан невесты откуда, на зиму съехавший в Бутырку за неудачный поход в разоряемый нацболами магазин «Крокус». «За чекушку коньяка на три месяца зэка!» Манжос, Громов куда-то бесследно испарились (верный признак готовящейся акции), и я могу тихонько скользнуть хоть на одну широкую тахту посреди комнаты, хоть на другую. Скользнуть – и затихнуть. Все, в домике... Сама удивляюсь, что я так легко растворилась в подвале без осадка брезгливости. Надо стереть себя до нуля, чтобы сливаться с такой средой... В «сто первой» еще жил неприхотливый смирный гроб (коммуно-сатанизм в действии?), но потом куда-то свалил. Или я просто перестала его замечать?.. Утром непонятно из каких пятых углов квадратной комнаты материализуются еще люди, еще и еще. Бункер был бездонным, где там на ночь растворяются десятки людей, я так никогда и не пойму...

Только что вышедший из тюрьмы НБ-герой приехал в родной Бункер – и устроил руководителям разнос. За ту милую сердцу, теплую, свалившуюся, уютную грязь, которой Бункер, живое существо, трогательно, наивно, но очень давно обживал себя. Укутывал, как мышка кусочками бумажки. Уже горой бумажек... Буквально – сплошняком заклеивал себя изнутри «Лимонкой»! Капля за каплей, пылинка за пылинкой добавляя себе хоть какой-то человеческости за невозможностью нормального человеческого уюта... Это будет не последний раз, когда я увижу, как только что откинувшийся зэк начинает истово наводить порядок. По сравнению с зоной здесь все неправильно...

На волне всеобщей повальной зачистки я подняла в грохочущем водой туалете монументально утвердившуюся там древнюю мокрую тряпку. Под тряпкой шевелились черви...

Мой фюрер

– Простите... а вас как зовут?..

Это была удачная шутка. Человека, сидящего на столе в приемной Бункера НБП, аж перевернуло. Только что, сканируя взглядом, он внимательно допросил на входе новоприбывших регионалов: кто, откуда. И уже было потерял к нам интерес, когда я подала голос. Человека слегка передернуло, не иначе, его имя было слишком известно, чтобы произносить его вслух. Он бросил как-то странно, в сторону, не глядя на меня:

– Анатолий Сергеевич Тишин.

Ну, вы поняли... Для Штирлица это было полным провалом.

С таким же успехом можно было в Коричневом доме уставиться в колючие глазки Мюллера-гестапо: «Тебе чего, дядя?» И услышать приговор: «Следуйте за мной... товарищ Исаев...»

Но мое не замутиненное знаниями сознание прочно опиралось на тренированные мышцы каменно-учтивого лица, что лично мне позволяло сохранять хорошую мину при плохой игре. А у окружающих, наверное, рождало впечатление, что то, куда я села, – это и не лужа вовсе... И кое-как этот Большой Человек мой вопрос пережил...

Это был, слава богу, ЖИВОЙ человек. Ничто не делало его похожим на самого международного предводителя профессиональных мертвецов, ставшего мегапопулярным после 11 сентября. Ни длинная черная борода, ни истонченное лицо стойка и горного отшельника, ни потусторонний испепеляющий взгляд. Именно сердитый взгляд был наш, посюсторонний. Его обладатель пока еще нигде отрешенно не витал. Этого человека лет сорока (?) все еще всерьез доставали его земные проблемы.

Нет, было видно, что прорваться наружу своему раздражению он не позволит. Но он также ничем не мог уже скрыть тот факт, что внутри у него от всей этой х...ой жизни царит уже просто полномасштабная изжога. Глубокая вертикальная морщина между сведенными бровями и очень жестко прорезанные носогубные складки – от этого он не избавится уже никогда. Так и хотелось ему сказать: ну зачем ты так, брось, плюнь, забей, пожалей себя, ну не ешь ты больше лимонов...

В крайней степени задумчивости он нехотя отделился от стола и побрел в угол, в маленькую каморку. Именно побрел. Как-то кривовато, согнувшись и желчно морщась всем своим подвижным лицом от этой своей «изжоги». Да что там, морщась всем своим поджарым существом... Побрел нога за ногу, медленно переставляя громоздкие зимние сапоги. Они-то вот точно казались на нем какими-то лишними, веригами цеплялись к ногам и мешали. Ему было бы куда логичнее и легче демоном нестись, не касаясь земли, со свистом рассекая воздух блистательно развернутыми плечами. Нечто, плотным слоем окружавшее его, его искрящаяся энергетика, эта почти материальная в его случае субстанция, почти вслух кричала об этом...

Но, видимо, вся его жизнь сейчас была сродни подвалу, в котором протекала. Не полетаешь. Необходимость сидеть неподвижно в своей конуре за какой-то бумажно-компьютерной работой его явно смертельно тяготила... Точно, он и побрел-то как привязанный волкодав, с отвращением волоча за собой невидимую тяжеленную цепь...

И если черная борода только подчеркивала беспредельный аристократизм бледного, мертвенно-белого лица, то черный свитер навыпуск – это было совсем не то, что надо было носить на этой стремительной, жесткой, но сейчас вдруг почему-то согнувшейся, поддавшейся фигуре...

«На поверхности» он преображался, в своем плотном монументальном пальто он был похож то ли на памятник Дзержинскому, то ли – самому себе. Это был Очень Большой Человек. Пока Лимонов был в «санатории», в лавке оставался именно он...

Я зову Тишина «мой фюрер».

Всадники Апокалипсиса

Прямо мизансцена: один, самый главный, отошел – и на первый план выступили другие...

«У-у-у, как здесь все запущено...» – не подумала, а прямо-таки со всей полнотой ощутила я. Надежд на то, что все в этой жизни еще может измениться в лучшую сторону, открывшийся пейзаж уже не оставлял. Но зрелище было хорошо тем, что сразу же давало полный расклад относительно того, куда же я все-таки попала...

У стола сгрудились несколько черных туч. В глаза бросилась общая дремучесть этой группы мужиков – и какая-то катастрофическая взрослость. Здесь все было как-то уж слишком по-взрослому. Это когда *лучшие уже не станут*. Они были очень похожи. На предыдущего – и друг на друга. Без вариантов. Всадники Апокалипсиса: Брань, Глад, Мор и Смерть. «...и *ad следовал за ним...*»

Это не была униформа. Это был образ жизни. Джинсы, какие-то одинаковые, военные, кажется, свитера с накладками из ткани на плечах, что-то еще, такое же поношенное... Одежда

– прослойка между людьми и этим подвалом, и все три составляющих давно уже пришли к общему знаменателю. К знаменателю подвала.

Высокие, худые мужики. Почему-то общее отсутствие выправки – и сразу какая-то запущенность. Что-то в их жизни одинаково – сильно – на них на всех давит, заставляя спины сгибаться. Вид не просто одичавший. Вид замшелый. Казалось, на поверхность из этого подвала, куда едва проникал тусклый зимний свет, они не выбирались уже много лет. Все они уже давно и прочно обитают здесь вот, в подвале, срослись с этим подвалом и подвальным же образом жизни. «Жизнь наложила отпечаток...» Да жизнь под этим отпечатком их уже полностью погребла!..

«Мой» немного не офицер Евгений Александрович со своей выправкой на этом фоне выглядел просто неприлично блестяще.

О, моя информационная незамутненность... Любой из них, никак не идентифицированных мной, мог произнести: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...» Теми людьми в приемной Бункера были Роман Попков, Скрипка, Эдуард Сырников и Абель. Уже можно начинать скандировать: «Слава партии!»...

Первый ангел

Нет, дремучесть в той группе у стола исходила явно не от него.

– Н-да... Все вместе мы вообще ни на кого не похожи... – с сомнением блеснет чуть позже очками блистательный Роман, выволокши однажды сразу всех «бункерских бомжей» на божий свет и пытаюсь пристроить их к революционной борьбе.

Меловая бледность, черные, регулярно сбриваемые волосы, очень высокий рост, невыносимая худоба. По-скиновски закатанные камуфляжные штаны не доставали до края высоких ботинок, и было страшно смотреть, как зимой он с выглядывающей из-под штанин полоской голых ног выходит на мороз. Острой и колючей была каждая его грань, а он весь состоял из граней. Блестя очками как цейсовской оптикой, он в своем черном бомбере нависал над человеком неумолимым знаком вопроса: «А что ты сделал во имя партии?!» Коброй нависал, уже начавшей чуть расправлять капюшон... И это был отнюдь не риторический вопрос.

Все, что делало его Романом Попковым, было сосредоточено в его голосе и в его взгляде.

Слишком часто начинало казаться, что страшнее этого голоса нет ничего. Когда именно он среди ночи взрывал обморочный сон: «ПОДНИМАЙТЕСЬ...» Поднявшись, я понимала, что опять не запомнила дословно каждый раз произносимый Романом Попковым текст: «ТОВАРИЩИ НАЦИОНАЛБОЛЬШЕВИКИ! Поднимайтесь клеить листовки...» В оглушенной памяти оставался только ГОЛОС. «...и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, первый и последний; То, что видишь, напиши в книгу...»

Я и не знала, что взгляд смерти иногда может быть даже меланхоличным. Наверное, это была уже пресытившаяся смерть... Недавно пообедавший удав. Или просто прицеливающийся. На что вообще нельзя вестись, так это на его кажущееся спокойствие. Никому ничего хорошего оно еще не принесло. Взгляд преображается мгновенно, и этим взглядом сквозь очки он любого пригвоздит к полу – и пошлет на смерть. Чтобы выдержать мощь Романа, надо было самому быть таким же. А это сложно...

Во всем его жестком, отточенном – и в то же время диссонирующем с этими определениями – облике сквозила неумолимость. Как и в его действиях. Все делалось стремительно и сильно. Своим присутствием он накрывал все вокруг как плащом. И всех, кто попал в поле действия этого плаща, рыболовного невода, сносило следом. Очень редко выдавался момент, чтобы Роман тайфуном прошелся по Бункеру – и никто никуда, ни на какой огневой рубеж

не был брошен... *«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю...»*

Большого Человека чувствуешь сразу. Вокруг него, вместе с ним движется НЕЧТО, что заставляет тебя почтительно отступать в сторону. Метров на пять... Вокруг московского гаулейтера это НЕЧТО клубилось, создавая завихрения, и явственно слышались громовые раскаты. Ему приходилось ежедневно, без просветов, ворочать большой массой людей, проблем и событий. Ладно бы это были дела праведные...

Не-ет. Каждый раз, открывая железную входную дверь, надо было проламываться сквозь глыбу льда реальной опасности, заведомой стопроцентной палёности всех твоих действий. *«А ну-ка, парень, подними повыше ворот, подними повыше ворот и держись...»* И действительно, сразу именно этот жест: воротник – повыше вверх, голову – поглубже в плечи. Позвоночник сжимался как гармошка. Распрямить его теперь могло только вдруг свалившееся с неба сознание своей полной безоговорочной правоты и легальности... Не в этой жизни.

Из Бункера выходили с желанием проскочить под нависшим дамокловым мечом. Каждый раз выходили как на бой. Тело с живущим в нем воспоминанием, что когда-то оно было ящером, начинало жить своей жизнью, наносные человеческие представления о прямохождении сменялись каким-то звериным инстинктом. Я себя не узнавала. Мозги были заняты опасностью, грозящей со всех сторон. И неподконтрольное тело вдруг начало действовать само. Больше ничто не мешало ему вспомнить, кто оно...

Помните, что делает взгляд волка «волчьим»? Вперед и вниз, параллельно земле, опущенная голова. Прямой взгляд тогда получается исподлобья, в упор. Он просто нацеливается на объект, как впечатанный в лоб ствол пистолета. Следуя логике этого взгляда, к земле пригибаются шея, плечи... Так и идешь. С нацеленным вперед взглядом-стволом. Сканирующим взглядом-стволом. К людям так не ходят...

Тело перетекало, тело скользило разлитой ртутью, начинающей вдруг гибкими каплями сжиматься в одно озерцо. Когда идешь так, не обязательно касаться земли на каждом шаге... Я помню, как, идя по Бункеру, я вдруг поняла, что стала ртутью.

Больше ничто не мешало упор перенести на взгляд.

Насторожиться, сгруппироваться, припасть к земле, превратиться в комок нервов и жил и основной упор перенести на взгляд, готовый в любой момент спружинить и отбросить тело в сторону. Мне сразу стал понятен секрет многих попадающих здесь пылающих глаз. Когда грубая реальность начинает нуждаться в постоянном неусыпном контроле, ты как таковой, как полновесное, вальяжно расхаживающее по улице физическое тело, – ты перестаешь существовать. Ты весь превращаешься во взгляд...

Плечи тянет к земле нестерпимо. Лучшее впечатление, которое ты можешь теперь производить, – это вообще не производить никакого впечатления. Раствориться. Сжаться в точку. Слиться с асфальтом. Упрямо уткнуться лицом куда-то в собственные ботинки, и не дай бог поднять голову, чтобы привлечь беду прямым, горящим, впечатанным в нее взглядом.

Ты просто стираешь себя и весь превращаешься в напряженный, внимательный, скользящий, прожигающий все на метр – и ускользящий взгляд. Как эхолокатором ты ощупываешь им окружающую тебя действительность. Рыщущая плеть. Но зато теперь вот в таком – очень нехорошем – шарящем взгляде, идущем откуда-то снизу, исподлобья, мне сразу слышится такая масса всего, до боли родного! И с его обладателем мне все навсегда становится ясно... Я смогла опять выпрямить спину и взглянуть миру в лицо только через несколько месяцев, когда оттаяла мозгами и подзабыла всю эту романтику... А потом уже – ходила «под пулями», не пригибаясь. Ничто так не выматывает душу, как постоянная опасность, и если именно так ее закалять...

Я теперь имею совершенно особое мнение на предмет того, что такое политическая воля. Я видела тех, кому эту волю приходится исполнять... Как это, наверное, облагораживает: наблюдать приложение этой воли со стороны. А не ощущать на себе.

Гораздо позже перед президентскими выборами тоненький депутат Рыжков говорил по телевизору, что оппозиции пора уже ввязываться в драку и накачивать политические мускулы. Какая прелесть! Я вспоминала нас. Как нас брали среди ночи и выбрасывали на мороз, поднимали и отправляли «на драку». Вчерашние подростки – это и были «политические мускулы оппозиции»...

Не вопрос, любые мускулы можно прокачать. Спроси меня. Я знаю как... А лучше – спроси у Романа. Я сразу же поняла: когда мне приспичит побывать в лагере подготовки экстремистов, я буду искать его где-нибудь в... А чего я там не видела, зачем мне его искать? Потому что здесь я попала сразу же на базу действующих революционеров!

«Мне стало понятно, что России нужна радикальная современная национальная партия. Основывающаяся не на дебильном дремучем отвращении к «жидам» и иностранцам, замешенном на зависти к ним же. Основывающаяся не на этнических эмоциях, визгах дремучих людей. Основывающаяся не на несостоятельном и несовременном мировоззрении православия. Но основывающаяся на понятиях: национальные интересы, а также широко понимающая нацию как добровольное мощное содружество индивидуумов, ощущающих свою безусловную принадлежность к русской цивилизации, русскому языку, русской истории и русской государственности. Готовых пролить свою и чужую кровь ради этих ценностей. Такая партия должна быть молодой и поэтому молодежной, у такой партии должны быть свои святыне, свои ритуалы». Эдуард Лимонов. «Моя политическая биография».

Смешное слово

– Нацболы... – бросил однажды Роман в сердцах. – «Фашистов» здесь – одна тысячная часть, остальные – анархисты!

Я только усмехнулась. «Фашисты» – одно из самых смешно звучащих в наше время слов. Настолько оно неактуально.

Читаем, сделав запрос в Интернете:

«Отрицание демократии и прав человека; насаждение режима, основанного на принципах тоталитарно-корпоративной государственности, однопартийности и вождизма; утверждение насилия и террора в целях подавления политического противника и любых форм инакомыслия...»

«Политическое течение, выражающее интересы наиболее реакционных и агрессивных сил империалистической буржуазии. Террористическая диктатура самых реакционных сил монополистического капитала, осуществляемая с целью сохранения капиталистического строя. Важнейшие отличительные черты Ф. – применение крайних форм насилия для подавления рабочего класса и всех трудящихся, воинствующий антикоммунизм, шовинизм, расизм, широкое использование государственно-монополистических методов регулирования экономики, максимальный контроль над всеми проявлениями общественной и личной жизни граждан...»

По всему получается, явление именно под этим названием может быть любимой игрушкой государства, но не его граждан. Как я люблю, когда люди начинают бросаться словами, значения которых не знают. В ответ они получают набор слов, к примеру приведенных выше...

«В противоположность фашизму национал-социализм главной своей задачей ставит построение национального государства на принципах социальной справедливости в интересах всей нации. Национализм не дает никаким классам общества привилегированного положения.

И поэтому не устраивает «новых русских». Сегодня главная тактическая задача «новых русских» – оседлать национальный подъем в стране и направить его по пути фашизма. Для этого в умах людей настойчиво смешиваются два несовместимых понятия: национализм (любовь к своей нации, своей Родине) и фашизм, при котором интересы кучки финансовых олигархов ставятся выше интересов нации. Это делается для того, чтобы окончательно запутать людей и под прикрытием псевдонационалистических лозунгов в очередной раз обмануть народ, установив в стране фашистскую диктатуру, закрепить положение России как сырьевого придатка Запада, как это предусмотрено архитекторами «нового мирового порядка»...

«Националист – это человек (здесь бы я уже поставила точку... – Е. Р.), четко осознающий интересы своей нации, ставящий все свои лучшие качества на службу этим интересам и для которого эти интересы превыше всего. Только национальная идеология ставит во главу угла интересы исторически, естественно сложившейся общности людей – Нации. Националист не стремится унижить другие народы (такой человек называется шовинистом), а лишь желает блага для своего народа, своей нации...»

По всему получалось, что выступления против национализма – выступления против народа.

А всякая там «фашистская» эстетика – романтизм, элитаризм – это просто игрушки, а не фашизм. Фашизм приходит сверху, от денежных мешков.

– Когда услышишь, что начались репрессии по отношению к людям, борющимся за социальные права, – наставляла я прихвостня, – можешь заикнуться о фашизме...

Потом я слышала, как нацболов с их социальной борьбой клеймили «фашистами». У меня начиналось какое-то нервное веселье...

Тебя пока еще не режут...

Мне пришлось долго убеждать своего прихвостня, что мое новое увлечение – нацболы – не являются фашистами. В смысле, не преследуют и не убивают людей по национальному признаку и позиционируют себя как самых что ни на есть прожженных неформалов.

– В Риге в НБП состоит русский африканец, а фамилия еще одного – авторитетнейшего! – товарища оттуда же, перекочевавшего в Москву, – Линдерман. Отцы-основатели партии – два самых главных российских панка: литературный панк Лимонов и музыкальный панк Летов...

– Да?.. – косился он недоверчиво.

Я прекрасно знала, чего он боялся. Он всерьез боялся за себя. Еще лет за десять до того где-то в Старом Осколе он, весь из себя такой правильный гнилой токсикоман-неформал, попал на кулак парней из РНЕ. «Вот, вот твои фашисты!» – верещал он. Я соглашалась, что соратники поступили неверно. Надо было сразу убивать...

Естественно, человек, ведущий подобную жизнь, очень сильно опасался людей, в которых проснулась хоть капля банального самоуважения. Поэтому его прямой задачей в этой жизни было не допустить появления таких людей. С ними ему абсолютно не по пути. Потому что когда эти – нормальные – люди соберутся числом больше одного, он уже не будет «третьим между ними». Кирдык настанет наркоману. Вот и брызжет слюной наркоман. Спасает свою шкуру. Борется против «фашистов»...

Погоди орать. Тебя пока еще не режут.

Вот такая, собственно, у меня получилась иллюстрация того, КТО у нас, КОГО и ЗА ЧТО пытается заклеить «фашистом»...

Чисто

– Нацболы... «Фашистов» здесь – одна тысячная часть, остальные – анархисты!

...Целый ворох анархистов. Я говорю: там гроздьями отовсюду свисал целый ворох анархистов. Руководство наверняка неоднократно вешалось само где-нибудь рядом, созерцая, до какой степени «революцию приходится делать с теми, кто есть». Точно, вешалось. И не по разу...

А может быть, и зря. Красочные бурные проявления чересчур ярких личностей, выплескивающих себя наружу от переизбытка себя же. Ну и что такого? Важно другое.

Почему они все мгновенно сделались родными? Почему я вдохнула один с ними воздух – и уже не надо было слов? А там просто некогда было разговаривать. Все было подчинено одному – ДЕЛУ.

И они были ЛЮДЬМИ, когда доходило до дела. Жизнь в постоянной опасности, на которую они себя обрекли, сделала отношения между этими людьми хрустальными. Здесь все было чисто. И очень прочно. Здесь у тебя появлялся самый настоящий тыл. Да, я согласна с рассуждениями о партии-братстве. Им действительно удалось это создать. Ради одного того, чтобы ощутить это, стоило лезть на рожон. Слишком жестко их мир делился на своих и чужих. Но именно это делало своих своими. Я теперь доподлинно знаю, какими на самом деле должны быть отношения между людьми. Наверное, когда я снова захочу ощутить все это, придется отправиться на войну...

Или я чего-то не понимаю, или все друг в друге – каждый в каждом, каждый во всех и все в каждом – были уверены абсолютно.

Здесь все несло к цели. И в этой гонке с них сорвало все «человеческое, слишком человеческое» – всю эту будничную шелуху. Люди полировались со свистом взрезаемым воздухом, как выпущенные пули. Там был накручен слишком высокий темп, нельзя уже было просто бежать – в этом беге надо было вырваться, проломиться прочь из себя. Именно так нужно бежать, если у тебя есть цель, если тебе надо обязательно ее достичь, потерять по дороге самого себя, но попасть туда, куда надо...

Чистота душ была уже кристальной, как вымороженный на холоде спирт. Мы там все были уже как дети.

Вот те конкретные люди – это для меня святое.

Они надежны абсолютно. Они пойдут куда надо и сделают что угодно. Не просто попытаются, выказав внешнюю решимость. Они сумеют довести дело до конца. Они, вот те самые оборванцы, разгильдяи... Дети, одной ногой уже шагнувшие в святость...

Я только на короткий миг смогла приблизиться к ним. В моем существовании было на порядок меньше смысла. У меня не было именно этой, их цели...

«Матерям было не понять, что в партии и возле меня ребята ищут того, чего у них нет дома, – прикосновения к Большому делу, к Истории, к политике, выхода из замкнутого пространства семьи. Семья изнуряла и принижала их, партия – возвышала».

Эдуард Лимонов. Моя политическая биография

Запах крови

10 марта 1999 года двое наших в Доме кино забросали яйцами Никиту Михалкова за его публичную поддержку Назарбаева. Никита Михалков не мог не знать, что в назарбаевских лагерях в нечеловеческих условиях

содержатся узники совести, боровшиеся за права человека в Казахстане, за права русских... Так началось дело Бахура и Горшкова. Административное нарушение, которое, если бы не касалось злобной звезды российской кинематографии, закончилось бы для ребят штрафом, было расценено как уголовное преступление, а разрешение его затянулось на четыре месяца. Горшков отсидел в Бутырке месяц, а Бахур задержался в самой поганой тюрьме Москвы на четыре месяца и заболел туберкулезом... «Новая газета» раскопала видеозапись сцены задержания ребят в Доме кино, где отчетливо видно, как Михалков бьет Бахура (его держат в это время четверо!) ногой в лицо!»

Эдуард Лимонов. Моя политическая биография

Я сказала, что выдержать Романа Попкова мог человек, равный ему по силе. Так вот, такой человек был. Попков и Бахур. Бахур и Попков. Они неизменно ходили вместе, явно что-то замышляя на ходу и, не исключено, просто страхуя друг друга. История покажет, что для верности им надо было еще сковаться наручниками...

Хаотично перемещающийся локальный ядерный взрыв – вот что такое Дмитрий Бахур. Каким яростным он может быть, знает Никита Михалков. Когда Бахуру в челюсть летит ботинок, надо бояться за ботинок. Белая кость черной ярости... Элита...

А вот когда совершенно неразличимый за спинами товарищей Дмитрий добродушно философствовал «в перерыве между боями», в нем появлялась мягкость пластила. Расслабленно прислонившись к деревянному столбу загородки кухни, он своим украинским говорком иезуитски лил в уши присутствующих медоточивый яд диковиннейшего сплетения слов. Яд этот вытекал из него рекой, как из змеюки, у змея-искусителя в Раю точно был вот такой же украинский говор.

– В воздухе висит вопрос: что еще нужно, чего не хватает в России сегодня для революции? Россия беременна революцией, Россия на сносях. Этот факт ни у кого из нас не вызывает сомнений, и для воплощения революции в реальность не хватает только одной малости – запаха крови. Русская нация несет в себе стремление к войне, к тотальным переменам, Россия – храм революции. Русские – это нация кшатриев. Мы созданы для битвы, для того, чтобы воевать, таково наше предназначение. Поэтому когда на окраинах Империи появляется запах крови, начинается брожение нации. Нация просыпается...

Нам выпала честь прорубить дорогу для русской нации. На наши плечи легла задача не дать ее погубить, затолкать обратно. Это уже будет не берлога, где можно отлежаться и зализать раны, это будет склеп, могила. Мы – последние. Первые и последние. Если мы сегодня не примем роды и не подыдем нацию на своих плечах, русской нации уже никогда не будет. Поэтому победа неизбежна – у нас нет иного выбора. Жадно глотайте воздух, внимательно внюхивайтесь, вслушивайтесь. И вы услышите толчки приближающегося плода молодой нации, почувствуете запах крови. А затем во рту появится привкус крови. И тогда бейте врага! Бейте, и вы разобьете любую преграду, потому что ваш кулак будет кулаком всей нации. Молодой и жадной до жизни. А девизом нации будет: да, смерть! Почувствуйте запах крови!..

Без перехода, усевшись за стол, он с большим знанием дела и почти ностальгией принялся проповедовать, что значит это сладкое слово «баланда». А это просто сбалансированное питание... Я не советую записывать рецепт. Теперь, увидев, как отсидевший человек, заправив варящиеся макароны, с какой-то прямо зомбической запрограммированностью обреченно запикивает туда капусту, я салютую Бахуру...

За вождя

«25 августа 1999 года 15 национал-большевиков поднялись на башню клуба моряков в Севастополе, сумели заварить за собой дверь и люки и

на последней площадке вывесили лозунг «Севастополь – русский город!», флаги НБП, после чего стали выбрасывать с высоты 36 метров листовки. Текст оповещал, что это политическая акция, что Украина незаконно владеет городом русской славы. Севастопольская акция на Украине подняла репутацию НБП на недостижимую высоту. Мы оказались единственной партией, которая за восемь лет независимости Украины сделала в полный голос заявку на Севастополь, с потерей которого смирились все политические партии России».

Эдуард Лимонов. Моя политическая биография

Охранник вождя Михаил Шилин. Меня всегда пугало такое совершенство. (Надо обязательно сказать, что из всей той армии нацбольского народа, с которой я стала неразлучна на пару лет, в тюрьмах пересидели ВСЕ. Каждый. Одних «сева-стопольцев» тогда набилось в башню, по ощущениям, как гастарбайтеров в однокомнатную халупу.) Много позже в другой обстановке мне удалось краем глаза успеть засечь, как мужчина с идеальной внешностью и интеллигентской закалкой с молниеносной быстротой и зловещим профессионализмом здоровенным ножом разделявал кусок мяса. Не дай бог попасть ему под руку...

Тост Михаил признает только один:

– ЗА ВОЖДЯ...

Когда он так говорил – голос запомнился с каким-то едва уловимым хрипом, может быть, он просто был глубоким и низким, – у меня мороз подирал по коже. Я стараюсь не думать, что он сделает – за вождя...

Так говорил Заратустра

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что Солнце село,
Что Земля и все планеты
Взяты по тому же делу...

Говорит тот, кто знает...

Владимир Линдерман, Абель, вернувшись из двухнедельной экскурсии в следственный изолятор ФСБ, жил в Бункере темным духом сразу двух подземелий, изредка арендуемым ими друг у друга. Такая человеческая глыба везде будет одинаковой. Революционер – родной брат Соловецкого камня... Слишком молод для седовласого мудреца? Для мудреца с иссиня-черными волосами – идеален. Что-то мелковат для него оказался застенок, в котором его ненадолго приютили. Это только добавляло ему печали: измельчал народ, измельчала эпоха... Но с кем ему в этом мире той печалью поделиться?... А в глубине его глаз – как это часто бывает, – таилась библейская скорбь всего израильского народа...

У него была бесшумная поступь серого кардинала. Он один перевешивал здесь всех. Я, может быть, даже не была способна постичь, насколько «всех». Кто-то же должен был плести паутину всей этой их борьбы. Он рассказывал, что, когда его арестовали по рижскому делу, полицейский сделал ему даже такую предьяву: «А чего это вы называете себя лучшим поэтом в Латвии?!» Я так думаю, когда Абель гастролировал в Москве, «дружественное» государство, как холодильник, можно было вообще переключать в режим «отпуск»... Какой человек... Если бы я внедрялась по-настоящему, я была обязана влюбиться с первого взгляда именно в него. И такой человек жил в подвале?

– «Настоящий чекист – я, а вы – сотрудник ФСБ!» – вырвалось у меня во время допроса в Лефортове, – рассказывал Абель. – Следователь не обиделся и даже подтвердил: «Да-да, вы даже внешне похожи на чекиста 20-х годов. Но в 30-х вас, скорее всего, расстреляли бы». – «Может, расстреляли бы, а может быть, и нет. Может быть, я сам бы расстреливал. Меня устраивает любой из этих вариантов судьбы».

В расплывшихся в последнее время книгах про ЧКНКВД (на одну хорошую приходится тонна макулатуры) я больше всего люблю рассматривать старые фотографии. Лица чекистов. Как бы искусственно затемненные – из-за качества фотографии 20-х годов, оттого кажущиеся небритыми, с вьевшейся в лица устойчивой смесью серого, они похожи на лица шахтеров. Чернорабочие революционного подземелья, революционного Ада. Конечно, не технические эффекты, но фанатизм, сжигающий человека изнутри, в соединении с недоеданием и недосыпанием дают такое качество лица.

Я испытываю братскую нежность, глядя на эти лица. Это не лица равнодушных палачей. Хотя им приходилось быть и палачами.

Хороший чекист может родиться только из вчерашнего подпольщика. Аккуратный бюрократ, каковыми являются подавляющее большинство сотрудников современных спецслужб в России и на Западе, просто не в силах понять мотивацию, сам ход мысли революционера, и потому всегда остается в проигрыше. Для чиновника ФСБ национал-большевик – это инопланетянин. Как воевать с инопланетянами?

Гремучая смесь таланта и воли, святой веры с дьявольской изобретательностью – портрет чекиста ленинско-дзержинской школы. Этот портрет имеет мало общего с офицером ФСБ, точнее – ничего общего. Революционный дух давно покинул здание на Лубянке, храм стоит пустой.

Только фанатики, люди одной цели, волнуют меня в Истории. 20 декабря, в День чекиста, я обязательно выпью за чернорабочих Ада...

В декабре НБП объявила об исключении нескольких своих членов (часть – отсидевшие подельники Лимонова) за то, что во время процесса «дали показания против своих товарищей и тем трусливо предали Партию».

Абель выступил с проповедью:

– Чтобы быть эффективными в поствыборную эпоху, нужно закрепить за предательством статус смертного греха. Не нужно жалеть предателей. На войне как на войне. Не нужно поддерживать с ними дружеские и любовные отношения. Жалость, сострадание к негативным личностям – это тоже часть русского адата. Для меня было шоком узнать, что некоторые заслуженные партийцы поддерживают хорошие отношения с людьми, по-крупному предавшими партию.

Еще после саратовского и рижского дел с их запредельными обвинениями и сроками начался исход из НБП людей слабохарактерных, видевших в партии главным образом приятную тусовку. На их место пришли люди из более надежного материала. Этот процесс продолжается: людей с твердыми принципами, фанатиков в партии становится все больше. Будем и дальше раздувать огонь фанатизма, чтобы закалить партию до состояния непобедимости...

Так говорил Заратустра...

Королева помойки

Она вылезла как из помойки...

Я приехала в Бункер 28 ноября, в день рождения партии. Как раз поглазеть на праздник. Но не учла, что для нацболов день рождения партии активируется в полночь. К утру весь праздник уже иссяк, а из углов выползли помятые рожи. Она появилась... сначала «появился» мат, потом – лицо с размазанной краской и рыже-пегие волосы. И что я должна была прочесть

по этому лицу? Что это – лицо НБ-изма?.. Именно от нее я слышала это насмешливое: «Мы не устраиваем этот мир? А мы тогда его разрушим...»

Розетка на кухне почти не тянула. После распахивания газет по району я подключилась к самому общественно не опасному из возможных революционных действий: попытке сварить гречневую кашу. И попытка сразу же не задалась. Вода отказывалась закипать.

– Розетка – в зале собраний! – заорала она на меня, увидев зависший чайник.

Где здесь она увидела свою маму?

– Тон убавь! – прогремело над плитой. Первые часы внедрения в чужую банду, нормально...

Она тут в запале чувствовала себя королевой, потому что накануне совершила «подвиг».

На пресс-конференции Анатолия Чубайса запустила в любимца всей России майонезом: «Привет от НБП!»...

В милиции ее безрезультатно пытались воспитывать. С человека, живущего в чужом городе в подвале, взяли подписку о невыезде... Дальше храбрая нацболка всю ночь пела в камере песни и читала стихи. Одна надежда, что не свои...

– Как ты пишешь стихи? – спросила она меня в тот же вечер. Ой, а куда тон делся? Когда она на меня не орет, я ее что-то вообще не могу расслышать... Один этот вопрос – уже диагноз. Если человек его задает, значит, ответ ему не поможет. Это все равно, что спросить: «Как ты дышишь?» А сама не знаешь? Значит, тебе не дано ни писать, ни дышать. Мой-то метод ей точно не подходит. Прежде чем у меня в мозгу забрезжат образы и фразы, я слишком долго гоняю там «Отче наш». Свет, царящий наверху, просто изливается через пальцы на бумагу. Я это должна была рассказать? Ей?..

Сидеть – не мешки ворочать!

Это – Нина Силина. Крошечная женщина без возраста выдавала это с вечной своей дерзкой улыбкой на очень жестко и твердо, абсолютно по-взрослому очерченных губах. И ворочала здоровые черные мешки. Дорвалась, вот что значит человека на волю отпустили! В тюрьме ей давали лет семнадцать, губы, голос и характер тянули на тридцать. Черные мешки – это бесконечные упаковки «Лимонки», которые надо было сначала заматывать скотчем, а потом заставлять нацболов отволочь на вокзалы и сдать проводникам. Именно так газета разъезжалась по России...

Без этого зрелища невозможно представить, какая убийственная рутина на самом деле революционная деятельность. Из года в год, изо дня в день – упаковывать, волочь, впаривать, опять и опять... Одна отдушина: радостно метнуть в кого-нибудь майонезом, приковаться наручниками, а потом – «не мешки ворочать»!..

Взятая по лимоновскому делу и «положенная, где взяли» в том же июле 2003-го, что и главный фигурант, она конечно же поехала в свой Ковров. Нина потом рассказывала о тамошних демонстрациях против мэра и о своей поделнице по ковровскому депутатству. Этот город во всей этой истории стоит особняком. Кажется, это была территория победившего национал-большевизма...

– Эпицентром акции была Ирина Табацкова. За время моего отсутствия она натурально захватила власть в городе. И нынче газета без новостей о «нацболе и депутате Табацковой» газетой в Коврове просто не считается. Она – везде. Она – круче всех...

Ее высочество

Наталье Черновой было 23 года, она была из Оренбурга. Эта величественно-скромная блондинка вся состояла из какой-то идеальной, наследственной интеллигентности, и этого в

ней было так много, что стадию бесцветности Наталья миновала, ни разу на нее не ступив. При всей ее благородной неброскости, она, художница и поэтесса, несла с собой мощную ауру личности, наполненной до краев самым качественным содержимым. К такой женщине не подвалишь развязно с пьяной харей... Она-то что здесь делает?

– Она участвовала в ненасильственном захвате поезда Москва – Калининград, – рассказывал потом Алексей Тонких, – получила сорок суток ареста. Так у нее появилось время привести в порядок свои мысли, все понять до конца. Все нацболы, побывавшие в учреждениях пенитенциарной системы, знают, что там человека покидают последние остатки благодушия и иллюзий, и он выходит из стен тюрьмы «святым с пустыми глазами». Становясь пулей, осознающей себя как средство, чья цель будет поражена, как бы долго ни продолжалось ее преследование. И если выстрел пока не прогремел, то это обязательно случится, рано или поздно...

Золото партии

Сергей Манжос... Я всегда думала, что хохлы – лютые мужики. Но теперь я знаю: есть такой человек – Манжос. Когда кто-то рассказал байку, что Сергей жил в одном подъезде с Чикатило, я тихонько заплакала: «Не того повязали!»

В его глазах плескались цепкий ясный ум, убийственная четкость мысли, мгновенная реакция. Хитрый, умный, дотошный мужик. Он умел быть спокойным, вдумчивым, рассудительным, расчетливым.

Это продолжалось мгновение. Столько требовалось ему на осмысление ситуации. А дальше уже вывезти могли только совсем другие качества. Это я говорю не о ситуациях, когда он в шашки играл. Я не видела его играющим в шашки. Ситуации были совсем иного рода. У него все ситуации были иного рода. Когда требовалась нечеловеческая дерзость и отчаянная решимость, навсегда сроднившаяся с самоотречением. Я как воочию вижу его, готового поджечь на себе бензин. Это чтоб понятно было, что он не только разбрасывал лозунги и скандировал листовки... листасывал разбровки и лозировал скандунги... Листовки разбрасывались не иначе как из окон захваченных госучреждений. «Мы – маньяки, мы докажем!»

Ему до всего было дело, все подряд превращалось в главное дело жизни. Он вцеплялся как клещ, при нем невозможно было спокойно даже нарезать капусту для супа: тут же поднимался вопль, что все надо делать совсем не так. Неуловимым для самой себя движением я тогда только плотнее перехватила нож. Манжос исчез быстрее...

Я чуть не ляпнула: «В глазах плескалось безумие». Как можно! Лихое, яростное море начинало плескаться только на расстоянии аж целого миллиметра от зрачков. Что главное было во всех их бархатнотеррористических действиях? Быстрота и натиск. В их акциях, рассчитанных на стремительность и безоглядность действий и максимально возможный шумный эффект, это было незаменимое оружие массового поражения. Дайте мне одного Манжоса, и я переверну Землю. Двух Манжосов не давайте – они порвут шарик пополам... «Золото партии» хранилось под густыми кудрявыми волосами и зеленой панамкой. Разве что это было золото того рода, которое иногда очень хочется закопать...

В мирной ситуации такой человек начинает с упоением уничтожать сам себя. Нет, с ним самим – ничего, он – молодцом, а вот производимые им разрушения, шум и эффект... Это была петарда, которую один раз подожгли, а дальше она шаровой молнией носилась по коридорам, шипя и разбрасывая снопы разноцветных искр. В такие моменты становилось сложно помнить о том, что безумие и его зрачок разделяет целый миллиметр. А главное – это разглядеть. И вовремя напомнить себе, что вообще-то это – золото партии... Иногда руководству, которому был нужен еще и порядок в Бункере, хотелось накрыть эту петарду ведром, как файер на футбольном матче. А он просто был таким и другим быть не мог. Дал же господь

человеку столько энергии. Какой бы шум он ни производил, заслуги и польза должны были перевесить...

Потому что это был кристально честный человек. Что на войне значит абсолютно надежный товарищ? Да такому простишь что угодно, потому что знаешь, что он никогда не сделает то, что простить нельзя...

Покажите мне героя...

...и я покажу трагедию. Макс Громов. В нем жила глубокая печаль. Не, не представляйте бледного юношу. Тридцатилетний мужик. Значит, все серьезно.

Я видела его вдохновенным и светлым. Я не видела вдохновеннее и светлее...

Первое, что я услышала от него: он рассказывал за столом в Бункере про свою дочь...

Однажды вечером они затеяли петь революционные и военные песни, я сразу же подключилась.

Дымит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим...

Из всех людей, что были в тот момент на кухне, я помню только его. Потому что по сравнению с ним рядом как будто никого и не было вовсе. Человек светился вдохновением. Вы предполагали увидеть в наше время молодого парня, для которого столько значат антикварные гимны ушедших героических эпох? Почему именно это давало ему настоящие силы? Он в это по-настоящему верил? Откуда в нем такая вера, откуда он с такой верой? Знаю, из Чебоксар...

Печаль стояла на дне глаз, залегала глубокими складками возле губ. Он просто слишком хорошо знал. Что было, что будет, долгая дорога, казенный дом... Горькое знание о жизни шло уже впереди него. Знал, а ведь все равно не верил. Пройдет год, и его начнут изничтожать на зоне. «Его там убивают...» – это слова Абея. Зная Громову, я в этом не сомневалась...

Может быть, у меня получается какой-то апокрифический портрет революционера. Но я все видела именно так. Может быть, подсмотрела не вовремя...

Казалось, иногда его взгляд просил только об одном: закрыть глаза, остаться в одиночестве...

Казалось, ему невыносимо тяжело поднять глаза и взглянуть в глаза своей жизни. Так мучительно поднимать окровавленный взгляд на своего палача.

Иногда казалось, он живет, прижавшись лбом к холодному черному стеклу. Если свет в этот момент зажигался в его взгляде, это был свет новой боли. Его как будто били хлыстом, каждый удар отражался на лице новой мукой, но он так и не произнес ни слова.

Он видел все наперед, просто потому, что просто все уже видел. Но то, что еще ожидало... Оно было огромным, он стоял перед ним, как муравей перед вечностью, которая его раздавит. Перед будущим он был ребенком, которому только предстояло погрузиться в разлитое море боли. Боль уже плескалась у его ног, до слез разъедала глаза, а у него еще было слишком много времени, чтобы задавать и задавать вопрос: «За что?» «За что?» Так вот о чем он думал, прижавшись лбом к холодному черному стеклу своей жизни?..

Он нес в себе свой эшафот.

Гордые, поверженные и несокрушенные революционеры с горьким взглядом в вечность, апофеоз высокой трагедии, канонический образ, какими их принято изображать за минуту до казни... Это ведь ничего не придумано. Они действительно такие.

Ему было мучительно больно поднять глаза. Он и не поднимал. Просто упрямо поднимался сам на лобное место своей казни. И смотрел оттуда с недосыгаемой высоты, наконец-то обретя свой пьедестал. И вот теперь-то каждый, у кого хватало мужества, мог заглянуть ему в глаза. В них была абсолютная спокойная ненависть. Моменты, когда ему заламывали руки, но не могли его заставить опустить головы, были моментами его настоящего триумфа. Борьба, ведущая никуда, была абсолютно осознанная, вымученная и выстраданная, глубоко личная. Это была Его Борьба.

Когда-нибудь мы вспомним это,
И не поверится самим,
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за ценой не постоим...

Но это был слишком сильный мужик. Он бы не смог дышать, если бы весь состоял только из трагедии, которая лучше всего читается в нем на фотографиях с арестов, где он со скованными руками возвышается в окружении врагов. Человек обычного роста в эти моменты был выше ВСЕХ... Жизнь в нем заново брала верх ежеминутно. Я же говорю: не видела вдохновеннее и светлее. А кроме как над очередным своим арестом в Бункере не над чем было и посмеяться...

– Во-от... И тут я ментам заявляю: все, я объявляю голодовку! И дальше пять суток из своих пятнадцати я ничего не ел!

Он был страшно доволен собой и теперь смотрел на Скрипку с вопросительным любопытством: ну как, ничего? Скрипке, видимо, было мучительно больно оттого, как юнцы опошляют его высокую идею.

– Пять суток... Это не голодовка. Это ты просто не поел...

Говорит тот, кто знает. Ближайший соратник Абея, тоже приехавший из Риги... В вечно полутемном Бункере очень легко возникало ощущение, что время остановилось. А стоило посмотреть на Скрипку, и сомнений не оставалось: остановилось, точно...

Невероятно худой человек с потусторонним взглядом, остановившим это самое время, перемещавшийся медленно и как-то согбенно. Так бродят по хирургии прооперированные, согнувшись над своим больным животом. Скрипка голодал в камере сорок пять дней.

Ничего человеческого

Российское государство на наших глазах демонстрировало полное неумение отстаивать права русских за рубежом. Мы начали защищать старика партизана Кононова в августе 1998 года, тотчас, как его кинули в тюрьму в Латвии. После освобождения Кононова началась в феврале вторая волна репрессий против стариков ветеранов. Надо было остановить ее.

Национал-большевики попытались прорваться в Латвию для проведения крупной акции протеста.

Был разработан маршрут. Нацболы садятся на поезд Санкт-Петербург – Калининград, но выходят по пути на одной из стоянок поезда: в Резекне или в Даугавпилсе. Выйти там было нелегко, перрон забит полицией и солдатами, но возможно. Этим поездом пробрались в Латвию Соловей, Журкин и Гафаров. Соловью пришлось тяжелее всех: он выпрыгнул из окна поезда на скорости 70 километров в час. Цель в Риге была уже намечена – предлагалось мирно оккупировать башню собора Святого Петра. Еще один отряд нацболов – четверо – вынужден был выпрыгивать из окон поезда, причем один из них, Илья Шамазов, сломал себе ногу, ударившись о бетонную плиту. Безоружных пацанов удалось задержать только через 16 часов. Случилось это 15 ноября 2000 года.

А 17 ноября Соловей, Журкин и Гафаров вошли на смотровую площадку башни собора Святого Петра. Чтобы очистить площадку от туристов, Соловей опрометчиво использовал муляж гранаты. Ребята закрылись и потребовали освободить четырех нацболов, арестованных при десантировании из поезда Петербург – Калининград, 25 даугавпилских нацболов, задержанных в ту ночь, рижских нацболов, в том числе Абея и Скрипку, выпустить из латвийских тюрем всех стариков – красных партизан и чекистов – и прекратить уголовные дела против них, обеспечить право голосовать на выборах для 900 тысяч русских, а также потребовали невступления Латвии в НАТО.

Огласив свои требования, разбросав листовки, ребята согласились сойти с башни только после того, как узнали, что к ним поднимется посол России в Латвии. Тогда Журкин, Соловей и Гафаров позволили себя арестовать. Несколько суток их успешно прессовали и били. На голову Сергею Соловью надевали целлофановый мешок и завязывали...

«Это российские спецслужбы дали латвийцам совет судить нацболов по статье «терроризм» вместо статьи «хулиганство»... 30 апреля я услышал по радио чудовищный по жестокости приговор: Соловей и Журкин были приговорены к 15 годам лишения свободы, а малолетка Гафаров получил пять лет... Их участь уже ближе к участи Желябова, или Софьи Перовской, или Бакунина. Это уже высокая трагедия».

Эдуард Лимонов. Моя политическая биография

Я думала, этому прекрасно сохранившемуся мертвецу лет сорок. Выяснилось – тридцать один. В этот момент земля покачнулась у меня под ногами. Слишком безвозвратно он уже давно похоронил себя в этой жизни – внутри себя. И вдруг его вернули...

История освобождения Сергея Соловья уникальна. Статью «терроризм» все-таки сменили на «хулиганство», «тело» вернули на Родину. Но и в России он продолжил сопротивляться. Всему. Да как! Это был поэт, приехавший делать революцию в белом пиджаке. И вдруг... Голодовка за голодовкой, протесты против всего, поднятые на бунт тюрьмы. В итоге он так всех допек, что...

Человека выгнали из тюрьмы за плохое поведение! По стечению обстоятельств сильным мира сего еще и удалось как-то хитро надавить друг на друга, депутат наехал на прокурора, и через три года после ареста, в конце ноября 2003 года, Соловей был на свободе. Это вместо пятнадцати! Исправительная система призналась, что исправить его она не может. Пусть живет так. Чем меньше на него давят, тем меньше он сопротивляется. Тем меньше от него вреда...

Аминазин не пробовали? Не пробовали... А ящер, живущий внутри человека, его дух, – он ведь питается умерщвляемой плотью. Этот «террорист» не мог не молиться в холодном карцере, неделями «отрицая» пищу. Вы сами хулиганам помогаете превращаться в святых. А это страшные, как я погляжу, люди...

И вот теперь Его Криминальное Совершенство черной кошкой просочилось в Бункер. Революция должна была почувствовать прилив крови самой редкой группы?..

Тюрьма довела Соловья до абсолюта. Голодовка за голодовкой... Он был острый как лезвие и блестящий как сталь. Все сильное, что тлело в характере, лишениями, достойными мучеников, оказалось возведено в недостижимую степень. Но человеческого там не осталось уже ничего...

– Завидую тем, кто не видит этого паноптикума, и не желаю никому обостренного годами тюрьмы зрения. Способный ученик Данте, я заглядывал в ад и знаю, что он мало отличается от нынешнего цивилизованного общества...

Именно в адрес Соловья я единственный раз в жизни слышала определение: «Человек, похоже, пересидел...»

– Говоря, что тюрьмы – оазисы истинной России, я не знал, насколько был прав. Порядочные камеры и нацбольские штаб-квартиры – единственные оазисы человеческого мира, а в окне и телящике копошится нечисть...

...Улыбка у «ничего человеческого» была такая, что от нее должны былидохнуть змеи. От передоза яда. Сладким ядом, сочащимся с губ, он загипнотизирует любого и разорит его, как мангуст – змеиное гнездо, оставив без денег и души... Я потом видела подобное иезуитское выражение на лице ласкового извращенца, предвкушающего свой дьявольский кайф, уже обвившегося кольцами вокруг своей новой жертвы...

Кто вспомнит, против чего он протестовал, когда его повязали? А посадив обычного человека за терроризм, тюрьму для него превратили в идеальную базу подготовки террориста. Он выкристаллизовался в олицетворение абсолютной ненависти. Вот что затачивает человека как клинок. Только одна мысль звенела внутри его. В нем звенела его цель. К такой цели можно нестись над жизнью, не касаясь земли...

Вторая Россия

«Национал-большевистская партия была избрана объектом разработки ФСБ с последующим обезглавливанием и уничтожением ее как организации. Контора поняла буквально теорию «Вторая Россия», опубликованную в качестве предполагаемого. Теория представляла собой теоретическое рассуждение о том, что если бы существовала достаточно радикальная политическая партия, то она могла бы заявить о себе, организовав партизанскую борьбу на территории Республики Казахстан, то есть на территории со значительным русским населением. С целью отторжения северной территории от Республики Казахстан и создания сепаратистского русского государства – Второй России...

Они взяли нас в семь утра. Своим я сказал: «Национал-большевистская партия по-настоящему родилась сегодня, ребята. Запомните этот день – 7 апреля 2001 года».

Эдуард Лимонов. Моя политическая биография

В мае 2003 года Эдуард Лимонов и пять его подельников получили гораздо меньшие сроки по сравнению с маячившими изначально. «Организация приготовления к терроризму» не прокатила за отсутствием события преступления. По прошествии двух лет после ареста суд пришел к выводу об отсутствии в теории «Вторая Россия» призывов к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя РФ. Тоже не прокатило. В июле 2003 года Эдуард Лимонов вышел на свободу.

И теперь, пока «бункерские бомжи» вели свою муравьино-революционную борьбу, вождь был где-то там, а партия состояла именно из этих людей. «Террорист-международник» Соловей однажды скажет:

– Создают, придумывают партию одни люди, а по-настоящему делают ее, наполняют все эти идеи жизнью и несут их в реальную жизнь – совсем другие...

Ему так казалось.

Глава 4

Любовь и война

*Когда ты ждешь
\$\$\$\$\$\$первый всполох Войны,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$тебя настигнет Любовь.
Когда ты пьешь
\$\$\$\$\$\$тонкий яд с губ Любви,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$знай: на пороге – Война.*

Арбат

При слове «Арбат» у меня перед глазами возникает решетка.

...Длинные узкие просветы между прутьями уходили бесконечно вверх, в темноту, лампочка светила только где-то там, у входа, и прутья решетки в моей клетке контрастными черными полосами рубили тусклое пространство. Вот это движение вверх, эти направляющие, заставляющие взгляд уноситься вслед за ними все выше и выше, к куполу, к небу, – идеал готических архитекторов. Как изощрялись они, заставляя смертного отлепить взгляд от собственных ботинок и увидеть возможность существования иного мира, иного настроя помыслов, устремленных вверх, к небу, к неземной, божественной высоте...

А здесь – пожалуйста. Тонкие прутья, неумолимо нацеленные в недосыгаемо высокую, обволакивающую, успокаивающую темноту. Милицейская готика. Храм. Идеальное место для молитвы...

Я не знаю, откуда это во мне. Но стоит меня где-нибудь закрыть, во мне просыпается нечто.

Это нечто разворачивается древним ящером, с шумом просвистев по углам хвостом. Тяжелая голова плывет медленной змеей, пока не увидит то, что определит как цель. Ледяная ясность во взгляде ящера знает только один ответ на вопрос, для чего у него прямо перед пастью поставили его врага. Все человеческое осталось за решеткой. Невозможно ничего добиться от древнего ящера. Невозможно договориться с абсолютom...

Самый пленительный на свете вкус отрицания я прочувствовала еще за полжизни до того, как услышала это слово. Это была просто ледяная ясность. Никому. Ничего...

Ясность вкупе с ящером можно попробовать выжечь вместе с мозгом. А получится ли? А по мешку с костями – как определишь?

А потом система совершит ошибку, и меня отпустят. Свою свободу я использую только для одного. Я буду затачивать себя как нож, с ледяной ясностью видя теперь прямо перед собой своего врага...

Чугунный

Он меня тогда просто спас.

Нет, не тогда, когда я загибалась среди ночи в камере от раздирающей боли. Днем в Бункере я не удержалась, нажралась чьих-то трофейных конфет, и они меня изнутри чуть не разорвали по местам склейки...

И не тогда, когда все повторилось на суде. А в больницу мне было нельзя: паспорт оставался у ментов. И как бы я была в чужом городе в больнице без документов?..

И даже не тогда, когда уже после суда он меня у ментов реально отбил. Какая-то хитрая получилась ситуация: то, что суд меня не закрыл, еще абсолютно не значило, что я свободна. Он построил их там всех в отделении, клещами вырвал у них мой паспорт, выморозил у них для меня право не оплачивать штраф немедленно, потому что это действительно не обязательно сразу делать.

А тогда, когда мы шли узенькой улочкой из околотка к широкому, оказывается, Арбату. Все, что связано с этим культовым местом, теперь вызывало во мне жесточайшее отторжение. При слове «Арбат» у меня перед глазами возникает решетка... Не было сил смотреть даже на стену Цоя... А этот парень, еще слишком молодой и последний раз тогда казавшийся не абсолютно монолитным, чугунным, профессионально возвращал меня к жизни какими-то суровыми, но левыми разговорами. Уверенно брал на контроль измученное сознание и полностью подчинял его этой своей уверенности. На раз вышибал из потемок души хоть намек на слабость своим твердым голосом. Но при этом упрямо и забавно отводил глаза, стараясь буквально пролистывать взглядом мое лицо.

– Я что, так ужасно выгляжу? – сжалилась я над ним и разрядила ситуацию, которая его мучила.

Кирилл Ананьев с натуральной благодарностью наконец-то поднял на меня глаза и со смешной готовностью закивал.

– Ага... – Ему сразу стало легче общаться...

– Он меня спасал... – жалобно протянула я потом в Бункере Александру Аверину.

– Это я тебя спасал, осуществлял юридическую помощь, руководил по телефону! – взвился он.

А я-то имела в виду именно те разговоры по дороге обратно. Это воспоминание – святое...

Адреналин

– Боже мой, какие милые люди!

Я со смехом прикрыла глаза, погружаясь затылком в такую мягкую, родную и обволакивающую кирпичную кладку. Я вернулась в подвал как домой... В те дни была масса поводов для веселья, одной меня хватило, чтобы поднять настроение во всем Бункере: «Рысь в милицию ходит, как на работу!» Ну да, каждый день...

Роман Попков пересажал всех. Это было констатировано еще за несколько дней до выборов, а каждый день преодолевался как последний. Абсолютно все расклейщики листовок были задержаны милицией. Это ведь не просто расклейка бумажек, а попытка сорвать выборы. И ни одного в штабе не забыли, с каждым возились, бегали по околоткам и судам, отслеживая его путь вплоть до самой свободы...

– Какие милые люди! – Вечером наступала благословенная пора травить байки. – Вчера мент мне втолковывал: зачем тебе это надо, тебе же нет двадцати лет... Сегодня мент, глядя на меня и держа перед собой мой паспорт, написал в протоколе вместо 1975 года рождения 1985-й... Я согласна каждый день проводить в обществе этих потрясающих мужчин, если они и дальше будут отвешивать мне такие мощные комплименты!

По вечерам в Бункере жизнь яростно брала свое, как всегда, начиная особенно фонить в условиях обложившей со всех сторон опасности. По вечерам в стенах Бункера тонким хрустальным переливом расслабленно плескался и играл адреналин, как прозрачное шампанское в бокале. Как будто в душе начинали тихонько оживать колокольчики предчувствия Нового года, праздник ожидания праздника, который всегда с тобой. А люди просто спихнули еще один тяжелый, опасный, бесконечный день, что само по себе было уже счастьем. Можно наслаждаться.

Но это уже чуть позже.
А сначала...

Загробный вой

Горячая вода...

Я сидела на кафельном полу под струями кипятка, уронив голову на колени, – и больше в жизни не существовало уже ничего. С меня со стоном отваливались куски кармы, и со стоном же, еще не опознанная, чуть оттаяв, весенним глухарем-подснежником из-под почерневшего наста проступала душа...

– О-о-о-о-о-ой-й... то не вече-э-э-р...

Все, это была уже нирвана. Если мой оцепенелый стон сложился в эти звуки, значит, он первым, едва заметным, касанием толкнулся уже изнутри в позвоночник, и тонкий, окрашенный золотом звон потек по тканям и дрожью побежал по коже... Вот когда на поверхность моего сознания глухим бредом всплывает «Черный ворон» – это уже диагноз, лучше сразу пристрелить. Обществу – реальная польза. А сейчас я была абсолютно не опасна.

Этот мой загробный вой, чувствуется, конкретно вломился в уши нацболам. Нет, это реально не я уже тогда пела. Нет, это реально тогда пела уже не я...

Я кралась мимо Тишина, мимо его компьютерной.

– Ты к Наталье Медведевой как относишься? – уставился он на меня.

Как отношусь... Меня не интересуют наркоманы, кем бы они ни были помимо. Не желаю я себе такой смерти... Но сейчас я только всплеснула руками, дабы не обижать хороших людей:

– Это – вершина! – Мощь голоса и натуры в этой женщине была абсолютно апокалип-
тична...

– Вот! – Тишин был абсолютно доволен. Какие-то его собственные измышления я в этот момент полностью подтвердила. – У тебя голос, похожий на ее... не так чтоб, конечно, но все же...

Ой, мама... Вот ведь, рта нельзя раскрыть, чтоб не напортчить. Я просто так сказала про загробный вой. А им-то в моем «пении в душе» реально послышался голос умершего человека.

– Ты даже, может быть, ее прижизненная реинкарнация...

Я забыла, как дышать. Я прекрасно знаю, что жена Лимонова, певица Наталья Медведева, для национал-большевиков – это НАШЕ ВСЕ. Он мне буквально под дых вломил такой честью. Его за язык никто не тянул. И чего мне с этим всем теперь делать? Вот он зачем вообще мне это сказал? Забыть... забыть побыстрее...

– У тебя даже взгляд... как у нее...

Да. Здесь – согласна. Я просто физически ощущала, что смотрю на него сейчас так, что другой сдох бы уже от такого взгляда. А ему – все в кайф. Маньяки. Тишину я доверяю абсолютно. Но до сих пор у меня были какие-то другие смутные соображения на свой счет. Он, Тишин, добрый. Тоже мне, догадался. Для него это – что, совершенно нормальная тема для разговора? Так, обмолвился промежду прочим. Как они тут живут, орудуя такими понятиями?

Для меня это все было так странно. Я думала: «Пусть поговорит еще...» – и невзначай подступала к нему еще на полшага. Мне нужно оказаться очень близко к человеку, и тогда становится уже не надо слов, я начинаю потихоньку, незаметно, тем же позвоночником считывать что-то такое, рядом с чем любые, самые-самые, его слова – просто ложь и полная труха. Рядом с Тишиным все было полыхающим и светло-синим от стремительно взрывающихся электрических разрядов. И я только стояла, оцепенело смотрела на это и просила: «Ну давай... не останавливайся... расскажи что-нибудь еще...»

С.С.

Друг звал его: «С.С.». Хочешь, производное от имени и отчества, хочешь, от имени и фамилии. Со своей почти двухметровой высоты он в ответ только чуть кривил уголки губ в тонкой саркастичной усмешке. За эту усмешку я отдала душу...

Я смотрела на него и понимала, что пропадаю. Вот оно: *«Нервы оголены, все – сразу в кровь, невероятная новизна и свежесть»*... Прямо в кровь обрушился и он. Жизнь, пустившаяся вскачь от ощущения опасности. Эта жизнь на полном скаку врезалась в любовь. Жизнь собиралась на войну, и не было ничего несвоевременнее нас с нашей наивной любовью. Этой жизни оставался только час до наступления истории. И не было ничего правильнее нас, в этот короткий час остановивших время.

Храни меня Бог от баррикадной любви. Нет больше сил. Оказывается, это счастье, если любовь первая погибнет здесь от шальной пули...

Любовь и война

Ты научился любить,
\$\$\$\$\$запомнив холод приклада
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$горячей щекой.
Ты научился стрелять,
\$\$\$\$\$впечатав слезы любви
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$себе прикладом в плечо.
Она пьет с губ твоих яд,
\$\$\$\$\$ты даришь кольца ей,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$вырвав с чекой.
Любовь распробовала
\$\$\$\$\$вкус войны
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$и прошептала: «Еще».

Любовь не знает:
\$\$\$\$\$чтоб выиграть битву,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$должна стать Войной.
Две страсти выжгут
\$\$\$\$\$друг друга,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$твой ад пустит только одну.
Любовь согласна
\$\$\$\$\$быть целью
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$и не стоит за ценой:
Любовь погибнет
\$\$\$\$\$в боях за любовь,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$Любовь уйдет на войну.

Ты позабыл
\$\$\$\$\$разделить свою жизнь
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$меж двух неистовых слов.
Судьба замкнулась кольцом,
\$\$\$\$\$цель – это просто

\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$всего лишь цена.
Когда ты ждешь
\$\$\$\$\$\$первый всполох Войны,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$тебя настигнет Любовь.
Когда ты пьешь
\$\$\$\$\$\$тонкий яд с губ Любви,
\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$\$знай: на пороге – Война.

В один из дней, наших дней, я надела на него свой крест. *«Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею...»*

Заповеди маньяка

С каждым днем было все невыносимее опять отправляться на гарантированный провал. Для верующего счастье пострадать за свою веру. Интересно попробовать. Но то, в чем я сейчас участвовала... Это была не моя война!

Не было ничего мистического в каждый раз охватывающей меня «неизъяснимой тоске». В ужас меня вгоняло оглушительное несоответствие происходящего тому, как я сама привыкла перемещаться по жизни. Бесшумно и не оставляя следов. Здесь же масса людей ходила совершенно иными путями. И если именно это были люди, то кто я? Я всерьез боялась, что кто-нибудь меня неминуемо разоблачит, наступив мне на хвост. А, забыла, у рыси нет хвоста...

Почему я корчилась, как вампир, которого потащили на свет? А вот именно потому, что на свет. Засветить себя хоть чем-нибудь хоть перед кем-нибудь? Пойти, подставиться специально, позволить себя схватить, избить, посадить, встать во весь рост и сказать: «Стреляйте!»? Мне легче умереть. На этих занятиях экстремизмом по методу национал-большевиков я вымотала себе всю душу. Зато со мной теперь появился эффективный метод борьбы. Не нужно даже никакого чеснока, никаких серебряных пуль. Достаточно просто подкрасться сзади и громко предложить мне вступить в НБП. Я как вспомню, ЧТО за этим стоит...

Это я к тому, что, видимо, все мои оценки – абсолютно субъективны. Ну, треп и треп. Люди вокруг меня совершали немыслимые поступки. Я так не могу. Не мой характер. Не мои принципы. Не мой стиль работы... Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы тебя замели. Проходи, не оставляя следов. И всегда нападай со спины. Наверное, это все-таки я – маньяк.

...Я приехала из Москвы домой, сунула вещи в стирку. Через час мама сказала:

– Белье можно уже вешать.

– Пытать и вешать, вешать и пытать... – ядовитой Рептилией прошипела я себе под нос любимый нацбольский лозунг, въевшийся, как подвальная пыль.

Глава 5

Мы – маньяки, мы докажем!

«А где тут у вас Госдума?»

А где тут у вас Минюст?

«А где тут у вас Госдума?»

Эта фраза еще долго будет претендовать на высшую строчку в рейтинге черного юмора. Совершенно апокалиптическую бездну смысла именно в те дни в эти слова вложила какая-то чеченка. Но не тогда, когда задала этот вопрос прохожим у гостиницы «Националь». А спустя несколько секунд. Когда разлетелась на куски от взрыва.

Так где, говорите, тут у вас эта, как ее?..

Нацболы на этом фоне были ангелами с крыльями, разве что перья регулярно выпадали и вонзались властям под ребро. Бархатный терроризм на почве всеобщей государственной политической активности тоже распушился и завивался кудрями. У нацболов была своя война...

...3 декабря после полудня в отдельно стоящий в глубине двора домик проходной солидного государственного учреждения зашел человек...

Один. Через минуту – еще один.

Еще дюжина переминалась за отстоящим оттуда на полсотни метров углом дома, выглядывая из-за этого самого угла. Каждый заходивший с порога заявлял: «У меня обращение к министру!»

Вся акция была нацелена на сведение охраны с ума и создание коллапса.

*«Министру юстиции Российской Федерации
Чайке Ю. Я.*

Обращение

Сегодня Минюст, назначение которого – следить за соблюдением Конституции в любой точке страны, превратился в карательный орган. Получив в свои владения Главное Управление Исполнения Наказания, Минюст, вместо того чтобы сделать пребывание граждан в местах лишения свободы более человечным, перенес порядки ГУИНа во внешний мир. Сегодня благодаря стараниям Вашего министерства Россия стала сплошным ГУЛАГом. Гражданских и политических свобод, с таким трудом завоеванных в начале 90-х, с каждым днем становится все меньше. Родник иссяк, а сосуд дал трещину.

А отношение Минюста к Национал-большевистской партии является своеобразной лакмусовой бумажкой, показывающей понимание государством Свободы. 4 раза Ваше министерство отказывало нам в регистрации, регистрируя при этом десятки несуществующих организаций. Своей деятельностью Национал-большевистская партия за 9 лет уже заслужила уважение и признание общества. Но только не Минюста. Отношение Министерства юстиции к Национал-большевистской партии было выражено Вашим представителем на одном из судов в 99-м году, где НБП оспаривала

отказ в регистрации: «Их 5 тысяч. Они молоды. И мы не знаем, что они собираются делать». Сообщаю, что мы собираемся делать: наполнить мир счастьем и радостью и бороться с несправедливостью. Этим обращением я выражаю свой протест по поводу антиконституционных действий Минюста по отношению к Национал-большевистской партии. Я против уничтожения свободы. Мне хочется дышать воздухом свободы, а не лагерной пылью.

Уважаемый министр юстиции Чайка Ю. Я. – следите за соблюдением Конституции РФ в любой точке страны, тем более в Вашем ведомстве. Я думаю, Вы получите эти письма гражданского возмущения от всех членов НБП, и Вам придется на них отвечать. А писем будет как минимум 13 000».

Мы столпились в крошечной каморке проходной Минюста со своими бумажками, и тут Роман скомандовал: выходим. Выходим – а там...

– ...А-а-а... – необъяснимо неслось нечто где-то там, в небе, над головами, над домами. С каждым шагом – все ближе, ближе, уже становятся различимы слова, и то, что я смогла разобрать, перехватило дыхание неверием и восторгом. Неужели?! Обошли особняк, вышли на улицу – а там уже всю гремело: «Ре-ги-стра-ция!» Глянула на крышу – а там наши!

«Свобода или смерть!» Вот что теперь короной венчало Минюст. Десяток черных фигур стоял у края крыши, люди держали красно-белый флаг. Я узнала Женю! Я не испугалась, мало того, это был восторг и восхищение. Я до выступающих слез всматривалась в далекие лица героев. Все внутри ликовало. «Мы есть!», «Мы пришли!», «Регистрация!» – именно это заполняло теперь бесконечное пространство, народ внизу подхватывал. Толик Глоба-Михайленко полез цеплять на острые пики забора красивый плакат: «Мы вас научим Конституцию любить!» А дальше – сам висел рядом с плакатом, с задором размахивая руками...

Полчаса – это много. На крыше началось движение, появились еще люди, направились к нашим парням. Пытались возиться с наручниками, пристегнутыми к ограждению. Парни просто перешагнули хлипкие прутья и перебрались на самый край. Внизу отреагировали вспышкой восторга. «Свободу!» – и перечисление каждой фамилии тех, наверху.

– Цепляемся, цепляемся! – раздалась команда внизу, и мы все крепко сцепились локтями. Милиция, материализовавшаяся на обочине праздника где-то в середине процесса, наконец-то перешла к активным действиям. Пытались выдрать из центра цепи конкретно Романа. Пришлось возиться долго, людскую цепь все-таки разорвали. Да так, что свалка кубарем покати-лась по улице, попутно, как снежный ком – горнолыжника, утянув за собой целый дорожный знак...

Я стояла в стороне, почти оцепенев, я не понимала, что теперь делать. Это все было так странно, так неприкрыто, как будто с правды жизни вдруг сорвали розовый флер. Чувства, что надо срочно спастись, даже не возникало. Потому что не поступало команды. Роман скомандовать уже ничего не мог. Его, Толика с ограды, еще двоих человек заталкивали в машину. Наконец-то начав потихоньку шевелиться, я подхватила под руку какую-то школьницу, и мы поспешили вслед за удаляющимися спинами нацболов по направлению к метро. Как в фильме «Скины»: самые слабые девочки там задыхались далеко позади убегающей толпы. Хорошо, что за нами, в отличие от фильма, не гнались убийцы.

А где тут у вас избирком?

Москвич из спального района заблудился в центре Москвы.

Вечером 7 декабря, когда выборы в стране уже подходили к концу, мы быстро шли по пустым улицам центра, оставляя за спиной квартал за кварталом. Что-то долго мы идем... Исключительно уверенный в себе Кирилл Ананьев, предводительствовавший нашей группой, очень уверенно увел нас сначала в одну сторону, мелькая за спинами остальных клетчатым

шарфом и зеленой курткой, потом мы развернулись, и так же уверенно клетчатый шарф двинулся обратно. Наконец подошли к ярко освещенному зданию, в узкой тени фонаря не отсвечивал наш человек – высокий блондин Николай Николаевич.

– Все уже закончилось... – слышала я его тихие фразы. – Наших свинтили. Кажется, сломали руку. Я сейчас в отделение, будем выяснять...

Оказывается, мы шли в Центризбирком...

Это было вечером. А днем...

7 декабря 2003 года Михаил Касьянов, премьер-министр РФ, был забросан яйцами в Москве на избирательном участке № 107. Задержаны: Максим Громов, Виталий Катков – вина не доказана, Анастасия Пустарнакова – штраф. На Наталью Чернову и Алексея Тонких было заведено уголовное дело по статье 213 части 2 УК РФ «хулиганство» (от 2 до 5 лет).

«...Как только Касьянов подошел к урне для голосования и начал картинно опускать в нее свои бюллетени, неожиданно из толпы выскочила женщина и кинула в премьера яйцом, которое живописно растеклось по премьерскому плечу. Наглаженный, с иголочки, костюм был испорчен. «Касьянов, выборы – это фарс!» – крикнула при этом женщина. Ее сразу же окружили сотрудники службы безопасности и вывели из помещения».

МК, 07.12.2003

– Электрошокер – ...я, только выглядит жутко.

Это было главное знание, под полой, тайком вынесенное нацболами с экскурсии в милицкий участок. Трое оперов на одного пацана, дубинка и пакет на голову – это было охарактеризовано: «Оказывается – выносимо». Пока один из парней пытался специально разбить голову об угол тумбы, чтобы таким образом зафиксировать побои, другой умудрился закатить под милицкий диван неотстрелянное яйцо...

Макс Громов в это время сидел в коридоре. Он потом рассказывал, как это все смотрелось со стороны.

– Из-за дверей кабинетов слышны звуки ударов и ор оперов: «Суки, уроды, почему из-за вас должны страдать невинные добропорядочные люди, то есть мы!» Время от времени запыхавшиеся, потные опера выходят перекурить: «Ну что у тебя?!» – «Да что, б..., 51-я статья!» – «Такая же...». – «Суки, ..., а нам все это потом домой нести, в семьи, к женам, к детям. И все из-за этих уродов...»

Наташе Черновой опер влепил две пощечины. Судья потом – реальный срок.

Еще одна группа вошла в здание Центризбиркома вечером 7 декабря. Стали разбрасывать листовки, приковались наручниками к дверям, выражая свой протест по отношению к выборам, которые есть «организованное преступление власти перед народом». Восемь национал-большевиков были задержаны, трое из них осуждены на 10 и 15 суток...

Именно сюда мы не попали, запутавшись в улицах центра. Это я принесла нацболам несчастье. Черное небо уводило меня от всего опасного. Нацболы сами иногда расшифровывают НБП как «Нам Бог Помогает»...

А где тут у вас «Россия»?

24 декабря на открытие «съезда победителей» в ГКЗ «Россия» пришли разъяренные представители нерегистрируемой партии. И испортили всем праздник.

– Открытие. Гимн СССР – РФ, – рассказывал потом Макс Громов. – Речь Гризли. Но тут – «Руки прочь от РОССИИ!» В Гризли влетает яйцо. Рядом пролетает пакет майонеза, посланный мною. Летят листовки «Привет от НБП!» Рядом со мной стали винтить Рому Попкова

и Сергея Медведева. Возле слегка заляпанного майонезом и кетчупом президиума началась бешеная суматоха: изо всех щелей повалили охранники и гроздьями повисли на Илье Шамазове. Я, отстрелявшись, спокойно ушел. Итог съезда таков: охрана в очередной раз доказала, что охранять никого не умеет; президиум единороссов получил по заслугам за фальсифицированные выборы, а прилюдно опущенный Грызлов подал в отставку...

Съезд «Единой России» я смотрела в новостях. В воздухе разлетались листовки, а мой С.С. возвышался посреди общей свалки, и к его извечной иронии на лице наконец-то примешивалось еще что-то. Любопытство. Но сам он никого не интересовал. Было ощущение, что он стал невидим. Невидим для врагов! Так бывает. Неужели это действует мой крест?

Потом он всю зиму будет участвовать во всем, но останется невидим для милицейского глаза. Он стал как заговоренный. Даже начало осады Бункера он пропустит, разминувшись в минуты, и будет околачиваться вокруг, хотя и на улице всех винтили... *«Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе – охранять тебя на всех путях твоих. На руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею...»*

А где тут у вас морг?

При мне погиб Михаил Соков. Очень немолодой на общем бункерском фоне человек, молча тащивший на себе здоровенный воз выматывающей революционной рутины. Человек, по памяти нарисовавший на стене Бункера карту СССР. За достоверность портрета Родины он ручался, потому что знал ее лично... Просто пропал в последних числах декабря, через несколько дней его нашли избитого в морге.

И событие это не пронеслось смерчем по пустым коридорам. Все было уже одно к одному...

Эта смерть вошла медленными шагами. Тишина говорила его голосом без звука, знания о ней в его глазах стало не больше, чем всегда. Специалист по трупам, он быстро отыскал по моргам «свой»...

Сильно поредевший после выборов Бункер был похож на сцену с выключенными огнями. Эта смерть брела в полутьме вдоль стен, сидела, откинувшись головой на кирпичи, смотрела в никуда. Ты – просто кирпич в стене. Один выпал...

Разве что она запнулась возле узкого топчана, тронула пальцем газеты в коробке, не посмела сдвинуть с места старую тапку – и ей стало страшно...

А дальше она пошла разливаться по коридорам еще «одним на всех» общим знанием.

Мы все ходили уже не под Богом. Под кирпичом...

А где тут у вас Бахур?

13 января 2004 года Дмитрий Бахур был похищен от Бункера и избит.

...Когда на голову надевают пакет, его можно прокусить. Его долго били в лесу с этим пакетом на голове, а он все дышал и дышал. Почувствовали, что-то не то, надели другой пакет. Он опять его прокусил. Догадались надеть два пакета. Два – уже сложно. Удушье...

Вбивание человека в снег огнетушителем сопровождалось настойчивыми предложениями о сотрудничестве: «Будешь каждый день ко мне с отчетом ездить, о всех ваших планируемых мероприятиях докладывать будешь. Начиная с пикетов, заканчивая, как вы их называете, акциями прямого действия. А мы будем позволять проводить то, что нам понравится... Как вы меня достали! Состоял бы ты в какой-нибудь КПРФ или ЛДПР, и никто бы тебя пальцем не

тронул. Так нет же. Надоело мне из-за вас, олухов, по голове получать. Вы слишком непредсказуемы. Мне плевать на Грызлова, на Касьянова. Мне по шапке получать надоело!»

Государевы люди и люди нации вступают в очередную войну, понял в том лесу Дмитрий. Свобода как смерть...

Я видела потом съемки Дмитрия в больнице. Он даже там улыбался. Чем, вот этим кровавым месивом?..

Но сотрудники охраны утратили осторожность: у похищения были свидетели. Их показания прокуратура проигнорировать не могла. Дело было заведено по статье 127 ч. 1 – «незаконное лишение свободы».

А где тут у вас Бункер?

11 декабря был совершен милицейский налет на штаб НБП. Длился он часа полтора-два. За это время изо всех углов и даже из-за плакатов на стенах все-таки были извлечены все три десятка «бункерских бомжей». Дальше их пытались колоть и вербовать в ОВД «Хамовники». Всего в штаб явились полсотни представителей разных правоохранительных органов. Якобы жильцы дома переполошились, что в помещение 4 вносят какие-то мешки...

...А 17 января в дверь Бункера опять постучали...

– Кто?

– Участковый.

А за окном – серым-серо от омовских форм. Дверь не открыли.

«Выхлопные газы из ментовского автобуса уже плотно заполнили приемную, – рассказывал потом Илья Шамазов. – В Бункере двадцать один человек, для обороны вполне достаточно. В приемную и к окнам начинаем сносить все, что пригодно для создания баррикад. Куски арматуры, дровишки от знамен закрепляются за газовые и водопроводные трубы, благо в нашем Бункере их предостаточно. Теперь в случае попытки проникновения помещение будет затоплено. Если что – то вместе с нами». Своеобразный баррикадный скелет обрастает «мясом»: лавки, шкафы, боксерские груши, прочий скарб – в дело идет все. Навязываются растяжки, этакая паутина из проводов и веревок. Даже после того, как первый из ментов окажется в помещении, выдержит душ из краски, клея и бензина, ему придется попотеть, пробираясь через созданный бурелом. Двери надежно заблокированы. Люди, за десятки партийных акций научившиеся проходить на любые, даже самые охраняемые объекты, умеют защитить свое собственное жилище, мышшь не проскочит...

Слушая об этом, я уже могла увидеть это воочию: как Сергей Манжос спешно обливает себя бензином, когда среди ночи в дверь начал дубасить кто-то очень пьяный и очень левый...

Соловей тогда скажет:

– Весь остальной мир – уже за решеткой. И только здесь – последний островок свободы!..

Я не попала ни на один визит милиции в Бункер, ноги сами уносили меня накануне. Так из Москвы домой и обратно всю зиму и каталась. Смешно, но у меня были на это деньги. Из человека, прирезавшего меня, я выморозила себе содержание на год вперед. Получилось раз в двадцать больше, чем мне, может быть, отслюнили бы по суду. Это была самая моя классная афера. Так я заработала себе на революцию. После этого я ужасно стесняюсь спрашивать, как люди зарабатывают на революцию...

...Постепенно осада схлынула, так и не разродившись штурмом. Но 5 марта 2004 года Остров свободы на 2-й Фрунзенской пал.

Я успела выметнуться накануне.

А где тут у вас шоссе Энтузиастов?

А у меня ведь получилось то, ради чего я приехала в Москву и таскалась там по улицам с подрывной литературой. На одной стене я увидела-таки листовку РНЕ: место, время встречи. Другими путями я этот адрес не находила. В Бункере жила, потому что больше нигде было так надолго остановиться. Технично я кралась извилистой тропинкой лжи?..

Я приехала, написала заявление. Успела...

Я не говорила всего, история с моей «подрезкой» – это был уже бонус, щедрое дополнение к обязательной программе. Еще за два года до этого врачи меня и без того списали.

«Послезавтра вы умрете!» – радостно сообщили мне в 26 лет. Я знаю, что такое: «каждый день как последний»... Что вы сделаете в последний день? С каким-то мстительным наслаждением мне надо было успеть заклеить себя перед Богом и людьми, ударом ладони припечатать свое место в системе координат. Я могла себе позволить роскошь не сомневаться напоследок, кто я и с кем я. Я живу до сих пор и не сомневаюсь...

Я получила возможность сколько угодно слушать то, что хотела услышать. Я нашла человека, заговорившего со мной моими словами...

Только те, кто верит

– Или мы русские, или – не русские, – звучало в штабе на шоссе Энтузиастов. – А сейчас вопрос стоит уже – не просто православные. Или мы в вере, или не в вере. Есть русский народ богоизбранный, он должен сохранить веру и противостоять Антихристу до самого второго пришествия. Ты в вере или не в вере? Ты против Антихриста – или за? Вот уже вопрос стоит. В том состоянии, которое сейчас: за Христа или за Антихриста, никто ничего себе нигде не выторгует. Христос ничего не пообещает, ему нужны только те, кто в вере. А Антихрист – у него таких... знаешь, сколько бегают, он себе и дешевле купить может.

Мы должны быть воинством Христовым, которое будет всем и вся. И места никому нет больше в России. Если она – подножие престола Божьего, места никому больше нет. Вся Россия – воинство Христово. Каждый – военнообязанный, будет знать свое место и будет в духе делать то, что нужно. Какие казаки, какие политические партии, гражданские организации, общественные организации? Вся Россия станет воинством Христовым. Вот что нужно. Вот к чему мы ведем. И мы к этому приведем. Господь приведет.

Мы ведем вот к этому единству в духе. Все этим сказано. Наш народ – богоизбранный. И только таким он Богу угоден. Если он таким быть не хочет, то, как один святой сказал, когда его спросили, не боишься, старче: «Господь защитит, если ему нужны дни моей жизни на земле. А если не нужны – то такая жизнь мне самому не нужна». Если народ выполняет то, что ему Богом назначено, – значит, он есть русский народ, богоизбранный, защитник веры и противник Антихриста до самого второго пришествия. И не победит его Антихрист. А нет – значит, и народа нет...

Мы знаем, кому мы служим. Вот в чем сила. И другого такого народа, как наш, больше нет. Господь больше никого не избирал. Только нас. И вот по этой причине мы и есть. Вопреки всему тоже. Всем тягестям, всем нашествиям, всем заговорам, всем предательствам до сих пор мы есть. И для того, чтоб быть, мы должны верить и служить, и то, что нам заповедано Богом, выполнить. Только в этом смысл нашего существования. Больше ни в чем нет. И это самое великое, что может быть. И вот таким мы должны сделать весь народ. Кто в принципе поверит. А кто не поверит, значит, им на Руси места не будет, как святые говорили. Не будет других на Руси, только те, кто верит...

Побег

Бесполезно пытаться назвать это как-то по-другому. Это был побег.

Я чувствовала, как за спиной с каждым шагом все больше натягивалось струной пространство. Позвоночник прожигал озноб, первые метры казалось, Бункер выстрелит мне в спину. Хотелось провалиться сквозь землю, ноги как будто свело, одеревеневшее тело преступно преодолеvalo еще один невыносимо бесконечный метр. А за спиной все не раздавался ни окрик, ни хлопок. Я видела только снег под ногами, мысли метались. Неужели... ушла?..

На утреннем проспекте не было людей, машины неслись, с шумом отрезая звенящую тишину моего только что совершенного преступления. Проспект рассек последнюю невидимую нить, и я другими глазами вдруг взглянула на город. Я и не замечала, сколько здесь пространства. Небо заполняло его все. Я взглянула вверх. Вдохнула воздух. Перевела дух. Я не верила себе. Я была свободна...

Черта с два.

Глава 6

Слеза революционера

*Слеза революционера... Я почти чувствую себя Достоевским. Я ввожу новый образ, который тому, предыдущему, ничуть не уступит.
«Создание разрушения» – как вы можете жить с этим?*

Дети кукурузы

«Ты молод. Тебе противно жить в России попов, денежных мешков и гэбэшников. Ты испытываешь чувство протеста, твои герои Че, или Муссолини, или Ленин – ты уже нацбол. Может быть, моей главной заслугой я считаю, что я нашел нацболов русской реальности, указал им на самих себя. В партию пришли серьезные, молчаливые, странные дети из неблагополучных семей, ищущие в партии воплощение своих лучших порывов».

Эдуард Лимонов. Моя политическая биография

Бункер... Совершенно перевернутый мир. Подвал, провозгласивший себя вершиной мира... Единственное, что облагораживает человека, – стремление к идеалу. Здесь же – территория, свободная от такой ерунды. Здесь, наоборот, пытаются нивелировать весь остальной мир до своего уровня. Который очень невысок... Жертвенность здесь катастрофическая. Противоестественная... От тебя давно уже никто не слышит философских рассуждений о революции. Ты просто встаешь – и идешь. На мороз, в темень, в ежесекундную удушающую опасность. На запрограммированный провал... Вообще ничего не требуя взамен. Ах да. Бомжпакет. Ты съедаешь его молча. Те, кто философствуют, не встают в пять утра. Ты же – просто кирпич в стене...

Это – не моя фраза. «Старого» нацбола Романа Коноплева, именно за такие слова выдворенного из партии. Говорит тот, кто знает...

Классик современной литературы создавал свою, неведомую доселе, партию молодых, а в результате воплотил в жизнь кровавый бред Стивена Кинга про детей кукурузы...

В книгах Эдуарда Лимонова про «другую Россию» – торжество юношеского максимализма с полным отрицанием уклада жизни предыдущих поколений. Точнее, это он, сидя в тюрьме, придумал, что понятный юношам юношеский максимализм должен выглядеть как-то так... И то сказать, «Подросток Савенко» на брюхе прополз через самые мрачные задворки жизни, сумел дожить до возраста зрелости – и на досуге развил на бумаге свою давнюю мечту об уничтожении этих самых задворков. Это должно было быть глубинное разрушение Системы, выкорчевывание корней старого косного мира: это и чиновничий беспредел, и протухшая религия, и удушающая семья...

Разрушение – дело одного нажатия на кнопку. Я все надеялась услышать главное: а что взамен? В своих книгах Эдуард Лимонов рисовал фантастично-абстрактную формацию, где вся власть отдана молодым. Такая же заведомая пропагандистская ложь, как «квартира каждой советской семье». Здесь – «квартира каждому подростку»...

«ДЕТИ КУКУРУЗЫ», вот на что это похоже!

У Стивена Кинга обособившаяся «популяция» детей придумала изничтожать отвратительных взрослых и даже убивать тех своих членов, кто достигает совершеннолетия...

Правда, в произведениях классика, созданных в тюрьме, можно попытаться рассмотреть хорошо законспирированную фантастику, по градусу ужаса не уступающую Кингу. Лучшая фантастика – та, которую преподносят как самую реальную реальность. Вон и суд в Саратове сначала повелся, но потом не смог найти состава преступления в абстрактных рассуждениях писателя о том, что неплохо было бы создать альтернативное государство «Вторая Россия» на какой-нибудь сопредельной территории. Суду пришлось прийти к выводу: проект «Второй России» не содержит призывов к насильственному захвату власти и насильственному изменению конституционного строя РФ. Это – просто литературное произведение...

Вот только я видела детей кукурузы живьем.

Вместо кукурузы был подвал.

И от этого уже не отмахнешься...

Я оказалась свидетелем потрясающего явления, я увидела ужасик писателя-фантаста, воплощенный писателем-реалистом. Самый крутой писатель-гиперреалист – тот, кто смог создать реальность, увидев ее в полужанровых фантастических мечтах...

Очаг на холсте оказался шедевром сюрреализма. Интересно, что за дверь скрывает этот холст?

– Назвав меня «политическим растлителем малолетних», они уравнили меня с Сократом. Обратитесь к «Диалогам» Платона, и вы увидите, что это так... – спустя полтора года будет смеяться Эдуард Лимонов...

Превозносился тип антисистемного героя. Разрушение. Вот его он и будет созидать. Революция должна была стать перманентной, как в глупом анекдоте про «вечный кайф». «Террор – не средство. Цель – сам террор!» – цитируем здесь Соловья. (И вовремя вспоминаем, что литературное произведение со всякими громкими словами в суде не канает!) Короче, бред, как-то слишком глубокомысленно рассчитанный на привлечение в партию буйных подростков, для которых мир возник из небытия пятнадцать лет назад.

Правда, за пятнадцать лет можно успеть стать детьми кукурузы и возненавидеть мир взрослых до такой степени, чтобы пойти его изничтожать – даже ценой собственной жизни. Для верности уничтожая самого себя, как только ты становишься частью ненавистного мира взрослых. Великий Кинг писал именно об этом...

Но я не понимаю, когда в людях сознательно обрубают даже зачатки «корней», уводят прочь от традиции. Еще я однажды читала книжку про манкуртов – рабов, которых лишали памяти...

Но предназначение детей кукурузы из «Другой России» виделось в одном – непрестанно расшатывать систему...

Партия всю претендовала на последнее прибежище людей, разуверившихся во всем. Вокруг все было отвратно – и никакого просвета впереди. В партию приходили, чтобы от отчаяния дорунуть руины. И где-то под ними похоронить заодно и себя. Если человек бродит по жизни потерянный и видит, что ему нечего в этом мире делать, – ему действительно нечего здесь делать. Свалка – там...

А на самом деле люди просто растерянно упираются в стену, что-то неидентифицированное внутри шепчет, что существование может быть качественно иным, более осмысленным. Более высокий, более сознательный возможен уровень, для того мы и отличаемся от животных.

Душа требует ЧЕГО-ТО. Ду-ша-а... Не их ведь слово. Душа – она ведь требует только одного. Не будем произносить все...

Я даже рада, что есть что-то, что я не приму никогда...

«Что же самое главное в жизни? – читаю «Лимонку». – Смерть... Смерть – это, пожалуй, все, что у нас осталось. Единственное, что не смогли высмеять, вышутить и спародировать. Хотя, конечно, очень старались. Но Смерть – «тефлоновый» политик, к которому не пристаёт грязь и которого нельзя купить... «Надежда», «утешение», «спасение», «справедливость» – с этими понятиями наивные люди обычно связывают некую мифическую субстанцию, именуемую Богом, приклеивают к нему бороду, делают чучела, прибавляют к кресту и водят вокруг всего этого хороводы, сопровождаемые просьбами, пожеланиями и раскаяниями в форме молитв. Новогодняя елка какая-то! «Надежда», «утешение», «спасение», «справедливость» – это ведь все и о смерти тоже. Может быть, смерть и есть – Бог? А самая искренняя молитва – автоматная очередь?.. Доктор Борменталь».

Когда я слышу такое, я даже благодарна. Все сразу встает на свои места, четко и ровно пролегает линия фронта. И я не трачу слова на просьбы, пожелания и раскаяния. Шепчу только:

– Я с Тобой... Я Тебя защищу...

Самая искренняя молитва – действительно автоматная очередь. Новогодняя елка, говоришь? Снегурочку заказывали?

Стена плача

Кирпич в стене... Я видела камни, которые плачут...

Бункер доживал последние дни. Я как чувствовала. Земля подо мной горела, я не могла задерживаться здесь больше ни на секунду. Это был мой последний день в Бункере. День казни моей любви. Она была еще жива, как только может быть жива любовь перед своей казнью...

Даже закрытие «Крокуса» не спасало его от нацболов. Я прижалась лбом к черному стеклу. Внутри просматривался тотальный реконстракшн. Не иначе, орудует новый хозяин. Потому что прежнего нацболы точно разорили...

Да, с магазина взять больше было нечего, но прикормленный за столько лет сквер со скамейками перед магазином был обречен. Это была территория «Другой России»...

...Красавец Макс Громов – от него же ничего не осталось. Я и не предполагала, что в данную минуту кому-то может быть хуже, чем мне.

«Детишки» резвились там, в стороне. А мы стояли с ним, как два соляных столпа, не в силах оторвать взгляд от хаоса, в который превращалась наша жизнь...

Я даже плохо понимала, что он говорит. Да и не объяснить уже словами боль, когда слезы застилают глаза и дыхание перебивает вовсе не ветер...

Что-то было не так у него с девушкой. ВСЕ было не так у него с девушкой! И в этом было столько безвыходного отчаяния, об этом был его немой вопрос: «За что?..» Может быть, именно это было тем черным непроницаемым стеклом, в которое он уперся с такой тоской? Бункер перемалывал своих героев. Может быть, от него действительно уже пора была избавляться?

Макс Громов со слезами на глазах – вот лицо партии. Вы кто-нибудь его слушали? Он все это рассказывал мне. Почему?..

Слеза революционера... Я чувствую себя почти Достоевским. Я ввожу новый образ, который тому, предыдущему, ничуть не уступит...

«Создание разрушения» – как вы можете жить с этим? Что вы делаете с собой? Ведь так нельзя. Человеческая душа не может выносить разрушение бесконечно – однажды человек неминуемо сам начнет разрушаться. Это верный путь в никуда.

Они играют с боевой гранатой. Кто догадался притащить любовь на войну? Они все – в этом. Вся их жизнь – попытка совместить несовместимое. И сгореть заживо, пытаясь совместить несовместимое, пропустив все через себя. Замкнуть внутри себя все контакты всех взрывателей...

Кто догадался свести вместе этих богов разных религий, как вообще могло родиться такое: «ЛЮБОВЬ И ВОЙНА»? Их любимый лозунг. Это же неминуемый взрыв! Я поняла: здесь никто никогда и не собирался поддерживать ровное тугое пламя. Здесь все рассчитано только на одно: именно взорваться, вспыхнуть живым факелом – и сгореть за секунды. Ярко. Страшно. Без следа. Здесь все – такое. Здесь все – такие. «Заранее обреченные на полнейший провал...»

Они заигрались со смертью. Какая любовь?! Какая война?! Дымящиеся головешки. Уничтожая себя, как они, надо в результате действительно по-настоящему умирать...

Потому что жить с этим – невозможно.

Жизнь раздиралась надвое, как полотнище в храме. Я рушилась посередине. Я умирала от непоправимой несправедливости чудовищного перевернутого мифа, в который эти люди добровольно превращали свою жизнь. Здесь все было неправильно. Будь проклята эта ваша война, если на ней погибает любовь!

«Мы» были возможны только в этом перевернутом мифе. Но в нем уже была невозможна я... Под черным московским небом я так близко подошла к его глазам, что на мгновение они заслонили все. А потом – все остальное. На мгновение отступил даже этот настигающий хаос. – Я тоже тебя люблю...

Это было выше моих сил. Это было последнее, что я услышала от своего С.С. Я убежала...

А весной я вдруг холодно и честно посмотрела себе в глаза – и раз и навсегда от него отказалась. Изводить себя очевидным несбыточным самообманом, разрушать себя дальше отравляющей кровь бессмысленной надеждой уже не было сил. Где-то там ежесекундно вызывал огонь на себя мой мальчик. Как с этим знанием жить?..

И тогда я просто сняла с себя эту память – и ее не стало. Спасаясь из капкана, зверь отгрызает себе лапу. Спасаясь от любви, я опять отсекала себе сердце. Без угрызений совести. Без оставленных лазеек назад. Навсегда. Твердо зная, что делаешь правильный выбор. Когда отдаешь ЕГО за СЕБЯ. А прошлое – за возможность будущего... Я навсегда закрыла эту страницу. Все начиналось с чистого листа. Уметь совершать подобное – такое счастье.

Во второй половине мая с новыми силами я обрушилась на Нижний. Бродя ночью одна по квартире без вести загулявшего где-то приятеля-нацбола, я подцепила с пола газету и прочитала: «...из отделения на «скорой» увозят С... С... – с пробитой головой и сотрясением...»

Перестал действовать мой крест...

А много позже я поняла, что во всей той сводившей меня с ума идеологической головоломке изначально было не так.

Всё. Не надо так глупо вестись и цепляться к словам, мало ли кто когда чего написал, слова ничего не значат. Художественный вымысел в суде не канает...

А как же тогда?

А вот так.

Нет никакой идеологии. Забудьте. Нет ничего. Сотрите все слова, исключите из алфавита буквы «Б», «Н», «П»...

А что же останется тогда? Что объединяет всех этих людей?

Нет никаких «всех». Есть каждый. И у каждого – своя война с Системой...

И это та война, когда с мстительным наслаждением ложатся с гранатой под танки.

Я, может быть, поняла, что именно все это время пыталась и не могла прочесть в глазах Макса Громова.

Он знает своего врага в лицо. Но ему даже не хватает взгляда, чтобы охватить его целиком. Но он все равно будет мстить. За себя. За что конкретно – знает только он сам. Просто за себя. За свою честь и свою гордость. И это – его личная война.

И вот такая война не прекратится. Каждый здесь мстит за себя...

Часть вторая

Суд истории

*Любой ход Истории будет смертелен.
Окажется прав тот, кто первым успел,
Когда ты меня будешь ждать на расстреле,
Когда я тебя поведу на расстрел...*

Глава 1

Русский порядок

«...Крупномасштабная операция бригады по окончательному и бесповоротному наведению Русского Порядка»... У меня от подобного зрелища в душе начинали греметь литавры. Когда он с отвращением орал, указуя на хозяйскую грязную тряпку: «Как можно жить в одном доме с ТАКИМ полотенцем?!», впервые за долгое время просто ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ.

На свободе

Соловей в мой адрес однажды уже ревниво процедил: «*Кайфуешь, сучоночка?..*» Это он еще не видел меня в тот раз в Нижнем. Вот когда я действительно *кайфовала*. Хотелось сесть в углу, подпереть с блаженной улыбкой щеку рукой. И уже не сводить восхищенного взгляда с разворачивающегося реалити-шоу. Боже мой, в натуральную величину – бригада по наведению Русского Порядка! «*Я с тебя тащусь... ты истинный ариец...*» С таким счастьем – и в национал-большевизме?!

С таким счастьем – и на свободе!

Однажды в середине мая 2004 года я обрушилась на Нижний Новгород. Примчалась, потому... потому... не знаю, что меня сорвало с места. Я была взвинчена до предела. «*Носорогу некуда будет вонзить свой рог, тигру не во что будет запустить свои когти, воину некого будет своим мечом поражать. Почему это так? Потому что он освободился от того, что может умереть*». Как я понимала этого обескураженного и разъяренного усато-полосатого тигра Лао-цзы. Мужик бы сказал: «*Эх, как бы я сейчас морду набил... А некому!*» У меня все несколько сложнее.

Это может стать опасной привычкой: отсекай от сердца очередную любовь. С треском выбрасывать из головы очередного мужчину. Потому что на тебя сразу низвергается слишком много лютой свободы. И я очертя голову слишком яростно бросаюсь в эту свободу. Самое лучшее мое время...

Мой приятель Женя Лыгин окопался в Нижнем и смотрел на меня как на стихийное бедствие, которое нужно просто пережить. Его спасает только то, что я настигаю его редко. Ибо ему досталась трагичная роль быть моей – единственной на всем белом свете – «лучшей подругой». Нет, не так. Другом, на которого можно вывалить все свое нутро. Именно ему принудительно, в обязательном порядке, выбалтываются все самые страшные тайны, безапелляци-

онно изливаются самые жестокие обиды и с блеском в глазах пересказываются самые циничные подробности. На зоне, я слышала, это называется: *«найти свободные уши»*. Но... Получается, что Женя – единственный, кто меня действительно знает.

И поэтому он уже не знает, чего еще от меня ожидать.

И вот теперь, посмотрев на меня недоверчиво сквозь стекла очков, он осторожно спросил:

– А как ты узнала... что приехал Голубович?

Я чуть было не ответила еще более осторожно: *«А это... кто?»* Но вовремя догадалась: эту фамилию постоянно печатали в «Лимонке» в списке национал-большевистских политических заключенных...

Тридцатилетний полковник

Такое я наблюдала впервые. Человек шел по улице и плечами двигал перед собой плотный, густой, спрессованный воздух. Это тугое вторжение упругой, почти опасной, не различимой глазом волны я почувствовала метров за двадцать. И обернулась. Человек шел по улице и двигал воздух... Я не мистификатор. Если я говорю: «было», значит, было...

Женя – я видела краем глаза – стушевался и сник. Немного не профессиональный военный, он знает суть слова «субординация». При всех своих медалях «За отвагу» он оставался рядовым партийцем. Вновь же прибывшего уже успели сравнить с *«тридцатилетним сталинским полковником»*. Темная история его ареста – битая карта его арестантской судьбы! – упала абсолютно в масть другим арестантским судьбам в криминальном пасьянсе национал-большевизма. Все было как всегда: красиво, трагично и – *«ни за что»*...

Он среди других был с Лимоновым во время их знаменитого ареста в медвежьем углу на Алтае в апреле 2001 года. И вместе с этими «другими» его отпустили.

Его черед пришел в 2002-м. ПРОРЫВ на сентябрьском «Антикапе» дорого ему обошелся. Из всей несущейся на ментов массы народа на площади Маяковского только их с товарищем наугад выхватили из толпы и обвинили в избииении милиционера. А он разве что ломился впереди всех бешеным тараном... Каждая демонстрация – репетиция революции.

Он освободился 6 мая (сейчас было примерно 20-е) по УДО с зоны под Владимиром, отсидев полтора года из присужденных трех. И теперь катался из Коврова в Нижний и Москву перед отбытием в свой Магнитогорск.

...Позже нацболы выпустят листовки с фотографией с ПРОРЫВА, где Голубович идет с кулаками на ментов. И обклеят ими всю страну. Звезда национал, блин, большевизма...

Ледокол

Мне немного знакомо это состояние. Когда, прокачивая всяким неподъемным железом себя, ты потом начинаешь прокачивать и пространство вокруг себя. И в результате – и не думаешь заканчиваться там, где заканчивается твое брненное тело. Истинный ты распространяешься гораздо дальше...

Голубович своим присутствием пространство занимает сразу все. А потом – все оставшееся. Есть он – и все остальные. Он без труда перевесит. Достаточно ему начать вещать своим абсолютно ровным, почти механическим голосом. Быстро пресекающим любые возражения и спокойно перекрывающим все другие разговоры... По типу он показался мне похожим на опального полковника Юрия Буданова. Такой же реальный мужик...

Профессиональный качок. Магнитогорск, железа много, пока все перетаскаешь... Слишком официально-серьезное, весомое, тяжелое лицо с недобрыми глазами и таким же тяже-

лым взглядом и залегающей между бровями морщиной. Впрочем, способное разгладиться – до юношеской чистоты...

У него было слишком правильное и хорошее воспитание, в детстве у него было слишком много правильных и хороших книг. И к чему это привело? Чтобы сесть, совершенно не обязательно подводить под это такую мощную интеллектуальную базу. Что, в Сибири все – потомки ссыльных революционеров? Судьба...

Я пыталась понять природу странного скрипучего звучания его связок. Голос как будто задавлен где-то на подходе к горлу. А идет глубоко из груди. И он просто продавливает свой голос наружу, нимало не напрягаясь. И так же безапелляционно продавливает все, что этим голосом произносит. Наблюдая в Нижнем за нашей большой компанией, я по ходу пьесы отпускала про себя комментарии типа:

– А теперь к разговору подключается внутренний голос Голубовича...

Тоже мне, чревовещатель...

Еще одна черта истинного спортсмена (помимо абсолютной непробиваемости), намертво впаявшаяся в характер. При всей весомости – невероятная легкость. Чувство юмора такое, что лучше умереть сразу – или все равно задохнешься в истерике.

А на десерт – с завидным постоянством дающая знать о себе потребность что-нибудь прошибить кулаком... По зеркальной глади его неистребимой интеллигентности тугой рябью нет-нет да пробегал сквозняк лютой реальности сурового братка...

– Не, Магнитка, не может быть, чтобы это был твой первый срок, – говорили ему в тюрьме. – Это ты где-то очень ловко засухарился...

Спокойствие его было того рода, что из него он, вообще безо всяких переходов, мгновенно срывался в атаку. С той же внешней отстраненной и холодной непробиваемостью, что только нагоняло жути. С чем-то лютым, вскипающим глубоко внутри. С ледяным, намертво вцепившимся взглядом слишком светлых глаз. С железным намерением задавить насмерть. Как будто разом впечатывал педаль газа в пол. По любому поводу. На кого угодно. Будь то оплошавшая продавщица в магазине – или летящий на него ротвейлер. Рядом с Голубовичем – шавка подзаборная... Я наблюдала за ним с затаенным восторгом. Я не раз потом вспомнила его с глухой тоской. Когда Соловей почему-то начинал вешаться от моей невинной манеры взрываться без предупреждения. Я знала человека, который бы меня не осудил.

Выяснилось, что он отлично умеет стрелять. Роскошный вид на Волгу (или Оку? В Нижнем не разберешь) с невероятного двухсотметрового обрыва он рассматривал в прицел игрушечного автомата, изъятого у сынишки Прилепина. Нижегородский гаулейтер Елькин тут же наябедничал:

– А однажды Леша руками убил собаку, чтобы посмотреть, может ли он убить...

Меня передернуло. Позор. Людей, что ли, не хватает? Что это за гнилое интеллигентничанье, изнеженное медитирование на разлагающемся трупе: *ах, могу... ах, не могу...* Если очень надо, просто пойд и убей...

Я все правильно рассчитала, войдя в фарватер строго за этим ледоколом. Ледокол развернулся – и всех, кто не спрятался, смыло волной. Я же эту волну просто оседлала. Я теперь могу поспорить с кем угодно, что, когда рыси в лесу сваливаются на загривки каких-нибудь огромных зверей типа лося, они их не едят.

Они на них катаются.

А завтра – все, что осталось

Нижний стоически переживал нашествие двух озверевших за зиму волков. Которым реально мало стало своего леса. Запретельно скотские поступки циничных отмороженных сволочей блистательно сопровождались непробиваемой ледяной надменностью двух наглых холе-

ных рож: *«Вы таки имеете мне что-то предъявить?»* Я весело убеждалась: люди под тридцать – просто подростки. Увеличиваются только масштабы разрушений...

– Бери от жизни все... – как бы случайно обронила я тогда фразу, искоса взглянув на него. А он мгновенно подхватил – так, походя, просто шествуя мимо по коридору Жениной квартиры:

– А завтра – все, что осталось...

И я поняла, в чем разница между нами.

Разница – в степени...

– Ты что, не замечаешь, – прокисала я от беззвучного смеха, осторожно пробежав взглядом по сторонам, – что в своей тарелке себя здесь теперь чувствуем только мы?

Это было уже наутро после очень длинной ночи – длинной для нас и невыносимой для всех, кому пришлось всю ночь нас терпеть...

– Да? – искренне удивился он и, как будто очнувшись, тоже оглянулся. – Нет...

Кто бы сомневался. Такие мелкие нюансы он просто не различает...

Он отобрал у нацболов ключи сразу от нескольких нижегородских квартир, отправив хозяев в небытие. Вдребезги разнес стиль жизни этих хозяев. А то, к чему прикасался сам, потом зачистил строго по технологии проведения контртеррористических операций. Только шум стоял. «Повальный шмон», «мочилово в сортире», «11 сентября», «исправительно-трудовая колония на капитальном ремонте после бунта во время пожара во время наводнения», «добывание полицией Нового Орлеана выживших после урагана «Катрина», «крупномасштабная операция бригады по окончательному и бесповоротному наведению Русского Порядка»... А на самом деле – просто уборка Голубовичем помещения, в котором он в данный момент вынужден находиться...

У меня от подобного зрелища в душе начинали греметь литавры. Впервые за долгое время просто ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ. Я не встречала личности более жизнеутверждающей...

Бедный нацбол Женя, сирота, на время лишенный «захватчиками» последнего, и так уже полуразоренного крова, только недобро поблескивал из угла расколотыми очками. *«Заниматься БОРЬБОЙ можно и с таким полотенцем, и без тряпок для посуды – и вообще без посуды!»* Глядя на него, я в это все больше верю... Когда мне наконец-то стало немного неловко за беспардонность нашего вторжения в чужой город и в чужие дома и смертельно жалко своего единственного друга, Голубович только холодно отрезал:

– Нормально...

И я поняла.

Это одной мне из-за моей неосведомленности НБ-герои доставались без ореола славы. А кто из национал-большевиков реально посмел бы тогда не поделиться с только что откинувшимся Голубовичем всем, что имел? Он отсидел за них за всех – и конкретно за кого-то другого. Но это я сама потом уже в уме сложила «два и два». Ни в каком виде, ни полупонамеком, я не услышала от него высказывания на тему: *вы мне все по жизни должны*.

Он просто приходил куда угодно – и БРАЛ СВОЕ.

Глава 2

Один на миллион

Из тысячи человек мне, возможно, нужен только один...

Господа нацболы

Народ подобрался реальный.

Блестящие «господа революционеры» Прилепин, Голубович, Елькин сидели у костра и педантично разносили только что вышедший фильм. Карену Шахназарову, наверное, не раз икнулось за его «Всадника по имени Смерть», снятого по мотивам повести Бориса Савинкова «Конь бледный»...

«И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри.

И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечем и голодом, и мором и зверями земными».

Откровение святого Иоанна Богослова

Мой любимый Дуче ляпнул недавно:

– Я иногда жалею, что у нас нет царя. Не в кого, понимаешь, бомбу метнуть!..

Современные профессиональные революционеры не могли видеть, как опошляется высокая трагедия русского террора...

– Да что там, наивная агитка, госзаказ на антитеррористическую пропаганду, – брезгливо отмахивались они. – Ну не в наше время так топорно лажать, не во времена изощренного пиара и тонких манипуляций сознанием масс.

– Да ему просто таланта не хватило.

– А еще – ума и вкуса. Не по зубам эта тема господину.

– Но с героями Савинкова он поступил непростительно. Он их опошлил. Революционеров превратил в марионеток.

– Как вообще можно высмеять террор? Террор всегда трагичен. Русский террор – с нашими метафизическими исканиями и метаниями – трагичен вдвойне. В фильме же трагедия становится фарсом. Сделали из великого смешное...

– Ну, на Иване Каляеве даже он споткнулся. Такого героя как ни опошляй...

– Самое непростительное, что сделал Шахназаров, – превратил искренность в откровенную фальшивку. Можно сколько угодно рассуждать о моральном аспекте терроризма, но уж кто-кто, а эсеры шли на смерть и на смертный грех, потому что были честны. Именно честность и честь не позволяли им поступить иначе. А вот Шахназарову эти понятия неведомы. Да и ни к чему они придворному слуге...

А «Лимонка» по поводу фильма разродилась японской эпитафией «На смерть Шахназарова»:

Иду по дороге – в руке бомба.

На сакуре – свежий труп.

Понтам дешевым – цена могила.

– Ох, господа революционеры... – Я слушала их молча, как всегда, среди умных оставаясь самой красивой... – Вам с вашего эшафота виднее...

Маленький прилепинский сын пытался забросить бумажку в костер, но ветер сносил ее обратно. Что-то убийственно знакомое напоминала мне эта упорная и бессмысленная борьба.

– Глеб, посмотри, откуда ветер дует. Если зайти с другой стороны, бумажка – вот так – полетит сама...

Надо же, оказывается, я до сих пор ношу перчатки, в которых грелась тогда у костра в последнюю холодную майскую ночь. Я прожгла одну, неосторожно схватила за горячую ветку. Так с оплавленной дырой на ладони и хожу. Как с напоминанием, что надо быть особенно осторожной именно тогда, когда все кажется абсолютно невинным. И держаться подальше от огня...

Куда там, без толку напоминать. На этом же самом месте на руке мне уже давно поставил шрам другой мужчина. Дуче, кстати, сволочь, и поставил... А, что? Нет, это я о своем... А оплавленная перчатка – единственное материальное подтверждение того, что все, что было дальше, действительно было...

Пацаны

Пацаны подрались из-за автомата.

Очаровательный прилепинский мальчишка лет пяти носился со своей игрушкой вокруг нашего пикника над обрывом. Взрослые без обиняков тоже были зачислены им в разряд игрушек. И когда один из них, большой незнакомый дядька, вдруг ухватился за его автомат, резвый пацаненок принялся самым отчаянным образом с этим дядькой бороться. Ласковый ребенок, видимо, привык играть со старшими и абсолютно вольно барахтался в руках незнакомца.

Он привык играть со взрослыми *друзьями отца* – но не со взрослыми дикими *зверями*. И в какой-то момент тот взрослый дикий зверь вдруг жестко и технично детское сопротивление подавил. Неуловимый жест, классический прием отъема у противника оружия. Хоп – и все. Ребенку наверняка не было больно, он разве что был несказанно удивлен... Смешно: я сама в первую же секунду машинально выхватила у него и обратила против него же нацеленный в меня ствол. Я таких шуток не понимаю. Больше со мной не играли... Но тогда даже я на расстоянии почуяла в Голубовиче мгновенный выброс неконтролируемой, мучительной ярости...

Мальчишка испугался и заревел.

Отец... У ребенка гениальнейший отец, он только небрежно посмеялся, и не подумав двинуться с места.

– Ничего, Глеб, вот вырастешь, – радостно успокоил он сына, – и ка-а-ак стукнешь дядю Лешу... *настоящим прикладом!*

Ребенок призадумался и затих. Неужели и правда что-то понял? А ему ведь, наверное, в те дни очень не хватало матери. Она только через день вернулась из роддома. С младшим братом. Отец не дернулся его успокаивать – и никто не дернулся. Не шелохнулась и я. Потому что знала: из этих двух пацанов по-настоящему утешать надо не того, который заревел. А того, которого так отчаянно и жестоко колотит сейчас изнутри. Крепко-накрепко прижать его голову к плечу и шептать, пока не *услышит*: «Ну что ты, парень... Тише... Тише... Успокойся... Успокойся, все уже позади...»

Мне до ломоты в пальцах хотелось обнять обоих этих, взвинченных и несчастных, мальчишек. Разницы между ними не было никакой...

Вот оно

Вечер только разгорался, перетекая в черную как смоль ночь. Нам с Женей пришлось на пару часов уйти. Я забрала сумку, неосмотрительно оставленную на прилепинской квартире, он жил в начале Бекетова, Женя – чуть дальше. А Жене именно сейчас вдруг срочно понадобилось в интернет-кафе. Отправить на сайт НБП «анонимное» сообщение об офисе, кажется, ЕдРа, накануне заброшенном банками с кузбаслаком. Почему-то он был абсолютно уверен в достоверности этой информации. Господи, как малые дети...

Я почти с восторгом прокатилась по ночному весеннему городу. Большие расстояния, яркие огни, красивые здания центра, пустые улицы, зелень, чернота неба, пробивающегося сквозь цветущие ветви. Нижний – мягкий город, чуть безалаберный, в нем легко, он не подавляет. А в мае ночь – это целый мир, где каждому есть место...

Женя мог неспешно прогуливаться хоть полночи. Вернувшись, он бы все равно застал покинутую компанию почти в полном сборе. После десяти вечера Нижний становится *территорией тьмы*, уехать куда-то на городском транспорте уже невозможно, и падать на ночлег приходится там, где сидишь. Поэтому вся толпа, начиная с самих нижегородцев, разнокалиберная, как изъятый у бандитов арсенал, ночевала сегодня у Жени...

Мы лихо подкатили в ярко освещенной пустой маршрутке. Бездомные сироты покорно тосковали, притулившись рядком на остановке. Приезжий выглядел что-то совсем плохо. Он сидел как оцепеневший Будда, глядя в никуда, прислонившись к железному навесу. И зачем-то натянув на голову капюшон. Так, что почти не было видно лица. Как будто вокруг была не майская ночь – а полярная зима. И вид у него был заледеневший.

Я с веселым наездом кивнула Елькину:

– Вы что с ним сделали – с этим полярником?..

По Нижнему невозможно ходить. Колдобины, западни, капканы... А *карабкаться*, оказывается, можно не только вверх. Вниз – гораздо смешнее... Чем я теперь блистательно и занята... Оказывается, корова на льду – это еще не предел беспредела. Видели кошку, пытающую слезть с дерева?

Уже не зная, что еще проклясть, я невыносимо долго сползала на высоких каблуках по чудовищно корявым ступенькам подземного перехода. Предварительно каждую в полутьме внимательно исследуя взглядом, подслеповато свешиваясь откуда-то с высоты своего роста. Хотелось взвыть от собственной беспомощности, я цеплялась за низкие перила, как слепой безногий паралитик. Ни одна НБ-сука мне руки, естественно, не подала. Господа нацболы, глухо прошелестев резиновыми подошвами, ссыпались с лестницы и протопали уже далеко вперед. Я даже рта не успела открыть, как стало бесполезно пытаться их окликнуть. Я осталась одна... Нормально. Я принадлежность людей к этой партии скоро буду определять вообще без каких бы то ни было опознавательных знаков. Дверью в метро по лицу двинул – нацбол...

Этот приезжий парень ждал меня внизу. Терпеливо стоял и ждал, пока я преодолею последние ступеньки. Ну и как зрелище? Разгневанно ступив наконец на плиты пола, я слишком небрежно и самоуверенно прибавила шаг – и сразу провалилась ногой в какую-то яму.

– Почему ты назвала меня полярником?

Ого! Он что, задержался, только чтобы аккуратно *спросить за базар*? Просто потому, что не может оставить у себя в тылу ни одного недо выясненного вопроса...

– А ты бы видел себя... – Я только усмехнулась, с полярником я попала в точку – и знала это. Вот стерва, да? Тебе базар нужен? А и отвечу... – Сидел там в своем капюшоне, как будто тебя вырубili из айсберга вместе с куском льда...

Он двинулся рядом бесшумной громадой. Надменность профиля и осанки угрожающей тучей выпирали далеко за рамки какой-нибудь пресловутой и заезженной офицерской выправки. Те рядом с ним – люди замученные и подневольные. А этот был свободен. Наконец-то свободен...

Я искоса взглянула на него, мгновенно почувствовав острую зависть к самому факту его существования. *Какой мужик...* В мутном электрическом мареве пустого перехода он рассекал грудью пространство, как будто сам был айсбергом. Я звонко чеканила шаг рядом. И уж точно больше не снисходила до того, чтобы опасливо заглядывать себе под ноги. В гробу я все видала... Змея на кабелях...

– А очень удобная куртка. – Он одернул на себе болонью. – Я в ней по утрам бегаю...

– А я вечером бегаю, – мгновенно отозвалась я. – Люблю, когда темно, почти ночь...

Он взглянул на меня гораздо осмысленней.

– Надо бегать на пустой желудок. Поэтому приходится как-то выкраивать время, раньше вставать, все это занимает полтора часа, не меньше...

Теперь осмысленность знаком вопроса замаячила и в моем взгляде. Я давно уже рассмотрела в нем нечто, что просвечивало, как темное глубокое второе дно, сквозь светлую поверхность радужной оболочки. Да, я из тех женщин, которые, общаясь с мужчиной, смотрят в его глаза...

И слишком многое застило ему сейчас взгляд. Он одновременно был здесь – и где-то невыносимо далеко отсюда. Нет, черта с два от него дождешься неадекватности и выпадения из контекста. Но слишком много посторонней, не доступной никому мысли тяжелой топкой трясинной стояло в его глазах...

Я читала этот взгляд однозначно. Парень, тебе плохо. Ты еще вообще не понял, что тебе уже хорошо. Тебе до сих пор – плохо. Ты до сих пор – там, где тебе плохо... И вот теперь он, вынырнув на мгновение из своего полузабытья, опять провалился уже в другую временную яму. Мне казалось, я воочию вижу, какие картины понеслись перед его устремленным в пространство взглядом. Его благополучная жизнь «до»... Ладно, пусть так. Это была уже спасительная яма. Но он как-то странно мгновенно ушел в нее с головой. И заговорил о прошлом в настоящем времени: «...бегаю... занимает полтора часа...» Как будто не было в его жизни провала величиной в *полтора года*...

– А я просто не ем ничего, – парировала я беззаботно. Его надо было ненавязчиво возвращать в реальность. Женская болтовня для этого отлично подойдет... – Живу на одном адреналине. Вот как сейчас. И отлично себя чувствую! А вечером гораздо легче бегать. За день разойдешься...

За этот день я действительно разогналась – и сейчас уже неслась почти невесомая, забывая о земле, хотелось кружить и смеяться. Ночь вокруг, казалось, уже звенела...

– Нет, с питанием приходится очень серьезно все решать... – Он интересно говорил. И почему, когда разговариваешь с ним, создается ощущение изысканно-небрежной, философски-утонченной, салонной беседы двух избранных? А мне грешным делом нравится этот высокомерный стиль... – И есть приходится очень много. Чтобы правильно выстроить мышцы. Я себе очень долго рацион подбирал. И то мне потом специалисты сказали, что надо было есть гораздо больше. Сложность в том, что все должно быть сбалансировано. Белки...

– ...жирки!..

– ...углеводы... С «жирками», – он, давя смех, скосил глаз на меня, – я смотрю, вообще напряг... Да. Плюс – всякие добавки. У меня магазин спортивного питания... – вещал он менторским тоном лектора.

– А я осенью, когда вообще голодала, выжимала одной рукой шестнадцатикилограммовую гантель. А потом зимой что-то расслабилась, теперь начала резко нагонять, но пока тяну только двенадцать...

Я вдруг поняла, что он давно уже очнулся, мы идем, не глядя по сторонам, и оживленно треплемся: *а я... а я...* Даже жаль, что нас тогда никто не слышал. Этот кто-то здорово бы развлекся. Это была забавная иллюстрация к вопросу о том, какой разговор – слово за слово – может завязаться между незнакомыми мужчиной и женщиной... Тот же, что между детьми в песочнице: *а у меня в кармане гвоздь, а у меня – собачья кость...*

Впрочем, нам оказалось достаточно перекинуться несколькими фразами. И мы были уже знакомы. Хм... Надо научиться хоть немного разбираться в оружии... И с какими мужчинами я тогда смогу проделывать этот трюк *мгновенного узнавания*...

Мгновенное узнавание. Вот что я читала в наших быстрых, чуть вопросительных взглядах друг на друга. *Он – такой же... Она – такая же...* Это – не мелочи, это – стиль жизни. Что это за стиль и что это за порода людей? Объясняю.

Им слишком на многое блистательно наплевать.

А не остается сил на рефлексии. Когда после тренировки ты в изнеможении вваливаешься в тренерскую, эмоция в наличии присутствует всего одна. Ты можешь только смеяться. Кто-то себе на ногу гирю уронил? Машину шефу разбили?! В соседнем доме устроили стрельбу?! Ха-ха-ха... Человек *не из наших*, забредший с улицы и пропершийся по коридору, оставляя грязные следы, озадаченно замирает на пороге. И вообще не может понять, что здесь происходит. Чему радуетесь? А у нас это просто такая реакция организма. Измороженного вдоль и поперек. Но страшно довольного...

Вот так и смотришь на жизнь – сквозь пот, прижатые к вискам кулаки и железные снаряды. А *этот* – вообще привык смотреть через прицел. Ну и что от такого человека ожидать?

О, я очень многого ожидала...

Здоровый цинизм. Вкупе с обычно хорошим расположением духа. И неумением держаться из-за пустяков и размениваться по мелочам. Отсутствие ненужных рефлексий. Все у таких людей в жизни гораздо проще. И другим с ними легко. Жизнь рубится крупными кусками. Если не заглатывается целиком. А это обычно выглядит красиво...

Способность через многое спокойно перешагнуть. И через многих... Ненавязчиво пробивающееся из всех щелей чувство собственного превосходства. Нарботанное годами изнурительных тренировок. И если ты так беспощадно истязаяешь себя, как ты будешь обращаться с другими? *Ничего личного*. Но однажды ты можешь заметить, что стал несколько жесток. А можешь и не заметить...

Плюс любовь к внешним эффектам. М-м-м, если двое таких сойдутся, они могут устроить настоящее шоу...

...Да нет, *ничего личного*, я только предположила... Я вообще этот портрет с других людей нарисовала.

С таких же...

Уже когда мы чинно и сдержанно-торжественно поднимались по лестнице из этого длинного перехода под площадь у Дворца спорта, я смотрела на нас с нескрываемым сарказмом. Да мы просто какие-то чудовищные аутсайдеры. На общем нацбольском фоне. Еще немного – и нас придется объявлять вне закона. Ну, я-то – ладно. *Мне – сам Бог велел...* И меня в конце концов однажды, *похоже, действительно объявят...* Но что здесь делает этот *уважаемый человек*? Ты где-то что-то напутал, парень. Нельзя быть таким правильным. Ты для этого не в той организации состоишь...

...Может быть, кто-то об этом даже не догадывается. Но покупка йогурта в круглосуточной ободранной «шайбе» на обочине несущегося ночного проспекта – это целое искусство. Автомобиль покупать, наверное, проще. И если ты владеешь этим искусством – ты владеешь миром.

А ты попробуй, *раздвинув плечами пространство*, войти так, чтобы все мигом все поняли: кто пришел, зачем. И кинулись выполнять. А если кто сослепу не понял, будет пригвожден к прилавку двумя заточенными льдинами глаз и переживет несколько очень неприятных минут. Причем вроде бы ровным счетом ничего не произойдет. Но он будет размазан по этому прилавку. И у него останется полное ощущение, что по нему проехали катком. И когда ты придешь сюда на следующий день, тебя будут ждать уже наготове. А ты ведь придешь...

Я наблюдала за ненавязчиво разыгранным им шоу с затаенным торжеством. Я могла все это по достоинству оценить, я-то различаю нюансы. Рядом с этим *большим человеком* было чертовски приятно находиться...

Мне оказалось достаточно просто попасть в *зону его действия*. И она оказалась зоной поражения. Я почувствовала себя *кошкой на батарее... заледеневшей на ветру розой*, которую вдруг поставили возле раскаленной печки. С каким, оказывается, беззвучным стоном у нее начинают расправляться тонкие, изнеженные – и совершенно окоченевшие – лепестки. Я, казалось, физически ощущала, как рядом с его жаром раскаляется и медленно осыпается с меня на пол удушающий панцирь прочного прозрачного льда...

Я сама вроде бы не слабая. Но сейчас вдруг *почувствовала разницу*. Оказавшись *по-настоящему* заслоненной *от всего* стенобитными плечами. Плечами мужчины, проделавшего это абсолютно автоматически. Меня на мгновение втянуло в его орбиту – и я моментально оказалась под его опекой. И было забавно, что диетический йогурт закупался уже и с расчетом на меня. Он-то лучше меня знает, что нужно спортсмену...

Нацболы затаривались на ночь пельменями. Мы двое мгновенно обособились и синхронно исполнились молчаливого надменного презрения к такому низкому стилю. Только мы двое оказались тут все такие из себя правильные и помешанные на здоровом образе жизни – всяким там не чета...

Да, очень высокомерно. Практически граничит с хамством. Утонченным хамством. Я прекрасно понимаю, за что Женья этого человека невзлюбил.

Уже тогда у меня в первый раз мелькнуло это ощущение. Что мы просто подростки, незаметно ставшие взрослыми. Очень быстро оценившие все преимущества – и включившиеся в игру «во взрослых» с детским азартом и заматеревшим знанием дела...

Он бороздил ночной цветущий город как линкор. А я, держась за его руку, чтобы не сломать себе шею на обезображенном нижегородском асфальте... я себя рядом с ним чувствовала уже гостем капитана линкора. Гостьей... И что-то внутри тихо говорило с осторожным торжеством: «Да... Да... Вот оно...» Это было, черт возьми, красиво...

– Я думал, ты уже не придешь... – негромко проговорил он когда-то тогда.
Ого...

– В тюрьме мы тремя камерами держали кота. Сажали его в мешок и перегоняли из окна в окно по веревкам. Однажды нас засекли, кричат снизу: «Руби «коня»!» – «Не могу, у меня там кот!»

Манера рассказывать убийственно смешные вещи у него такая же, как у артиста Виктора Коклюшкина. Ровным механическим голосом, с абсолютно непробиваемым лицом...

– Последний год в колонии я занимался только аквариумом. Рыбок разводил. Как назло, оказалось, что на всей территории червяки обитают только возле самого забора. Вот там-то мы их постоянно и рыли. А как иначе? Начальство орало до одури: «Чего они у вас там каждый день подкапывают?!» Но мне же надо рыб кормить... Вот сейчас уже две недели прошло. Я думаю, мои рыбы без меня уже загрустили...

...А потом он сидел на полу передо мной, и я все больше цепенела под его волчьим взглядом. И весь этот мрак, который пропитал его насквозь, теперь наполнял пространство вокруг меня. И мой взгляд все больше застыл от всего вот этого невыносимо невыносимого, которое он по капле выдавливал из себя – и перегружал на меня...

– ...Мужуку в тюрьме на допросе палец прищемили – и все, он начал гнить. В тех условиях полной антисанитарии вылечить рану вообще нереально. Достать антибиотики, как-то передать их с воли – огромная проблема. Мужик уже был готов рубить себе палец...

Женя, патентуй диван

Накануне 1 Мая из Нижнего отправлялся автобус, долженствующий отвезти всех желающих в Москву на Первомайскую демонстрацию. Я – желала. Но уже на выезде из города автобус тормознули автоматчики – и больше никто никуда не поехал. Более того, нас доставили прямо в отдел. Спрашивается, за что? Мы ехали на экскурсию. И все, кто не хотел быть задержанным, просто прошли мимо призывно открытых милицеских дверей – и отправились восвояси. Точно так же в тот раз развернули многих – из Смоленска, Минска, Брянска и Питера, избавив Москву от нашествия регионалов... Идти пешком ночью до Жениной квартиры надо было через полгорода. А я-то еху на революцию на каблуках...

Я чувствовала себя Русалочкой из сказки. Ступни горели невыносимо, каждый шаг причинял нестерпимую боль. На своих каблуках я могла безропотно идти очень долго. Но я не могла идти еще и быстро. По высоченным нижегородским холмам мужики убежали от меня чуть ли не на «полкило» вперед. *Вашу мать... Нацболы... Когда вы научитесь себя вести, это будет последний день партии...*

Они все-таки остановились меня подождать. И снова ломанулись вперед.

– Не отставай... – Это все, чего я удостоилась, когда, выбившись из сил, была от них всего в одном шаге...

Твою мать... Женя... Вроде бы друг... Так какого... ты со мной так обращаешься?!

– А слабо... дать руку?!

И дальше за несколько часов нашего убийственного марш-броска по колдобинам в темноте Женя, кажется, навсегда смирился со своей скорбной участью покорно таскать в одной руке мою сумку, а в другой – мой настырный стервозный труп...

В его однокомнатную квартиру ближе к четырем часам утра ввалилось доночевывать восемнадцать человек. Я быстро примерилась к дивану.

Да-а... Как мало я, оказывается, знаю об этой жизни. Я озадаченно смотрела на нечто, что когда-то было единым целым. Но теперь состояло из трех совершенно разрозненных частей. «А как?» означало: как этим пользоваться? И обнаружила, что на самом краю могу разместиться очень даже удобно. Ниспадая красивым каскадом вниз по грозно выпирающим уступам...

Я спала всего два часа. Рухнула вообще без ног. Но когда проснулась, мои разбитые ступни были в идеальном состоянии! Единственное, что я ощущала, – это противоестественная легкость в ногах. Фантастика!

– Женя, патентуй диван...

...Теперь у нас с этим диваном была своя страшная тайна. Я знала, как им пользоваться. Вряд ли сам хозяин владел этим секретом. Не выдавая врагам своей тайны, я, выключив свет, скользнула на уже пристрелянное место. Мои ребра ловко распределились по ребрам жесткости дивана и вошли в пазы чуть ли не с характерным щелчком, как конструктор. Я залегла как зверь, прильнув к бархатной обивке. Все, я в домике. Хрен меня теперь отсюда выкуришь... Вот такой вот аншлюс, захват хитростью и коварством Lebensraum – чужого жизненного пространства...

Народ, похоже, прочно засел на кухне. *Приезжий*, не включая света, вошел неслышно и долго возился в темноте, все никак не мог устроиться, мучительно ворочался где-то там на полу.

– Послушай... – глухо проговорил он вскоре. – Иди сюда...

Что и требовалось доказать...

Я чуть улыбнулась, чуть качнула ресницами тьму. Правильным людям очень легко друг с другом договориться...

– Ты иди сюда...

Ну вот и все. Договорились...

Он прошел в темноте – надвигающийся черный силуэт на фоне окна – и поднял меня на руки с прочно оккупированного мной убитого дивана. На мгновение я повисла совершенно безвольно – как хитрая лиса, притворившаяся мертвой. И тут же быстро обвила его руками, спрятав чуть смущенную улыбку на его плече. Немыслимо шикарном широченном каменном плече... *Боже мой, какой мужик... В таких дозах это почти смертельно...*

Он по-звериному, чуть нервно, как свою горячую кровавую добычу, складировал мои кости в дальнем углу на полу и прочно загородил мне собой выход. Замечательно. А дальше что? И главное, как он себе это представляет? Доски пола мгновенно впились мне в кости сквозь тонкое покрывало...

– Я не могу спать на полу! – взмолилась я. Ночь на этих чудовищных досках рядом с этим мужиком грозила превратиться в ночь между раем и адом... – Я здесь умру за ночь...

И я жестоко вернулась на отвоеванные себе останки дивана. Просто нестерпимая стерва... Говорят, женщина должна оставлять простор для завоевания. Мой *простор для завоевания* был уже такого масштаба, что я стала абсолютно самодостаточной...

Я хотела спать, и у меня было уже припасено *лично для себя* единственное в доме удобное местечко...

Буду кобениться – он меня придушит...

Но я делала только то, что хотела сама. *Ему* пришлось подчиниться. Этот лютый мужик покорно поплелся за мной...

Его ребрам диван достался во всей его убийственной многогранной красе...

Предложение, от которого она не сможет отказаться...

Если бы он еще мог не мучить меня...

Это был слишком длинный день. Еще полчаса назад я скользила по поверхности за счет собственной невесомости. Но сейчас ноги подломились, и я мучительно рушилась в темный колодец сна.

Но меня не выпускали, требовательно тянули обратно. Причиняя боль безвольно повисшему сознанию. Когда нет ни сил открыть глаза, ни возможности наконец забыться. А с каким наслаждением я растворилась бы сейчас в руках *такого мужика*. Не терзай меня, позволь мне уснуть рядом с тобой...

Каждое его прикосновение к моей коже невыносимо царапало воспаленный мозг, как наждак, проехавший по открытой ране. Голова разламывалась изнутри, и из самой глубины тяжелой мутой поднималось жесточайшее отторжение. Всего. Он был нестерпимо нежен. Но я только беззвучно стонала про себя: «*Спать... спать...*» И мечтала забыться хоть на секунду...

– Да мне даже не столько *этого всего* надо... – с какой-то горечью вдруг бросил он. – *Мне человеческого тепла надо...*

Он проговорил это глухо. Слишком глухо. Слишком много хриплых искажающих помех забыв вычистить из голоса на этих словах. И весь тот *ад*, что стоял за этими словами... это все теперь начало медленно рушиться на меня...

И я очнулась. Я в упор взглянула на него сквозь почти слепую, непробиваемую темноту. Вот такие слова я способна услышать. Кажется, этот человек умеет правильно подбирать слова. Кажется, это правильный человек...

Я осторожно приблизилась губами к его уху, краем глаза, сквозь ресницы, продолжая чуть настороженно держать его взглядом. Меня пугает, когда такой огромный человек вдруг говорит таким тоном. Как будто опасная трещина пошла по каменной глыбе... Осторожно коснулась его пальцами: *молчи, все знаю сама...*

– Знаю, знаю... Я все знаю...

Осторожно спрятала лицо у него на плече, ресницами различая в темноте только настороженный жар чужого тела.

Пацан, прости... Я неподатлива, как черный угорь. Я в слишком тугой жгут скрутила своенравие и гордость. Я никогда не буду просто чьей-то добычей. Ко мне не подойдешь, не напоровшись на холодный взгляд. *Минимум* на взгляд... Слишком рассудочный, слишком оценивающий. Я мгновенно взвзвюсь на дыбы, если почую хотя бы возможность того, что что-то может пойти наперекор моей воле. Нет, я сама буду подбираться к тебе, сужая круги. Медленно сканируя, стоишь ли ты вообще хоть капли тепла. Рядом со мной невозможно мгновенно согреться. Вряд ли рядом со мной вообще может быть по-настоящему тепло. Что бы ни разгоралось у меня внутри. И, растревоженное, горело потом долго и необъяснимо упорно. И уже без тебя... Я не способна на мимолетные отношения, если я остаюсь с мужчиной, я остаюсь *навсегда*... К сожалению.

Я не буду принадлежать человеку, пока его самого не сделаю *моим*. Но чтобы меня так *приручали*? Какой выдержкой, какой силой надо обладать, чтобы действовать так осторожно? Чтобы не обидеть ни вздохом? Не спугнуть ни единым движением ресниц? Но шаг за шагом смять, стереть с лица земли *пространство для завоевания*, превратив его в собственное *жизненное пространство*, властно заполнить своим нашествием и реальность, и подступающий сон. И заслонить собой все. А потом – вытеснить все, что осталось...

На тяжесть усталости тонкой отравой наслаивалась острая легкость скользящих прикосновений, возникающих из ниоткуда, из темноты. Когда уже невозможно отличать, сон это или... Но даже во сне так не бывает... Когда рассыпается связь с реальностью, растапливая настороженность и холод, и ты рушишься все глубже в провал между реальностью и сном. Все глубже – с каждым его прикосновением. Все глубже – растворяясь в *нем*. Все глубже – безнадежно увязая в перевернутой, растрескавшейся реальности полусна, полусчастья. Теряя последние представления о грани между сном и явью. Все больше доверяя темноте. Видя только *его*. Во всем мире видя и чувствуя теперь только *его*...

А на самом деле – просто блистательно плюя на тех, кто имел неосторожность оказаться сейчас рядом, устроившись спать на полу. Было за кем последовать в этой циничной манере...

А потом – я просто подчинилась...

Мужчины, умоляю, никогда не спрашивайте женщину: «*Можно?..*» Это звучит как оскорбление, вам ответят отказом. Сделайте ей *предложение, от которого она не сможет отказаться*.

...Какое мучение душишь рвущийся наружу крик, когда голова раскалывается в черном угаре, когда мозг не вмещает шквал невыносимо горячей темноты, заполонившей все, перехлестывающей через край. Когда невесомые касания, наслаиваясь, становятся нестерпимей

любой боли. Когда все слишком, слишком, слишком... Я боялась исполосовать зубами его плечо, насмерть сцепившись со слишком густой и воспаленной, *слишком чутко следящей за мной* темнотой, боялась выместить на нем самом боль слишком острого восторга, лишнего голоса, не находящего выход...

Темнота вдруг не выдержала, громко завопила, угрожая материализоваться в человека в самый неподходящий момент. *Он* чуть отшатнулся, но я только впила в спину пальцами, как гвоздями...

Ну уж нет. *У меня мое* так просто не отнимут... От меня всего этого слишком долго добивались. Меня слишком сильно заставили поверить, что мне это смертельно нужно самой... И мне теперь смертельно нужно еще несколько секунд... Что бы ни вздумало происходить рядом в эти секунды. Я никому и ничему не позволю отнять у меня *последние секунды. Перед взрывом...* Даже если начнет взрываться и рушиться все вокруг. Иначе *Карфаген точно будет разрушен...* Меня ничем нельзя привести в большую ярость, кроме как обломав мне вот этот вот кайф...

Наверное, это было неслыханно. Неслыханное хамство... Но я знала только, что это было неслыханно шикарно...

Я слишком многому уже научилась у мужчин. Я в точности переняла эту невыносимую манеру мгновенно захлопываться, как раковина. Отворачиваться – и засыпать глухо-обособленным, никого не допускающим в себя сном. Ты получил что хотел. И главное, я взяла все, что в данный момент было возможно. Все, до свиданья. Всем спасибо, все свободны. И свободна я. *Простор для завоевания* снова измерялся десятками световых лет...

Но сам этот мужчина... Это был какой-то неправильный мужчина.

Он медленно провел рукой по моей спине. Я знала, что выгляжу сейчас идеально...

– Я хочу тебя...

Так ведь только что... Но этот мужчина меня еще не отпускал, он действительно просил *быть с ним...* Я недоверчиво обернулась, взглянув в лицо в темноте чуть вопросительно, чуть восхищенно. Он сумел... именно теперь он сумел разбить последнее отчуждение.

– Это было самое лучшее, что ты мог сказать женщине.

Я робко потянулась к нему – и потерялась в нем. Теперь я действительно принадлежала мужчине, совершенно уже без сил тяжело проваливаясь в сон на его руках. Уже так естественно и совсем безвольно отдав его губам слишком обнаженно-беспомощное горло. Кажется, что сквозь истонченную, как истлевшая бумага, воспаленную, пылающую кожу уже медленно сочится горячая соленая кровь...

Аншлюс

Он был идеален.

Утром я внимательно следила за его суровой повадкой жесткого хозяина и *уважаемого человека* – и поняла. По скользкой тропинке слишком мимолетных отношений он проведет меня, прочно удерживая мою невесомость на своей руке. Просто не замечая никакого веса. «...да не преткнешься о камень ногою твоею...» Мне оставалось только опереться на предложенную руку...

И все. Все остальное в этой жизни мне было уже просто *преподнесено*. Все, что было добыто им из *ниоткуда*. Все, что было сделано им из *ничего*... Дорога была той ширины, на какую хватило его плеч, чтобы ее проломить. Территорией мы владели, на сколько хватило его взгляда, чтобы им ее охватить. Невероятно... Пара новых веток метро в Нижнем была прорыта им под землей, в общем-то, ради меня...

Это каким надо быть мужиком? Когда для женщины делается *все*. От – и до. И не важно, сколько времени вы проведете вместе. Несколько лет, часов или дней. Пока я была с ним, он действительно был *моим мужчиной*...

Может быть, и я того стоила...

...Нацболы плелись нога за ногу, шаркая кедами по асфальту. Что за манера – ходить такими оборванцами? Я жестко, размеренно и небрежно впечатывала каблуки в осыпающийся асфальт. Я чувствовала себя изысканной жестокой плетью. Я давно уже упрямо переплавляла себя, догоняя до состояния тугой стремительной *змеи*. Но в эту ночь я превратилась просто в *королевскую кобру*... Заласканная до полусмерти, я сейчас вальяжно свивала ленивые смертоносные кольца, как анаконда, сожравшая антилопу. И торжествующе переливалась на утреннем солнце отшлифованной до порочного блеска чешуей...

А мой мужик... *м-м-м... вот так-то!*.. темной тучей перемещаясь где-то за спиной, в это время демонстрировал, как выглядит настоящий аншлюс, жестоко перекраивал *под нас* чужое жизненное пространство. Он незаметно отставал от всех в паре с очередным нижегородцем, неспешно шагал рядом, заговаривал с ним, почти не разжимая губ. Даже не глядя на собеседника, устремив в пространство перед собой холодноватый, тяжелый, как будто отсутствующий взгляд и чуть пригасив его ресницами. Его жертвы шли за ним, как кролики за удавом. Они не смели ему отказать...

Позже я обнаружила, что жестом, каким перед разборкой сметают посуду под стол, он сгреб «обездомленных» нижегородцев в кучу и отправил всю ораву в крошечную комнату Елькина. И они там мученически ютились потом ночью друг у друга на головах. Великий писатель Прилепин был обездвижен одним движением ресниц... Прощения у них попросить, что ли? Он бы – не стал, знаю...

Потом он неслышно приблизился сзади и пошел рядом, оставаясь чуть-чуть за моим плечом.

– У нас есть уже две квартиры...

Он проговорил это сквозь зубы тихим голосом карманника, затесавшегося на светский раут. И в первые двадцать минут успевшего насшибать уже пять портмоне, три золотых портсигара и два бриллиантовых кольца...

Ничего

Какое наслаждение... Какое наслаждение быть тонкой, гибкой, смелой женщиной. Заточенной как нож, который так легко и уверенно подхватывает мужская рука. Который создан для того, чтобы его подхватывали и не выпускали эти руки... Иногда, когда удастся убедить жизнь, что ты действительно такой вот драгоценный нож, она становится к тебе благосклонна. И тебя подхватывают правильные руки...

Кажется, я стала для него образцом невесомости...

– ...удивляюсь, как соседи не вызвали милицию.

Он осторожно кинул взгляд вниз, подойдя к открытому окну, и весело повернулся ко мне. *Тебе смешно*...

Это действительно была *маленькая смерть*.

Дыхание, разодранное в клочья взорвавшим горло счастливым и, наверное, отчаянным криком, наконец-то отвоевавшим себе право на безудержную свободу... Дыхание возвращалось ко мне мучительно долго, с короткими болезненными всхлипами. С почти мучительной

ломотой в висках. Выбросившийся на берег океан оглушительного блаженства постепенно стекался обратно тонкими ручейками боли, царапаясь волной об острые прибрежные камни...

Чем я расплачусь за эти мгновения непомерного счастья? О какие камни меня швырнет после такого взлета?..

Когда шум в голове немного стих, я неохотно приподняла тяжелые непослушные веки. Он с интересом смотрел на меня своими невозможными смеющимися глазами, подперев голову рукой.

– Надо было тебе *тогда* закричать...

Ну да, он имел в виду прошлую ночь, когда я в угаре зубами рвала распирающий горло крик... Я стрельнула взглядом из-под низко опущенных ресниц, чуть закусив изнутри губу, чтобы скрыть зазмеившуюся усмешку. Конечно, тебе бы хотелось, чтобы все это душераздирающее великолепие выплеснулось на головы благодарных слушателей, коих вместе с нами в квартиру набилось тогда немало. О тебе бы после этого еще долго слагали легенды...

– *Огромный... роскошный... зверь...*

Я тихо смеялась, снизу вверх глядя в его слишком близкие фиолетовые глаза. У меня была странная власть и свобода с невероятной легкостью беспечно говорить ему сейчас *все*. А потом – глухо досказывать *все, что осталось...*

Это был тот редчайший случай, когда с мужчиной можно было *говорить*. У меня никогда еще разом не было столько свободы. Мыслимое ли дело: *не боясь быть за это оскорбленной*, вот так, *в самые глаза*, сказать мужчине о своем почти детском восхищении *им самим*? Просто потому, что это было правдой... А потом – жестоко спорить с ним. Потому что в этом – моя правда. А потом – сливать на саму себя чемоданы компромата. Потому что и это – тоже правда...

Говорить с ним было так же легко, как дышать. А дышать... Он, может быть, был единственным человеком, с кем я вздохнула так вольно. Парадокс или закономерность? Самым живым и свободным человеком в моей жизни оказался только что вырвавшийся из «плена мертвецов». Может быть, он теперь просто знал толк в жизни и свободе...

Никаких препонов. Никаких претензий. Невероятные отношения *равных* без малейшего подавления одного другим. Оба – свободны. Оба – самоценны. Оба – ценны друг другу. Ничего, что могло бы оскорбить мелочными и подлыми человеческими дрызгами данную конкретную секунду. И эта секунда проживалась на полную. Без оглядки на что бы то ни было.

Потому что это было правильно. Мы сами – и все, что с нами происходило. Что мы сами вырвали у жизни для себя...

Все было правильно. В высшей степени правильно. Никаких сомнений. Не люди. Дети. Звери... Существовало только *здесь и сейчас*. И его было слишком много – этого *сейчас*. Чтобы где-то могла забрезжить хотя бы мысль о завтра. «*Бери от жизни все...*» Ну, мы и взяли...

И не было уже никакого *завтра*...

А вы способны расстаться с женщиной, оставив ей в наследство благодарность?..

...Я видела, как он спал. Тяжело, тревожно, беспокойно. Все более угрожающе надвигаясь неподъемным плечом и прочно, удушающе придавив меня рукой. С каким-то... почти отчаянием. Плотно и нервно сжимая во сне свою законную, но такую эфемерную добычу...

Видеть это было больно. У него столько всего отняли, у него столько всего отнимали, что страх этот прорывался наружу даже во сне... Я не решалась лишний раз вздохнуть, боясь его потревожить. Мысли были горькими...

...*Ну что ты, пацан... Спи... Попробуй поспать хоть немного... Я тебя не предаю. Я никуда не двинусь от тебя ни на миллиметр... Сегодня у тебя ничего не отнимут...*

Это ведь он просил *тепла*. А в результате рядом с ним стремительно отогревалась я сама. Отслаивалась не просто окоченелость удушающей каждодневной человеческой несво-

боды. Отслаивались годы. И что я могла сделать для этого человека? Осторожно рассказать ему о его нечаянном совершенстве. Слова действенны...

– *Огромный... роскошный... зверь...*

Он смотрел с недоверчивой улыбкой, не мог понять, смеюсь я – или говорю серьезно...

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил невпопад.

Я вцепилась взглядом:

– А тебе?

– Двадцать девять.

– Вот и мне... скоро будет...

Я смотрела насмешливо: *ну? Я почти ровня тебе. Что дальше?*

– Нет, я просто пытаюсь составить представление о твоём опыте...

– Ну и как? – простонала я со смехом и тоской. О господи, тоже мне удумал...

– Нормально...

Он меня иногда удивлял. Что за дикость? С кем ты хочешь себя сравнить? Я здесь больше никого не вижу. Я никого больше не *знаю*. И знать не хочу...

Я вижу только тебя. И меня в высшей степени устраивает. То, что я вижу...

Зря не верил.

...Почему-то вспомнился «Тот самый Мюнхгаузен»:

– Почему ты не женился на Жанне д'Арк? Она ведь была согласна...

– Историки никогда не смогут ответить на вопрос: *чья же на самом деле была идея?*

Я откровенно забавлялась, чувствуя себя рядом с ним невероятно легко. Солоноватый юмор – это то, чему я научилась у мужчин. И я очень высоко ценю, когда в общении с мужчиной в разговор можно щедро сыпать *крупную соль*...

– Потому что я начала на тебя охоту, *еще когда у меня и мысли такой в голове не было*...

Это была абсолютная правда. Та учуянная мною *волна*, едва достигнув меня, мгновенно повлекла меня за собой. За ним...

– А что было бы, если б я тебя тогда не *позвал*? – неожиданно спросил он.

Я ответила в легкой лукаво-откровенной манере, уже ставшей визитной карточкой общения с ним. Взглянув на единственного на свете настоящего мужика с цепко-оценивающим и невинным цинизмом:

– Ничего.

...Странное то ли воспоминание, то ли ощущение. Что тогда все-таки прозвучала эта фраза...

Да, он точно это сказал:

– Знаешь... – Темнота, тишина, ночь. И в эту ночь мы переговорили обо всем на свете, намертво переплетаясь уже самими мыслями... – Это как Чингисхан однажды сказал: «*Из тысячи человек мне, возможно, нужен только один*»...

Ночь, тишина, темнота. Моя, скрытая от его глаз, горькая улыбка...

Знаю. Я-то сама поняла это уже давно...

Мне нужен ты – один из миллионов...

Глава 3

Магнитка

«Я не ожидал, что это кончится тюремным сроком. Когда меня арестовывали, я даже по сути как бы и не сопротивлялся, потому что для меня это не связывалось с возможностью какого-то серьезного наказания. Я понимал, что не сделал ничего такого выдающегося там из ряда. Ну, подумаешь, доставили в отдел. Посижу ночь в отделе. Так обычно и бывает. Ну, будут какие-то сутки, ну там трое суток. Все в пределах норм, ничего такого страшного. Когда меня из автобуса, куда нас всех загрузили подряд, без разбора, заказали подъехавшие фээсбэшники по фамилии, здесь уже я понял какое-то особое отношение.

Привезли нас в 10-е отделение, оставили во дворе, уже намекая, запугивая. Первые версии попервоначально были разные. Вот ты у мента погоню отодрал, ты у него фуражку сбил. То ты кого-то ударил реально. Мы тебя посадим. Но это еще в автобусе начали говорить. «А-а, сопротивление милиции при исполнении!» Если там это воспринималось абсолютно как запугивание, то здесь говорили: ты там палкой кого-то избил. Но я палкой никого не бил. Может, действительно кто-то бил, а поскольку народу было много, кто-то похож на меня. Как Солженицын писал: там разберутся. В «Архипелаге ГУЛАГ» писал. К интеллигенту стучатся: вы арестованы. Он такой добропорядочный. «Не может быть, я же честный человек!» Жена взволновано выбегает: «Ничего, Мусенька, там разберутся». А еще были предложения: а давай мы либо поедем сейчас за город с тобой в лес, либо мы тебя в 10-е отделение. Поехали в отделение. В отделении еще могут разобраться, а за город – там разберутся так, как с Бахуром разобрались. Я не предполагал, что придется сидеть чуть не два года. А что там несколько ребер поломают, сотрясение, сто пудов.

Особое такое отношение сразу было. Всех посадили в обезьянник вместе. Меня в одну камеру – одного, Николаева – в другую, одного. Я понял, что сейчас поведут на типа там допросы скоро. А мне по башке уже настучали хорошо к тому времени, голова болела, и я понял, что сейчас, перед допросами надо сосредоточиться, отдохнуть, может, поспать наконец-то час-полтора. Я просто там свернул пиджак, улегся на настил деревянный и уснул. Потом, пока я там дремал, открывается глазок камеры: поднимись. А я человек не очень опытный, поднялся, мои познания тюремные были через Солженицына, который писал, что по правилам тюремного содержания в какой-нибудь там спецтюремке вообще нельзя спать, положив руки под одеяло. Я поднялся. Посмотрели в глазок, пошушукались. Потом я понял, что это просто водили ментов, которые выступали свидетелями по моему делу, которые должны были меня опознать.

Потом по телевидению показывали, что я там с обломком палки хожу. Я с обломком ходил уже после не первого даже прорыва, в котором я участвовал, а после второго, в котором я не участвовал. Реально на площади осталось народу мало, а за пределами, тех, кого поймали со второго прорыва, уже лупили, и я, в общем-то, ожидал, что сейчас на нас просто бросятся. Поэтому я взял эту палку, но защищаться мне ни от кого уже не пришлось. К тому же она была уже положена, мы мирно вышли из оцепления.

Есть несколько версий, почему нас назначили главными виновными. Версия о стечении обстоятельств и версия кон-спирологическая. Стечение обстоятельств – это то, что я оказался в первых рядах первого прорыва, выглядел достаточно вызывающе, достаточно колоритно, меня запомнили. Вот это персонаж, типаж реальный, его можно показывать: смотрите, какой он там весь из себя, здоровый, пытался проломиться. А Николаев по этой версии просто рядом оказался, когда мы вышли. Схватили двоих: этот бил, а этот помогал.

Конспирологическая версия другая. Сейчас уже можно говорить, что у Николаева в Молдавии должна была пройти акция против председателя партии молдавских националистов. Он

должен был выступать в Кишиневе на каком-то массовом мероприятии, и уже было спланировано, что съедутся люди из разных частей Союза, и такой мультинациональный состав этого председателя закидает помидорами. И уже акция находилась в таком предполетном состоянии, уже вот-вот были готовы люди из разных регионов, от меня был готов человек. Акция уже заранее была такая, громкая и в некоторой степени тоже посадочная, мало того что союзного значения, она еще должна была транслироваться куда-нибудь на «Европьюс», на Восточную Европу. Вот, может быть, сведения об этом просочились, и уже Николаев был превентивно подписан под этого мента и был арестован, чтобы сорвать проведение этой акции. А у меня тоже с того времени были очень многообещающие контакты с реально высокими обещающими перспективами, на хорошем уровне, такой виток перспектив. Это тоже могло послужить поводом этот виток загасить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.